

**3(66)**

**сентябрь 2017**



# **НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК**



**ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ**



## **В НОМЕРЕ:**

- Криминологические аспекты предупреждения религиозного экстремизма в среде мигрантов
- Механизм коррупционного обогащения должностного лица
- Интернет: зона свободы слова или новая сфера правового регулирования
- Либерализм и право: эволюция доктрины



# № 3 (66) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2017

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

## В НОМЕРЕ:

### Научное обеспечение противодействия правонарушениям

- *Абдулганеев Р. Р.* Криминологические аспекты предупреждения органами внутренних дел Российской Федерации религиозного экстремизма в среде мигрантов ..... 3
- *Репецкая А. Л., Ивушкина О. В.* Кражи грузов на объектах железнодорожного транспорта: динамика состояния, специфика совершения (на примере Транссиба) ..... 7
- *Борков В. Н., Спиридонов А. П.* Механизм коррупционного обогащения должностного лица путем незаконного участия в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) ..... 10
- *Амарсанаа В.-И.* Объективная сторона преступления, посягающего на здоровье представителя власти, в уголовном законодательстве Российской Федерации и Монголии ..... 15
- *Бекетов А. О.* Процессуальная самостоятельность следственного органа .... 20
- *Даш Т.* Соотношение ареста подозреваемого по УПК Монголии с задержанием подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ ..... 25
- *Тамбовцев А. И.* Проблемы правовой интерпретации общих требований к лицам, оказывающим содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность ..... 30

### Право и общество

- *Кожевина М. А.* Образовательное право в системе современного российского права . . 36
- *Горев А. И., Горева Е. Г.* Интернет — зона свободы слова или новая сфера правового регулирования ..... 40

### Юридические ретроспективы

- *Язов А. Н.* Местное самоуправление как форма народного суверенитета в интерпретации отечественных либеральных правоведов конца XIX — начала XX вв. .... 45

### Философский и методологический инструментарий

- *Шаталин Е. А.* Либерализм и право: эволюция доктрины ..... 51
- *Нарыков Н. В., Дементьев С. А.* Формообразующие факторы и социальные условия информационной безопасности личности ... 57
- *Козлов С. В.* Власть как феномен социального бытия: постклассическая перспектива ..... 60
- *Морозов А. А.* Человек в религии: методология исследования религиозной нормативности . . 65

Информация для авторов ..... 70

Information for Authors ..... 71

Contents ..... 72

Abstracts and Key Words ..... 73

Сведения об авторах ..... 75

#### Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)  
**В. В. Векленко**, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)  
**Л. М. Прокументов**, доктор юридических наук, профессор (Томск, Россия)  
**А. Е. Чечётин**, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

#### Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)  
**В. В. Бабури**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)  
**М. В. Бавсун**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)  
**А. К. Бекряшев**, кандидат экономических наук, доцент (Омск, Россия)  
**М. А. Бучакова**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)  
**А. Е. Веретенникова**, кандидат педагогических наук, доцент (Омск, Россия)  
**В. В. Головки**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

- Т. Е. Грязнова**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (Омск, Россия)  
**А. С. Дежнёв**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)  
**Л. В. Денисова**, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)  
**А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)  
**Е. А. Клоков**, кандидат юридических наук, доцент — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)  
**М. А. Кожевина**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (Омск, Россия)  
**В. И. Красиков**, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)  
**В. Ф. Луговик**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)  
**Я. М. Мазунин**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)  
**М. А. Михайлов**, кандидат юридических наук, доцент (Симферополь, Россия)  
**А. А. Нечепуренко**, доктор юридических наук, профессор — *заместитель главного редактора* (Омск, Россия)  
**Г. Ч. Синченко**, доктор философских наук, профессор — *главный редактор* (Омск, Россия)  
**В. В. Хильюта**, кандидат юридических наук, доцент (Гродно, Республика Беларусь)

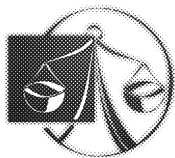
#### The editorial council:

- V. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)  
**V. V. Veklenko**, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)  
**L. M. Prokumentov**, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)  
**A. Ye. Chechetin**, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

#### The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)  
**V. V. Baburin**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)  
**M. V. Bavsun**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)  
**A. K. Bekryashev**, PhD in Economics, Associate Professor (Omsk, Russia)  
**M. A. Buchakova**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)  
**A. Ye. Veretennikova**, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)  
**V. V. Golovko**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)  
**T. Ye. Gryaznova**, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)

- A. S. Dezhnyov**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)  
**L. V. Denisova**, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)  
**A. M. Dzhorobekova**, Doctor of Law, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)  
**Ye. A. Klovov**, PhD in Law, Associate Professor — *assistant editor* (Omsk, Russia)  
**M. A. Kozhevina**, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)  
**V. I. Krasikov**, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)  
**V. F. Lugovik**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)  
**Y. M. Mazunin**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)  
**M. A. Mikhaylov**, PhD in Law, Associate Professor (Simferopol, Russia)  
**A. A. Nechepurenko**, Doctor of Law, Professor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)  
**G. Ch. Sinchenko**, Doctor of Philosophy, Professor — *chief editor* (Omsk, Russia)  
**V. V. Khilyuta**, PhD in Law, Associate Professor (Grodno, Belarus)



## Вниманию подписчиков!

**18630** — наш индекс в издании «Газеты. Журналы» АО «Агентство „Роспечать“»

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Г. Ч. Синченко*

Редактирование *А. Н. Великих*

Корректурa *М. В. Виноградовой*

Дизайн и компьютерная верстка *А. В. Сергеева*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25982 от 13 октября 2006 г. выдано Роскомнадзор.

Выход в свет: 29.09.2017. Тираж 120 экз. Уч.-изд. л. 8,4. Усл. печ. л. 8,8. Заказ № 183.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2017



# НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

УДК 343.9 © Р. Р. Абдулганеев, 2017

## Криминологические аспекты предупреждения органами внутренних дел Российской Федерации религиозного экстремизма в среде мигрантов

Р. Р. Абдулганеев



На основе актуальных статистических данных приводятся перспективные правовые и организационные направления совершенствования антиэкстремистской деятельности органов внутренних дел и предлагаются меры специального предупреждения, направленные на противодействие распространению идеологии религиозного экстремизма и вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность, исходя из особенностей сложившейся криминогенной обстановки и правоприменительной практики.

*Ключевые слова:* религиозный экстремизм, миграция, преступность мигрантов, безопасность государства, негативное социальное явление.

Нахождение России на стыке религиозных традиций запада и востока накладывает существенный отпечаток на систему межнационального согласия, межкультурного взаимодействия и межрелигиозного диалога в обществе, и выступает тем самым одной из основ национальной безопасности.

Миграционные процессы являются неотъемлемой составляющей жизни любого государства, а эффективность социальной адаптации мигрантов отражает уровень стабильного и поступательного развития страны. Незаконная миграция, внося существенный дисбаланс в криминогенную обстановку, представляет собой значимый стратегический риск и угрозу национальной безопасности, особенно если она сопряжена с распространением религиозной экстремистской идеологии.

В. Л. Казакова справедливо отмечает, что миграция иностранных граждан, в том числе из стран со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической ситуацией, может способствовать ухудшению социальной обстановки в местах их пребывания, возникновению межнациональных конфликтов, создавать условия для формирования этнических анклавов, организо-

ванных преступных групп, экстремистских и террористических организаций [1].

Как показывает статистика, особенностью лиц, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности среди мигрантов, является их организаторская роль при совершении таких преступлений. По данным ГИАЦ МВД России, с 2010 г. по 2016 г. из числа зарегистрированных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. ст. 280, 280<sup>1</sup>, 282, 282<sup>1</sup>, 282<sup>2</sup>, 282<sup>3</sup>, 357 УК РФ), наибольшее количество мигрантов (88%) было выявлено за совершение преступлений, предусмотренных ст. 282<sup>2</sup> УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (11,7%).

Наибольшее число мигрантов, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности с 2010 г. по 2016 г., — это граждане государств-участников СНГ: Таджикистана (57 лиц); Узбекистана (24); Украины (23); Кыргызстана (11); Азербайджана (7); Армении (5); Казахстана (1); Беларуси (1)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Данные приведены в сводном отчете ГИАЦ МВД России «Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления. Всего по России за период с 2010 по 2016 гг. М., 2017».

Заметим, что хотя доля мигрантов не столь велика в общем массиве лиц, выявленных за совершение преступлений данной категории, и не превышает 3%, их качественный потенциал характеризуется высокой степенью латентности и широкими возможностями распространения идеологии религиозного экстремизма, в первую очередь среди соотечественников, а также представителей этнических диаспор, проживающих на территории России. Миграционный кризис последних лет, происшедший в странах Европейского Союза, выявил существенные проблемы в обеспечении миграционной безопасности и организации противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди мигрантов, на практике показал уязвимость современных правовых и социальных барьеров, которыми пользуются международные экстремистские организации, направляя с динамичными потоками легальной и нелегальной миграции своих членов на территорию европейских стран [2].

В данной ситуации на органы внутренних дел возлагается большая ответственность по обеспечению режима законности пребывания мигрантов на территории Российской Федерации и предупреждения совершения ими преступлений и правонарушений, в том числе экстремистской направленности.

Отметим, что работа по формированию правовых механизмов, направленных на противодействие проникновению на территорию страны участников международных экстремистских организаций среди лиц, прибывающих по каналам легальной и нелегальной миграции, а также распространению ими идеологии религиозного экстремизма, ведется органами внутренних дел сравнительно недавно.

Федеральный закон от 28 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»<sup>2</sup>, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.<sup>3</sup> и Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.<sup>4</sup> во многом определили перспективные направления криминологической превенции преступности мигрантов и предупреждения распространения идеологии экстремизма в их среде, позволили переосмыслить ключевые подходы в установлении вектора правового воздействия на данную проблему.

По нашему мнению, прогрессивными с точки зрения установления законодательных барьеров стали изменения в свете принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»<sup>5</sup>, а именно предусматривающие новый порядок пересечения государственной границы России для иностранных граждан в целях осуществления профессиональной религиозной деятельности, в том числе и миссионерской.

Однако в условиях возрастающей угрозы национальной безопасности со стороны незаконной миграции без должной правовой оценки остаются вопросы предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма мигрантами среди представителей национальных диаспор и анклавов, а также граждан Российской Федерации, что значительно увеличивает общественную опасность и облегчает реализацию преступных умыслов.

Полагаем, к ключевым направлениям деятельности органов внутренних дел в сфере предупреждения распространения религиозного экстремизма в среде мигрантов нужно отнести специальные меры по противодействию воспроизводственному потенциалу религиозных экстремистских организаций, поэтому представляется возможным сформулировать следующие предложения:

1. В связи с тем, что ограничение иностранному гражданину или лицу без гражданства въезда на территорию РФ признается существенным вмешательством в его личную жизнь со стороны публичных властей [3, с. 29–32], значимой является выработка правовых механизмов противодействия практике фиктивных приглашений иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности в стране. На необходимость такого рода изменений указывают данные статистики с 2010 г. по 2016 г., в соответствии с которыми наибольшее количество преступлений экстремистской направленности среди мигрантов было совершено лицами, прибывшими в страну для работы по найму (83,4%) и для учебы (16,6%)<sup>6</sup>.

Следует внести изменения в Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства

<sup>2</sup> *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 26, ст. 3851.

<sup>3</sup> *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года*. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.01.2016).

<sup>4</sup> *Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 28, ст. 4558.

<sup>6</sup> Данные приведены в сводном отчете ГИАЦ МВД России «Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Всего по России за период с 2010 по 2016 гг. М., 2017».

в Российской Федерации»<sup>7</sup> путем закрепления в ст. 9 «Перечень сведений, фиксируемых при осуществлении миграционного учета» в качестве обязательных сведений информации о привлечении в иностранном государстве к уголовной и (или) административной ответственности за совершение преступлений (правонарушений) экстремистской направленности и (или) террористического характера, что позволит своевременно реагировать на попытку въезда в страну данной категории лиц и предпринять необходимые меры в случае их нахождения на территории Российской Федерации.

2. Значимой признана практика проведения повсеместной просветительской работы органами внутренних дел среди мигрантов в целях снижения их маргинализации и отчужденности в отношениях с местным населением [4, с. 29–33]. Однако в условиях возрастающей степени адаптивности религиозного экстремизма к правовым и социальным барьерам, ежегодного роста преступлений экстремистской направленности достойными внимания выступают меры селективной профилактики, которые направлены на дерадикализацию мигрантов, вовлеченных в деятельность религиозных экстремистских организаций и находящихся на территории страны. К такому относится комплекс мер индивидуального предупреждения религиозного экстремизма по разобщению членов экстремистских групп и извлечению ее членов из криминальной среды при взаимодействии с национальными диаспорами и представителями традиционного духовенства. По нашему мнению, формирование на федеральном уровне устойчивой информационной поддержки антиэкстремистской деятельности в системе дежурно-диспетчерских служб «112» путем создания единого федерального номера для мобильного консультирования лиц, столкнувшихся с проявлениями экстремизма, представляется более чем востребованным.

3. Требуют совершенствования меры межведомственного взаимодействия в вопросах предупреждения религиозного экстремизма среди мигрантов. Одним из перспективных направлений такой работы органов внутренних дел и органов прокуратуры видится создание совместных электронных информационных учетов для обмена оперативно значимой информацией.

Так, создание информационной системы обеспечения антиэкстремистской деятельности МВД России, включающей в себя подготовку информационного учета «Религиозный экстремизм» в рамках исполнения приказа МВД России от 12 февраля 2014 г.

№ 89дсп «Об утверждении Наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации», позволит отслеживать криминальную ситуацию, связанную с проявлениями религиозного экстремизма в регионах, и своевременно реагировать на нее.

В соответствии с приказом Генпрокуратуры России от 1 июля 2015 г. № 343 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции»<sup>8</sup> к актуальным направлениям надзорной деятельности органов прокуратуры теперь относится предотвращение вовлечения мигрантов в криминальную среду, экстремистскую, террористическую и коррупционную деятельность.

4. Достойными внимания являются меры, направленные на оптимизацию уголовного законодательства путем закрепления в Уголовном кодексе РФ статьи 205<sup>6</sup> «Несообщение о преступлении» в рамках изменений, внесенных Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»<sup>9</sup>, однако ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое, по достоверно известным сведениям, готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений экстремистской направленности, не нашла своего правового отражения.

Полагаем, повышенная общественная опасность экстремизма обуславливает необходимость закрепления ответственности за несообщение о таком преступлении. Учитывая, что субъект такого преступления общий, реализация данных правовых мер будет способствовать повышению информированности органов внутренних дел и позволит своевременно реагировать на факты проявления экстремизма, в том числе и в среде мигрантов.

5. Одним из ключевых направлений в вопросах предупреждения религиозного экстремизма является разработка совместного учета лиц, въезжающих для получения религиозного образования или осуществления педагогической деятельности в религиозных образовательных организациях.

Реализация указанного направления представляется возможной путем сбора и анализа информации региональными подразделениями органов вну-

<sup>7</sup> *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2006. № 30, ст. 3285.

<sup>8</sup> Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>9</sup> *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 28, ст. 4559.

тренних дел по вопросам миграции и центрами по противодействию экстремизму с последующей ее обработкой и передачей в Главное управление по противодействию экстремизму МВД России (ГУПЭ МВД России) и Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ МВД России) о лицах: а) прибывших на обучение по направлению религиозных конфессий; б) прибывших на обучение в рамках международных обменов с зарубежными религиозными учреждениями и организациями; в) прибывших по приглашению религиозных образовательных учреждений и организаций; г) изъявивших желание к самостоятельному обучению в российских религиозных образовательных организациях.

Полученная информация должна быть положена в основу дальнейшего мониторинга деятельности иностранных граждан указанных категорий в целях пресечения возможности совершения ими преступлений экстремистской направленности и распространения идеологии религиозного экстремизма.

6. Важно отметить, что одним из перспективных направлений, требующих законодательной регламентации, остается проблема противодействия преступному потенциалу незаконной миграции как одному из средств распространения идеологии религиозного экстремизма.

К основным специальным мерам, предпринимаемым органами внутренних дел РФ, следует отнести реализацию мероприятий в рамках функционирования государственной информационной системы миграционного учета по модулю «Регистрационный учет» унифицированного прикладного программного обеспечения «Территория». Полагаем, существенным дополнением к указанной программе ста-

нет реализация системы электронного мониторинга миграционной активности «Электронная карта мигранта» ГУВМ МВД России.

Система электронного мониторинга «Электронная карта мигранта» представляет собой номерную пластиковую карту с чипом, действительную только по предъявлении ее собственником карты и содержащую квалифицированную электронную подпись ее владельца. Электронное содержание карты должно включать платежные, транспортные приложения и графическую информацию о владельце: фотографию и персональные данные, исчерпывающую информацию о правовом статусе мигранта, сроке действия регистрационных документов. Транспортное приложение «Электронной карты мигранта» позволит оплачивать проезд на всех видах транспорта. Банковское платежное приложение карты обеспечит расчеты и получение банковских услуг мигрантами.

Таким образом, практическая реализация электронного мониторинга миграционной активности сделает прозрачной для органов внутренних дел оперативно значимую информацию о деятельности мигрантов на территории страны, в том числе позволит отслеживать географию перемещений мигрантов и их финансовую деятельность.

По нашему мнению, осуществление данного направления в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. будет способствовать контролю сферы миграционных потоков в стране и предупреждению распространения идеологии экстремизма как в среде мигрантов, так и среди российских граждан.

## Список литературы

1. Казакова В. Л. Об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции. М., 2016. 18 с.
2. *Analyse der Radikalisierungshintergründe und -verläufe der Personen, die aus islamistischer Motivation aus Deutschland in Richtung Syrien oder Irak ausgereist sind* Fortschreibung 2015. Berlin, 2015. 50 s.
3. Лемонджавя Р. Р. Запрет на въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину как способ противодействия незаконной миграции: ценность и проблемы правоприменения // Миграционное право. 2015. № 2.
4. Капинус О. С. Противодействие незаконной миграции как угрозе национальной безопасности России // Миграционное право. 2016. № 1.

УДК 343.9 © А. Л. Репецкая, О. В. Ивушкина, 2017

## Кражи грузов на объектах железнодорожного транспорта: динамика состояния, специфика совершения (на примере Транссиба) А. Л. Репецкая, О. В. Ивушкина



Разработанная формула определения коэффициента криминогенной зараженности объектов железной дороги позволила рассчитать его применительно к наиболее распространенным в этой сфере преступлениям — кражам грузов, что дало возможность в динамике сопоставить уровень этих преступлений по отдельным участкам Транссиба: Восточно-Сибирской, Забайкальской и Дальневосточной железным дорогам. Анализ представленных данных свидетельствует о высоком уровне криминогенной зараженности выбранной части Транссиба, так как коэффициент краж грузов варьируется от 3 до 7 преступлений на каждые 100 км исследуемого участка железной дороги. Описан ряд особенностей совершения краж грузов из подвижного состава, позволяющих определить направления деятельности органов внутренних дел на транспорте в предупреждении указанных преступлений.

*Ключевые слова:* коэффициент, криминогенная зараженность, железные дороги, кража грузов с объектов железнодорожного транспорта.

Российский железнодорожный транспорт — это системообразующая отрасль экономики нашего государства. В железнодорожном комплексе России железные дороги — крупнейшие в мире, они обеспечивают 25% мирового грузооборота. Основными преимуществами железнодорожного транспорта являются: высокая провозная способность независимо от времени года и климатических условий; возможность массовых перевозок различного рода грузов (лес, руда, каменный уголь, строительные материалы, жидкие и горюче-смазочные материалы и др.) на большие расстояния; высокая скорость доставки; надежность и безопасность; относительно низкая себестоимость перевозок; низкий уровень вредного воздействия на окружающую среду по сравнению с другими видами транспорта.

С высокими темпами роста транспортных перевозок и услуг возрастает и роль обеспечения безопасности на транспорте, поскольку транспортная система традиционно представляет собой специфичную отрасль экономики страны, имеет характерные особенности и подвержена преступным посягательствам на объекты, перемещаемые железнодорожным транспортом. В условиях проводимой радикальной экономической реформы увеличивается и вес железнодорожного транспорта, на долю которого приходится две трети грузовых перевозок.

Анализ преступных посягательств, осуществляемых на объектах железнодорожного транспорта, свидетельствует о том, что самый распространенный их вид — это кражи из подвижного состава, которые составляют около 90% в общей структуре хищений

грузов, регистрируемых на объектах железнодорожного транспорта, поэтому особое внимание в данном исследовании уделено именно кражам грузов с объектов железнодорожного транспорта.

Между тем невозможно говорить о количественной характеристике указанных преступлений (как и любых других) абстрактно, без привязки их к конкретной территории. Специфика анализируемых объектов требует особого подхода при определении территориальности такого исследования, поскольку, с одной стороны, они представляют собой достаточно узкую в территориальном масштабе полосу, на которой расположены сама железная дорога и ее объекты, а с другой стороны, протяженность этой полосы превышает размеры любых субъектов Российской Федерации, даже при объединении их в регионы.

Одной из таких железных дорог является Транссиб, самая длинная железная дорога в мире (9288,2 км). На перевозки грузов с участием Транссиба приходится около 45% от внутригосударственных перевозок, осуществляемых железнодорожным транспортом. Этот участок дороги считается самым загруженным в мире — около 100 млн тонн груза на 1 км дороги.

По уровню преступности Сибирь, особенно восточная ее часть, и Дальний Восток превосходят все другие регионы РФ. Такое положение дел не может не отражаться и на железной дороге, которая проходит по данной территории. Именно поэтому в качестве объекта исследования был выбран участок Транссибирской магистрали, объединяющий в себе несколько дорог, которые имеют свою подведомствен-

Таблица 1. Динамика краж грузов на Восточно-Сибирской железной дороге (2010–2015 гг.)

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество зарегистрированных краж грузов	126	108	141	193	185	146
Прирост к предыдущему году, %	14,5	-14,3	30,6	36,9	-4,1	-21,1
Коэффициент краж грузов (на 100 км железной дороги)	3,2	2,7	3,6	4,9	4,7	3,7

Таблица 2. Динамика краж грузов на Забайкальской железной дороге (2010–2015 гг.)

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество зарегистрированных краж грузов	124	134	220	221	147	233
Прирост к предыдущему году, %	-27,5	8,1	64,2	0,5	-33,5	58,5
Коэффициент краж грузов (на 100 км железной дороги)	3,7	4,0	6,5	6,6	4,4	6,9

Таблица 3. Динамика краж грузов на Дальневосточной железной дороге (2010–2015 гг.)

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество зарегистрированных краж грузов	224	226	332	280	296	191
Прирост к предыдущему году, %	-8,2	0,9	46,9	-15,7	5,7	-35,5
Коэффициент краж грузов (на 100 км железной дороги)	3,7	3,8	5,5	4,6	4,9	3,1

ность, проходят по указанным регионам и при этом испытывают максимальную нагрузку при грузоперевозках. Кроме того, анализ протяженности, климатических особенностей, социально-экономической инфраструктуры, а также структуры самих грузоперевозок Транссиба позволяет сделать вывод о том, что его участок, включающий Восточно-Сибирскую, Забайкальскую и Дальневосточную железные дороги, полностью соответствует целям исследования.

Приступая к анализу динамики состояния краж грузов на указанном участке Транссибирской магистрали, необходимо отметить еще один момент. Абсолютные показатели, характеризующие количество краж грузов на разных по протяженности участках дороги, не дают возможности сравнивать их между собой, определять уровень криминогенной зараженности. Они являются лишь базой, на основе которой рассчитываются относительные показатели, или коэффициенты, помогающие понимать, в частности, сколько краж приходится в расчете на определенную протяженность того или иного участка дороги.

Для расчета такого коэффициента (назовем его коэффициентом криминогенной зараженности железной дороги) было взято 100 км ее расчетной протяженности. Соответственно, представленные динамические ряды этих показателей позволяют анализировать выделенные участки дороги как сопоставимые. При этом нужно иметь в виду, что коэффициент рассчитывался применительно к исследуемому виду преступлений, а не к общей их совокупности. В целом, возможен любой расчет данного показателя, исходя из целей исследования.

Анализ полученных данных о кражах грузов из подвижного состава за последние 6 лет (2010–

2015 гг.) \* показывает волнообразный характер динамики их уровня с тенденцией к повышению к 2013 г. и с незначительным снижением в последующий период (табл. 1, 2, 3). Например, количество выявленных на железнодорожном транспорте краж грузов в период 2012–2013 гг. (рис.) возросло почти в 2 раза по сравнению с базовым 2010 г. Рост рассматриваемых преступлений был обусловлен рядом причин, основные из которых: усугубившееся социально-экономическое расслоение населения, низкоэффективная деятельность правоохранительных органов, значительное развитие организованных форм преступного поведения.

Начиная с 2013 г. уровень зарегистрированной преступности в сфере грузовых перевозок стал постепенно сокращаться. Так, в 2014 г. на Забайкальской железной дороге произошло снижение краж грузов из подвижного состава на 33,5% по отношению к 2013 г. (табл. 2); на Восточно-Сибирской дороге — на 4,1% (табл. 1). Кражи на Дальневосточной железной дороге показывали снижение в 2013 г. (15,7%) и в 2015 г. (35,5%), значительно усилив волнообразность динамики на данном участке (табл. 3).

Между тем, несмотря на незначительное снижение уровня краж грузов из подвижного состава на исследуемом участке Транссиба, уровень его криминогенной зараженности нужно признать высоким, поскольку на разные части исследуемого участка приходится от 3 до 7 краж в год в расчете на каждые 100 км.

Это свидетельствует о том, что подвижной состав железнодорожного транспорта наиболее уязвим от преступных посягательств со стороны расхитителей. Высокая криминогенность в сфере грузовых перевозок на изученном участке Транссиба объясняется большой

\* URL: <https://мвд.рф/Dejatelnost/statistics/> (дата обращения: 10.11.2016).

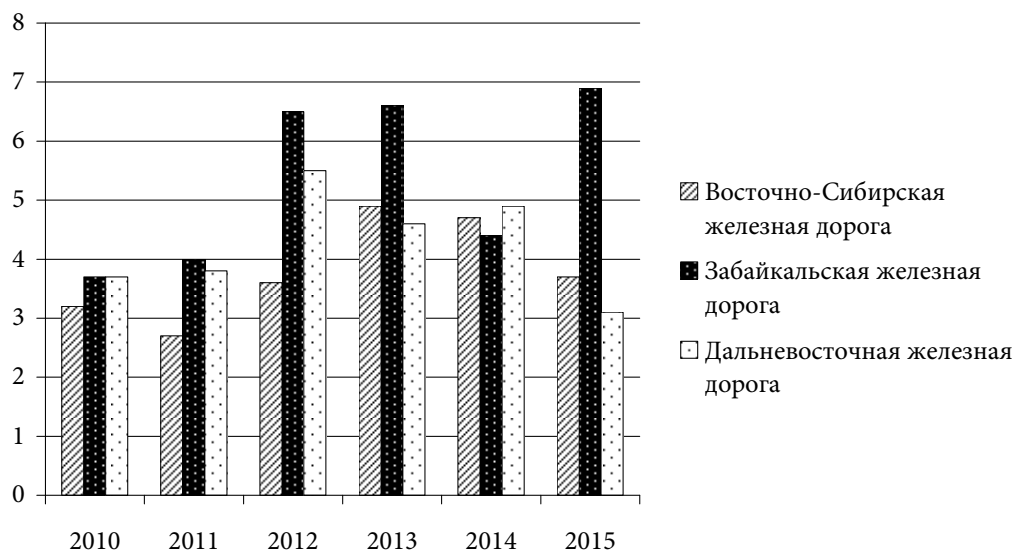


Рис. Состояние краж грузов с подвижного состава на Восточно-Сибирской, Забайкальской, Дальневосточной железных дорогах за 2010–2015 гг. (коэффициент краж грузов на 100 км железной дороги).

его протяженностью, наличием крупных промышленных городов (Иркутск, Улан-Удэ, Забайкальск, Хабаровск и др.), соответственно, значительными объемами перевозок грузов и при этом низким уровнем их защищенности. Определенное влияние на уровень рассматриваемых хищений оказывает и социально-экономический кризис, а также поэтапное изменение форм собственности, осуществляемое в соответствии со Структурной программой реформы на железнодорожном транспорте (подробнее см.: [1, с. 359–361]), в связи с которой происходит поэтапное изменение форм собственности. Особенно ощутимы потери собственников от краж из-за необеспечения охраны ценных грузов и так называемых брошенных грузовых поездов, оставляемых на промежуточных станциях без локомотивов и соответствующей охраны. На ряде стационарных объектов транспорта плохо обстоит дело с ограждением, а также освещением территории контейнерных и других площадок, что нередко способствует беспрепятственному проникновению преступников к перевозимым материальным ценностям, хранящимся на данных объектах транспорта. Спецификой здесь является то, что практически в половине случаев (45%) преступники — это работники железнодорожного транспорта, которые по роду своей деятельности имеют возможность свободного доступа к подвижному составу и находящимся на нем грузам. Как правило, это лица, занимающиеся непосредственной их обработкой, имеющие возможность скрыть место и время совершения кражи.

Кражи, совершаемые на железнодорожном транспорте, имеют только им присущую особенность: быстрое перемещение грузов и багажа в пространстве затрудняет определение места совершения преступления и его следов, что, в свою очередь, помогает преступникам избегать уголовной ответственности.

Более чем в половине случаев место совершения кражи груза из подвижного состава не совпадает с местом обнаружения признаков преступного посяательства.

Кроме того, скопление большого количества товарно-материальных ценностей (грузов и багажа) в подвижном составе на объектах железной дороги (приемно-отправочные железнодорожные пути, сортировочные станции, парки формирования подвижного состава и погрузочно-разгрузочные пути) делает эти территории наиболее привлекательными для преступников, как приходящих со стороны, так и обслуживающих данную транспортную систему. Так, наибольшее число краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта фиксируется при техническом и коммерческом осмотрах подвижного состава, исправлении коммерческих (технических) браков, а также при выгрузке (перегрузке) грузов. Это влечет за собой возможность маскировки кражи груза, и тогда место ее выявления и регистрации смещается на другой участок железной дороги, что снижает выявляемость преступников и раскрываемость этих преступлений.

Таким образом, железнодорожный транспорт, представляя специфичную отрасль экономики страны, имеет отличительные черты, что обуславливает характер преступности на данном виде транспорта и особенности предупреждения преступлений, совершаемых в этой сфере [2, с. 27–29].

Безопасность и правопорядок на железнодорожном транспорте — одна из острых социально-экономических проблем. Значимость ее эффективного решения возрастает с каждым годом как для органов управления транспортным комплексом, так и для их структурных подразделений. Для железнодорожного транспорта эта проблема является

комплексной, так как предусматривает ряд мер, способствующих предупреждению и снижению уровня преступности, уменьшению экономических потерь. Выявление и предупреждение краж грузов на объектах железнодорожного транспорта представляется задачей, решение которой возможно только посредством многоуровневой и многофункциональной системы безопасности. Обеспечение безопасного функционирования и развития транспортной системы осуществляется в рамках целевых программ и реформ по совершенствованию нормативной базы, усилению контрольно-надзорной деятельности.

В заключение отметим, что железнодорожный транспорт выступает важной отраслью экономики страны и общественного производства, связанной с перевозкой людей и грузов. Современная обстановка в России показывает, что проблема борьбы с преступлениями на объектах железнодорожного транспорта в сфере грузовых перевозок требует компетентного и комплексного рассмотрения на всех уровнях. Криминальная действительность демонстрирует уязвимый характер российской транспортной системы, заставляет задумываться над путями и механизмами ее обеспечения и совершенствования.

## Список литературы

1. Винокуров В. О. Уголовно-правовые особенности современной преступности на железнодорожном транспорте // Социально-экономические процессы и явления. 2012. № 12.
2. Рогова Е. В. Проблемы уголовной ответственности за совершение преступлений экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта (региональный аспект) // Российский следователь. 2012. № 1.

УДК 343.359 © В. Н. Борков, А. П. Спиридонов, 2017

## Механизм коррупционного обогащения должностного лица путем незаконного участия в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) В. Н. Борков, А. П. Спиридонов



Незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) охарактеризовано как распространенное, но мало выявляемое коррупционное преступление. В контексте коррупционных отношений данное посягательство определено как специфическая форма слияния власти и бизнеса, когда две стороны коррупционных отношений представлены одним субъектом, который выступает в качестве должностного лица и одновременно незаконно осуществляет предпринимательскую деятельность. Механизм коррупционного обогащения при совершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, состоит в получении должностным лицом прибыли от незаконно осуществляемой им предпринимательской деятельности, которой виновный сам же и покровительствует. Обосновывается объективная невозможность совершения комментируемого преступления служащими, не относящимися к числу должностных лиц, так как они не обладают должностными полномочиями и, соответственно, не могут их использовать в интересах «своей» организации. Смежным преступлением по отношению к незаконному участию в предпринимательской деятельности признано получение взятки. И в том и в другом случае субъекты используют свое должностное положение для достижения корыстной цели. Различие заключается в том, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, материальные средства, получаемые виновным, являются доходом от предпринимательской деятельности, в которой он незаконно участвует, а взятку субъект получает от других лиц за использование своего служебного положения.

*Ключевые слова:* незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки, коррупционные отношения, механизм незаконного обогащения, участие в коррупционном преступлении.

Российскими прокурорами в 2016 г. выявлено более 300 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции, принесено 44,8 тыс. про-

тестов, внесено 67,7 тыс. представлений, по результатам рассмотрения которых 72,6 тыс. лиц наказано в дисциплинарном порядке, в том числе 383 лица

уволено в связи с утратой доверия. По материалам прокуроров следственными органами возбуждено 3,7 тыс. уголовных дел<sup>1</sup>. Несоблюдение должностными лицами установленных законодательством запретов, ограничений, обязанности предоставления сведений о доходах и расходах создает предпосылки для совершения коррупционных преступлений или свидетельствует об уже состоявшемся незаконном обогащении. По мнению Б. В. Волженкина, «для российского управленческого аппарата, независимо от иерархического уровня, характерны такие проявления коррупции, как: совместительство в коммерческих структурах, подконтрольных государственному или муниципальному служащему или заинтересованных в сотрудничестве с ним; организация коммерческих структур должностными лицами, использующими при этом свой статус, участие в руководстве этими структурами, обеспечение им привилегированного положения...» [1, с. 13]. В современной России незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) составляет основу коррупционных отношений, является одним из самых распространенных и вместе с тем латентных должностных преступлений.

Закон определяет исследуемое посягательство как учреждение должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме. Так, к уголовной ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности привлекался глава районной администрации Г. «По версии следствия, при активном участии Г. конкурс на выполнение работ по капремонту дорог в рамках регионального проекта „Муниципальные дороги“ выиграла фирма, директором которой он был до занятия поста главы района. Акции этого предприятия он передал своему сыну»<sup>2</sup>.

Утверждение о том, что «с объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, может быть совершено путем учреждения должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, или участия в управлении такой организацией» [2], только частично

отражает содержание исследуемого посягательства. Н. Муравьева, характеризуя состав преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, пишет о «принятии уставных документов», «формировании уставного капитала», «получении лицензии» [3, с. 52], но также не указывает на использование должностного положения. Общественная опасность поведения здесь состоит в предоставлении организации, учрежденной виновным или в управлении которой он участвует, льгот и преимуществ или в покровительстве этой организации в иной форме. Само по себе занятие предпринимательской деятельностью является для служащего грубым нарушением служебной дисциплины, выражающимся в нарушении запрета, установленного законодательством Российской Федерации. Судебная коллегия по гражданским делам Вологодского областного суда признала обоснованным увольнение в связи с несоблюдением запрета сотрудника полиции, который лично систематически участвовал в управлении хозяйствующим субъектом, а именно торговыми точками, оформленными на его жену и брата. Полицейский координировал деятельность торговых точек, разрешал необходимые вопросы, забирал накладные, денежные средства из кассы, проводил собеседование при приеме на работу<sup>3</sup>.

Но в случае, если должностное лицо в ходе осуществления предпринимательской деятельности лично или через доверенное лицо, используя свои полномочия или положение, предоставляет своей организации льготы и преимущества или покровительствует ей в иной форме, должна наступать уголовная ответственность. В совершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, обвинялся заместитель начальника следственного отдела, который одновременно управлял коммерческой организацией, осуществляющей деятельность по выращиванию декоративных растений. Сотрудник органов внутренних дел «подписывал все документы, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности организации, принимал на работу и увольнял работников, распоряжался денежными средствами организации. При этом, используя занимаемую должность в органах полиции, оказывал покровительство возглавляемой организации путем личного участия в проведении проверок надзирающими органами, склонения должностных лиц к лояльному проведению проверочных мероприятий»<sup>4</sup>. В кон-

<sup>1</sup> В Генеральной прокуратуре Российской Федерации подведены итоги работы прокуроров по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции в 2016 г. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1157492/> (дата обращения: 29.01.2017).

<sup>2</sup> Иванов А., Садыхова Д. Иномарка довела до суда // Рос. газета. 2008. 20 марта.

<sup>3</sup> Апелляционное определение Вологодского областного суда от 26 октября 2012 г. № 33-4322/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> В Адыгее в суд направлено уголовное дело в отношении бывшего сотрудника полиции, незаконно принимавшего участие в предпринимательской деятельности. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-842504/> (дата обращения: 27.11.2016).

тексте коррупционных отношений преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, можно определить как специфическую форму слияния власти и бизнеса, когда две стороны коррупционных отношений представлены одним субъектом, который выступает в качестве должностного лица и одновременно незаконно осуществляет предпринимательскую деятельность. Механизм коррупционного обогащения при совершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, состоит в получении должностным лицом прибыли от незаконно осуществляемой им предпринимательской деятельности, которой виновный сам же и покровительствует. Такое представление о комментируемом посягательстве создает предпосылки для правильного уяснения содержания его конструктивных признаков и отграничения от других преступлений.

Н. А. Егорова в 1998 г. упрекала авторов УК РФ в непоследовательности. Она обратила внимание на то, что запрет на занятие предпринимательской деятельностью установлен федеральным законодательством для всех государственных и муниципальных служащих. «И те, и другие, — замечает автор, — могут не быть должностными лицами» [4, с. 10]. Законодатель подвергнут критике несправедливо. Преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, представляет собой нарушение запрета, установленного антикоррупционным законодательством, совершаемое при наличии криминообразующих признаков. Общественно опасное поведение здесь состоит не только в запрещенной виновному предпринимательской деятельности, но и в использовании либо неиспользовании им должностных полномочий или положения в интересах коммерческой организации, поэтому служащий, не являющийся должностным лицом, совершить данное преступление не может.

Свойство преступления незаконному участию в предпринимательской деятельности придает предоставление виновным коммерческой организации льгот и преимуществ или покровительство в иной форме. Подобное поведение представляет собой использование должностного положения вопреки интересам нормального функционирования государства. Например, представитель власти не реагирует на налоговые и иного рода правонарушения или совершает действия по их укрытию. Чиновник, обладающий административно-хозяйственными полномочиями, принимает решения о приобретении у организации, собственником которой он является, по завышенной цене продукции для государственных нужд, оплате оказываемой органам власти услуге. Руководитель государственной или муниципальной организации сдает на льготных условиях в аренду помещения фактически ему принадлежащей коммерческой структуре. Очевидно, что государствен-

ные и муниципальные служащие, не обладающие подобными и другими должностными полномочиями, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, выполнить не смогут.

Как правило, предоставляемые курируемым организациям льготные условия осуществления предпринимательской деятельности и преимущества нарушают права других субъектов экономических отношений. Покровительство со стороны должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов позволяет предпринимателям избегать необходимого контроля, порождает безнаказанность и безответственность. Следствием отсутствия государственного влияния могут выступить выпуск недоброкачественной и опасной для здоровья граждан продукции, оказание некачественных услуг, завышение цен, невыполнение налоговых и иных финансовых обязательств. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что субъект преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, не просто использует предоставленные ему полномочия, а злоупотребляет ими.

Н. А. Егорова полагает, что «правильнее было бы связывать незаконное участие в предпринимательской деятельности с одновременным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [4, с. 10]. Однако необходимость фиксации перечисленных последствий уменьшит и без того небольшое количество случаев применения комментируемой нормы. Противоречие между чрезвычайной распространенностью незаконного участия чиновников в бизнесе и выявленными с надлежащими правовыми последствиями подобными фактами будет только усугубляться. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, состоит в нарушении нормального функционирования государства, подрыве его авторитета. Свойство общественно опасного деяния деятельности должностного лица придает то обстоятельство, что виновный не просто не соблюдает запрет, адресованный ему антикоррупционным законодательством, а использует свое должностное положение для систематического незаконного извлечения имущественной выгоды. Законодатель справедливо не связывает основания ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности с наступлением последствий. Противоречащие интересам государства управленческие решения должностного лица о предоставлении «своей» организации льгот и преимуществ в контексте преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, сами по себе общественно опасны. Кроме того, исследуемое преступление отнесено к категории небольшой тяжести.

Субъектом преступления, описанного в ст. 289 УК РФ, может быть только должностное лицо. Дан-

ное посягательство как наиболее яркое проявление коррупции характеризует предоставление в условиях «конфликта интересов» от имени государства и государственных организаций льгот и преимуществ в сфере предпринимательской деятельности. Субъект, как правило, использует административно-хозяйственные полномочия по управлению государственным или муниципальным имуществом, в том числе недвижимым, распоряжению бюджетными средствами либо властные полномочия, связанные с осуществлением надзорных функций в отношении коммерческих организаций. Субъект преступления, закрепленный в ст. 289 УК РФ, участвует в предпринимательской деятельности вопреки запрету, установленному законом. Ранее запрет был адресован только государственным и муниципальным служащим. Но таковыми, например, не являются лица, занимающие государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. После дополнения Федерального закона «О противодействии коррупции» статьей 12.1 данный пробел был устранен.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ изменил п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, дополнив круг возможных субъектов должностных преступлений лицами, выполняющими организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. Перечисленные субъекты должностных преступлений не являются государственными служащими, но в соответствии со ст. 12.4 Федерального закона «О противодействии коррупции» вполне обоснованно на них также распространяются предусмотренные для государственных служащих запреты и ограничения.

Государственные предприятия и акционерные общества осуществляют экономическую функцию государства и призваны действовать в интересах всего общества. Признание их сотрудников, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия, возможными субъектами должностных преступлений является социально обусловленным и исправляет ошибку, допущенную в 1996 г. Например, в соответствии с уголовным законом, действовавшим до июля 2015 г., суд не усмотрел незаконного участия в предпринимательской деятельности в действиях Д., начальника строи-

тельного управления дорожно-строительного треста Западно-Сибирской железной дороги в г. Барабинске. Д. заключил договор с администрацией г. Барабинска на аренду земли для благоустройства торгового рынка. Затраты на благоустройство рынка обошлись для строительного управления в 1 млн 69 тыс. рублей. После того как рынок начал действовать и в строительное управление стали поступать денежные средства, Д., оставаясь начальником последнего, зарегистрировался индивидуальным предпринимателем, действовал из корыстных побуждений, переоформил документы по аренде земли, занимаемой рынком, на свое имя, в результате чего стал персонально получать все доходы от торговли [3, с. 52]. Участие руководителей государственных унитарных предприятий и акционерных обществ в деятельности коммерческих организаций для расхищения государственных средств — распространенное явление. Как отметил вице-премьер Д. Рогозин, «реальная производительность предприятий ОПК составляет от 5 до 8%... Между тем, несмотря на низкую рентабельность головных предприятий, рентабельность смежников превышает 30%... необходимо установить цепочку истинных владельцев частных предприятий ОПК»<sup>5</sup>. Высокий объем ресурсов, направляемых до 2020 г. (более 20 трлн рублей), требует, по мнению Д. Рогозина, повышенного контроля за расходованием колоссальных бюджетных средств.

Яркий пример незаконного участия должностных лиц оборонно-промышленного комплекса в предпринимательской деятельности привел Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка 27 апреля 2016 г. в докладе на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: «Подведомственное Спецстрою предприятие „Спецстройинжиниринг“ выбрано единственным поставщиком строительных работ для Минобороны. Однако собственной базы не имеет, занимается лишь отбором субподрядчиков, получая за это сотни миллионов рублей от выданных государством авансов. Получив в 2015 г. из бюджета на строительство аэродрома „Энгельс“ в Саратовской области 7,7 млрд руб., руководство данного предприятия через цепочку структур передало выполнение строительства другой организации. При этом 500 млн руб. осели у посредников, которые за эти деньги, как говорится, и „гвоздя не вбили“»<sup>6</sup>.

Незаконное участие в предпринимательской деятельности и получение взятки являются наиболее опасными коррупционными преступлениями, а соответствующие нормы можно определить как смеж-

<sup>5</sup> Рогозин подготовит поручение, обязывающее руководителей предприятий ОПК декларировать доходы. URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/17/63991659.html> (дата обращения: 17.01.2017).

<sup>6</sup> Чайка Ю. Я. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2016 г. URL: [http://genproc.gov.ru/smi/interview\\_and\\_appearances/appearances/1078222/](http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1078222/) (дата обращения: 17.01.2017).

ные, содержащие сходные признаки. В обоих случаях субъекты используют свое должностное положение для достижения корыстной цели. Отличие состоит в том, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, должностное лицо получает предмет взятки за служебное поведение в пользу других лиц, а при посягательстве, описанном в ст. 289 УК РФ, материальные средства, получаемые виновным, являются доходом от предпринимательской деятельности, в которой он незаконно участвует, используя свой административный ресурс. Например, в одном из определений Верховного Суда РФ разъясняется: «Колобов, формально и документально не имея отношения к ООО <...>, фактически принимая участие в деятельности общества, наделенный правом распоряжаться имуществом общества, сам же об этом принимал решения, требуя у работников предприятия и членов наблюдательного совета документально оформить такие решения и исполнять их. Он также действовал как лицо, имеющее фактическую долю в имуществе... Колобов действительно способствовал в силу должностного положения в быстром и беспрепятственном утверждении Управлением <...> произведенных ООО <...> экспертиз промышленной безопасности. Указанные действия — предоставление льгот и преимуществ (использование автомобиля, гаражного бокса, топливной карты ГСМ, оплата услуг связи), выразившиеся в быстром и беспрепятственном утверждении заключений экспертиз и покровительство, входят в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ»<sup>7</sup>. Преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, обладает более высокой латентностью в сравнении с получением взятки. Процесс незаконного обогащения чиновников-предпринимателей сложнее выявить и задокументировать. Это обязывает правоохранительные органы разрабатывать новые методики по их изобличению.

Т. Б. Басова предлагает дополнить ст. 289 УК РФ квалифицированным составом, предусматривающим ответственность за незаконное участие в предпринимательской деятельности группой лиц по предварительному сговору [5, с. 17]. С учетом признаков основного состава, установленных действующей редакцией ст. 289 УК РФ, соисполнителями преступления могут быть должностные лица, которым адресован законодательный запрет на занятие предпринимательской деятельностью. Все объединившие усилия и согласовывающие свои действия соучастники должны быть связаны с коммерческой организацией и использовать в ее интересах свое

должностное положение. Так, соисполнителями получения взятки группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ) могут быть признаны должностные лица, заранее договорившиеся о совершении преступления, при этом каждый из них должен получить хотя бы часть от суммы взятки за совершение каждым из них действий (бездействия) по службе в интересах взяткодателя<sup>8</sup>. Подобным образом и при незаконном участии в предпринимательской деятельности соисполнителями следовало бы признавать тех, кто совместно занимается такой деятельностью вопреки запрету, установленному законом, и понимать, что все они предоставляют общей организации льготы и преимущества.

Возникает вопрос о допустимости признания соучастником преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, должностного лица, которое не участвует в деятельности организации, но выполняет другую часть исследуемого посягательства — предоставляет ей льготы и преимущества, согласовав свои действия с другими должностными лицами, незаконно занимающимися предпринимательством. Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Такое должностное лицо не учреждает организацию, занимающуюся предпринимательской деятельностью, и не участвует в управлении такой организацией, т. е. не нарушает запретов и ограничений, установленных служебным законодательством, что является необходимым условием уголовной ответственности за комментируемое посягательство. Преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, характеризуется личной заинтересованностью субъекта в успехах курируемой им коммерческой организации, а именно наличием конфликта интересов, который общественно опасным образом реализуется. Должностное лицо, использующее за материальное вознаграждение свое должностное положение в интересах организации, с которой оно не имеет материальной связи, получает взятку.

Круг участников коррупционных отношений не может быть ограничен только должностными лицами. Фактически прикосновенными к преступлению, предусмотренному ст. 289 УК РФ, являются сотрудники негосударственных коммерческих организаций. Они осознают незаконность осуществления чиновником предпринимательской деятельности, понимают причины наличия выгодных подрядов, контрактов, завышенных цен на услуги коммерческой структуры, возглавляемой чиновником. Между тем вопрос о возможности признания руководителей и сотрудников коммерческой организации, не яв-

<sup>7</sup> Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. № 49-О12-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>8</sup> О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Рос. газета. 2013. 17 июля.

ляющихся должностными лицами, соучастниками преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, на наш взгляд, не может быть решен положительно. Например, участники такого коррупционного преступления, как взяточничество, — должностное лицо, взяткодатель, иногда посредник во взяточничестве. В определенном смысле взяточничество — всегда необходимое соучастие, такова сущность этого опасного явления. Другое дело — незаконное участие в предпринимательской деятельности. Запрет на занятие такой деятельностью распространяется только на должностных лиц. Должностное лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью не

в публичных, а в частных интересах, — это потенциальная или уже реализованная угроза нормальному функционированию государства. Сотрудники негосударственных коммерческих организаций — предприниматели по определению. Даже осуществление ими предпринимательской деятельности в «льготных» условиях, созданных независимо от их действий, не является общественно опасным. При наличии оснований они могут нести ответственность за дачу взятки за создание таких условий, а также за соучастие (со ссылкой на ст. 33 УК РФ) в присвоении или растрате государственного имущества, совершаемых должностными лицами.

## Список литературы

1. Волженкин Б. В. Коррупция : Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998.
2. Курс уголовного права : в 5 т. М., 2002. Т. 5 : Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова.
3. Муравьева Н. Незаконное участие в предпринимательской деятельности // Законность. 2008. № 8.
4. Егорова Н. Ответственность за незаконное участие в предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 1998. № 9.
5. Басова Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005.

УДК 343.35 © В.-И. Амарсанаа, 2017

## Объективная сторона преступления, посягающего на здоровье представителя власти, в уголовном законодательстве Российской Федерации и Монголии

**В.-И. Амарсанаа**



Проведен анализ объективной стороны преступлений, посягающих на здоровье представителя власти, в законодательстве Российской Федерации и Монголии. Сопоставляются нормы, устанавливающие ответственность за посягательство на здоровье представителя власти, по законодательству рассматриваемых стран. Освещаются вопросы, возникающие при применении ст. 318 УК РФ и ст. 230 УК Монголии. Особое внимание уделено формулировке предложения по внесению изменений в действующее законодательство Монголии.

*Ключевые слова:* объективная сторона преступления, посягательство на здоровье, сотрудник правоохранительного органа, момент окончания преступления, ст. 318 УК РФ, ст. 230 УК Монголии.

Специфика объективной стороны преступлений, описанных в ст. 318 УК РФ и ст. 230 УК Монголии (против здоровья представителей власти), состоит в том, что они всегда представляют собой активное воздействие (физическое или психическое) на должностное лицо. Характеризуя объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, необходимо отметить, что она имеет место

при совершении следующих действий: угрозе применения насилия; применении насилия, не опасного для жизни или здоровья; применении насилия, опасного для жизни и здоровья. В настоящее время в Особенной части УК Монголии содержится ст. 230 «Сопrotивление государственному должностному лицу или общественному инспектору», состав которой относится к преступлениям против поряд-

ка управления. Данное деяние — одно из наиболее опасных преступлений против порядка управления как по объективным, так и по субъективным признакам. Объективная сторона преступления выражается в сопротивлении сотруднику правоохранительного органа с применением насилия, угрозой применения насилия либо принуждением к незаконным действиям.

Для правильного понимания сущности объективной стороны применения насилия в отношении представителя власти необходимо исследовать понятие «насилие». В свое время В. Г. Бужор справедливо указывал на существование отличия между насилием и применением силы. На взгляд ученого, отличие заключается в том, что законным насилие быть не может, законным может быть лишь применение силы [1, с. 12].

В тексте уголовного закона РФ и Монголии термин «насилие» означает исключительно его физический характер. В этом отношении необходимо согласиться с мнением Е. В. Смолякова о том, что насилие в исследуемом нами преступлении следует толковать как физическое [2, с. 59]. Л. Д. Гаухман под физическим насилием понимает общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека против его воли [3, с. 4]. А. Ю. Кизилов в контексте уголовно-правовой охраны управленческой деятельности и представителей власти считает, что физическое насилие — это любое умышленное, общественно опасное и противоправное воздействие на организм представителя власти. Автор предлагает ограничить сферу применения понятия «физическое насилие» только умышленными преступлениями [4, с. 85]. И. Г. Филановский полагает, что физическое насилие — это «применение физической силы к потерпевшему» [5, с. 206]. А. В. Наумов под физическим насилием понимает любое общественно опасное и противоправное непосредственное воздействие на жизнь, здоровье человека, его права и свободы [6, с. 50]. По мнению О. В. Старкова, физическое насилие осуществляется в итоге физического, телесного соприкосновения преступника и жертвы, как непосредственного, так и опосредованного [7, с. 34]. Анализируя определения, данные учеными России разного времени, можно сделать вывод о том, что «физическое насилие» понимается как в широком, так и в узком смысле.

Согласно п. 1.4 постановления Пленума Верховного Суда Монголии от 29 октября 2007 г. № 41 «О некоторых вопросах правильной квалификации хулиганства и отграничения хулиганства от других

аналогичных преступлений или административных правонарушений» под применением насилия следует понимать любые активные действия виновного, направленные на физическое насилие<sup>1</sup>. Ж. Авхиа считает, что физическое насилие может выразиться в незаконном лишении свободы, нанесении ударов, побоев, причинении легких телесных повреждений, удержании, ограничении или лишении свободы и других подобных действиях [8, с. 306–311]. По мнению С. Жанцана, под применением физического насилия или угрозой применения насилия, указанной в ст. 230 УК Монголии, следует понимать применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, причиняющего легкий или средней тяжести вред здоровью, в виде нанесения побоев, ударов, связывания и т. п. [9, с. 569]

Таким образом, в науке уголовного права России и Монголии определение понятия «насилие» трактуется как физическое воздействие, поскольку действия виновного, направленные на воспрепятствование законной деятельности представителей власти, выражаются в виде применения физического насилия.

Одной из форм выражения объективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 УК РФ, ст. 230 УК Монголии, в законе закреплена угроза применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъясняется лишь понятие угрозы убийством или причинением вреда здоровью, под ней следует понимать «не только прямые высказывания, в которых выражалось намерение немедленного применения физического насилия к потерпевшему или к другим лицам, но и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия (нож, бритва, топор и т. п.)»<sup>2</sup>.

Важно отметить, что взгляды на категорию «угроза» в уголовном праве не характеризуются единообразием. Психическое насилие в теории уголовного права определяется как устрашение потерпевшего, т. е. общественно опасное, принудительное воздействие на его психику, угроза применить какие-либо лишения к самому потерпевшему или его близким.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Монголии под угрозой понимается психическое насилие в целях запугивания. Данное действие выражается в виде активного воздействия на челове-

<sup>1</sup> URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/606> (дата обращения: 18.11.2016).

<sup>2</sup> О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11. URL: <https://rg.ru/2004/06/29/iznasilovania-razjasnenie.html> (дата обращения: 18.11.2016).

ка, при этом преступник может выразить угрозу словом или движением<sup>3</sup>.

По мнению И. Я. Фойницкого, угроза представляет собой воздействие на психику потерпевшего, возбуждение в нем страха и принуждение к определенным действиям или бездействию [10, с. 84–86].

А. А. Крашенинников понимал угрозу двояко. Во-первых, угроза как способ принуждения, самостоятельный способ совершения преступления и деяние — это способ нарушения психической неприкосновенности личности. Во-вторых, угроза в составах поставления в опасность — это возможная опасность наступления преступных последствий [11, с. 16].

А. Ю. Кизилев, не соглашаясь с приведенными определениями, толкует угрозу следующим образом: «...угроза представляет собой умышленное общественно опасное противоправное информационное воздействие на психику потерпевшего» [4, с. 94]. Применение психического насилия, как указал С. Жанцан, выражается в виде угрозы причинения вреда, избиения, удара либо лишения жизни потерпевшего или его близких [9, с. 569]. Ж. Авхиа под угрозой понимал психическое насилие. По его мнению, угроза применения насилия выражается действиями или высказываниями виновного, которые показывают реальное намерение применить насилие в отношении представителя власти (угроза убийством, причинением телесных повреждений, ограничением или лишением свободы и т. п.) [8, с. 306]. Исходя из рассмотренных определений ученых России и Монголии, можно сделать вывод о том, что «угроза» включает в себя такое понятие, как «принуждение к незаконным действиям».

Интересны разъяснения, данные постановлением Пленума Верховного Суда Монголии, что под принуждением к незаконным действиям понимается требование к исполнению действий, явно не соответствующих полномочиям и основным обязанностям представителя власти, возложенным по решению законодательства или уполномоченных органов<sup>4</sup>. В частности, принуждение к незаконным действиям может быть осуществлено при наличии к тому соответствующих оснований, когда на представителя власти оказывается воздействие в виде реальной угрозы либо активного сопротивления со стороны виновного. Иначе требование, понуждение, удерживание, шантаж и нереальная угроза к незаконным действиям в отношении представителей власти не могут быть расценены как принуждение, ибо дей-

ствия виновного должны содержать в себе реальную угрозу, за счет чего сотрудниками правоохранительного органа реализуются востребованные действия. На наш взгляд, законодатель необоснованно включил в ст. 230 УК Монголии термин «принуждение к незаконным действиям» как один из признаков объективной стороны данного преступления, что подлежит устранению путем законодательного изменения. Предлагаем исключить из ст. 230 УК Монголии такой признак, как «принуждение к незаконным действиям».

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК Монголии, представлена термином «сопротивление». В соответствии с толкованием постановления Пленума Верховного Суда Монголии от 19 мая 2010 г. № 15 сопротивление выражается в применении насилия или в угрозе либо в принуждении к незаконным действиям.

По мнению С. Жанцана, под сопротивлением следует понимать невыполнение законных требований должностных лиц в связи с исполнением ими обязанностей (например, толчки, оскорбления, плевки и т. д.) [9, с. 568]. Б. Галдаа под сопротивлением понимает активные насильственные действия виновного (не причиняющие телесного повреждения), направленные на невыполнение законных требований либо воспрепятствование законной деятельности должностных лиц в виде нанесения побоев, ударов, связывания, запираания в помещении и т. д. [12, с. 242]. В свое время Ж. Авхиа отмечал, что под сопротивлением представителю власти в связи с осуществлением им своей деятельности по охране общественного порядка следует понимать активные действия виновного, которые препятствуют представителю власти или общественности выполнить возложенные на них законом обязанности по охране общественного порядка [8, с. 306].

В отмеченных подходах ученых Монголии термин «сопротивление» не включает в свое содержание такие категории, как «насилие» и «угроза применения насилия». Полагаем, что данная позиция способствовала утверждению термина «сопротивление», причем как с применением насилия, так и без его применения, что, на наш взгляд, является нецелесообразным. Необходимо изменить название нормы, поскольку в ней устанавливается ответственность только за сопротивление государственному должностному лицу или государственному инспектору. Наименование нормы может быть следующим: «Сопротивление с применением насилия в отноше-

<sup>3</sup> О некоторых вопросах правильной квалификации хулиганства и отграничения хулиганства от других аналогичных преступлений или административных правонарушений : постановление Пленума Верховного Суда Монголии от 29 октября 2007 г. № 41. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/606> (дата обращения: 19.11.2016).

<sup>4</sup> О разъяснении некоторых статей главы 26 уголовного закона : постановление Пленума Верховного Суда Монголии от 19 мая 2010 г. № 15. URL: <http://www.supremecourt.mn/act/view/18> (дата обращения: 19.11.2016).

нии государственного должностного лица или общественного инспектора».

Таким образом, объективная сторона рассматриваемого преступления (ст. 230 УК Монголии) выражается действием в виде активного сопротивления сотруднику правоохранительного органа или общественному инспектору, а равно применением насилия или угрозой применения насилия либо принуждением к незаконным действиям.

Диспозицией ч. 1 ст. 318 УК РФ охватывается и совершение иных насильственных действий, которые причинили физическую боль, но не вызвали кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, а также ограничение физической свободы потерпевшего [13, с. 431].

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, не опасным для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)<sup>5</sup>.

Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, превращает ч. 2 ст. 318 УК РФ в его квалифицированный вид. Как написано в комментарии к Уголовному кодексу РФ, опасным для жизни или здоровья является вред здоровью, вызывающий состояние, угрожавшее жизни, которое может закончиться смертью [14, с. 1182]. Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности<sup>6</sup>. Кроме того, к данному виду насилия следует относить и такое насилие, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья, в том числе и ограничение свободы, создающее опасность для жизни или здоровья<sup>7</sup>.

В российском уголовном праве насилие признается опасным и в том случае, если оно не причинило реального (легкого, средней тяжести или тяжкого) вреда, но создало угрозу для жизни и здоровья сотрудника правоохранительного органа. При этом дополнительной квалификации по ст. ст. 112, 115, 116, 119 УК РФ не требуется, так как здесь конкуренция

общего и специального составов, которая должна разрешаться в пользу специального состава. В этом отношении уголовное законодательство Монголии к насилию, опасному для здоровья, относится по-другому. В части 2 ст. 230 УК Монголии преступление признается оконченным, когда в результате совершения преступления потерпевшему причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, но при этом не учитывается опасность причиненного вреда. Законодательство РФ, различая опасность причиненного вреда при совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, тем самым стремится защищать здоровье представителя власти в связи с осуществлением данным лицом своей обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В части 3 ст. 230 УК Монголии речь идет о причинении тяжкого вреда здоровью государственному должностному лицу или общественному инспектору. Если в результате совершения данного преступления потерпевшему был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, то это может служить обстоятельством, отягчающим наказание, а если был причинен тяжкий вред здоровью, то будет являться обстоятельством, особо отягчающим наказание.

В части 1 ст. 230 УК Монголии преступление признается оконченным с момента сопротивления должностному лицу или общественному инспектору, угрозы или принуждения их к выполнению незаконных действий, независимо от того, удалось виновному или нет причинить телесное повреждение потерпевшему, т. е. преступление, описанное в ч. 1 ст. 230 УК Монголии, рассматривается как совершенное с формальным составом.

Моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, является момент применения насилия, не опасного или опасного для жизни или здоровья (например, момент нанесения побоев либо однократного удара). В случае совершения исследуемого преступления путем угрозы применения насилия его следует считать оконченным с момента доведения до потерпевшего информации об угрозе, вызвавшей у него состояние опасения.

Что касается момента окончания преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 230 УК Монголии, то такое преступление признается оконченным с момента сопротивления с причинением легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью представителя власти. Данное деяние относится к материальным составам преступлений. Если в результате сопротивления не был причинен вред потерпевшему

<sup>5</sup> Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же.

по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, то содеянное нужно квалифицировать как покушение. В случае совершения такого преступления путем угрозы применения насилия его следует считать оконченным с момента доведения до потерпевшего информации об угрозе, вызвавшей у него состояние опасения. Таким образом, момент окончания рассматриваемых преступлений по законодательству России и Монголии имеет сходный характер.

Изучение объективной стороны преступлений, посягающих на здоровье представителя власти России и Монголии, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В исследуемых преступлениях, посягающих на здоровье представителей власти, по законодательству РФ и Монголии насилие является физическим,

поскольку действия виновного, направленные на воспрепятствование законной деятельности представителей власти, выражаются в виде применения физического насилия.

2. Предлагаем исключить из ст. 230 УК Монголии такой признак, как «принуждение к незаконным действиям».

3. Учитывая общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 230 УК Монголии («Сопrotивление государственному должностному лицу или общественному инспектору»), необходимо включить термин «применение насилия» в название ст. 230 УК Монголии, изложив его в редакции: «Сопrotивление с применением насилия в отношении государственного должностного лица или общественного инспектора».

### Список литературы

1. Бужор В. Г. Криминологический анализ и предупреждение тяжкой насильственно-групповой преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
2. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
3. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969.
4. Кизилев А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002.
5. Советское уголовное право : Особенная часть. М., 1962.
6. Наумов А. В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / отв ред. В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов. М., 1997.
7. Старков О. В. Бытовые насильственные преступления : (причинность, групповая профилактика, наказание). Рязань, 1992.
8. Авхиа Ж. Уголовное право Монгольской Народной Республики. Особенная часть. М., 1978.
9. Жанцан С. Уголовное право Монголии. Общая и Особенная части. Улан-Батор, 2012.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная : Посягательства личные и имущественные. СПб., 1900.
11. Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве России: проблемы теории и практики правового регулирования / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002.
12. Галдаа Б. Уголовное право и квалификация преступлений Монголии. Улан-Батор, 2012.
13. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть. М., 1998.
14. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. 12-е изд., перераб. и доп. М., 2012.



## Процессуальная самостоятельность следственного органа

А. О. Бекетов

Анализ изменений закона и действующего правового регулирования в части регламентации правоотношений властных субъектов уголовного процесса со стороны обвинения позволяет сделать вывод, что органом расследования в настоящее время является не следователь, а следственный орган в лице следователя и его руководителя, что предопределило ограничение процессуальной самостоятельности следователя в пользу следственного органа и обусловило ведущую роль его руководителя.

*Ключевые слова:* следователь, руководитель следственного органа, прокурор, процессуальная самостоятельность, следственный орган, орган предварительного следствия.

Появлению в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР процессуальной фигуры начальника следственного отдела<sup>1</sup> предшествовала длительная научная дискуссия, а его процессуальный статус и до настоящего времени (уже в качестве руководителя следственного органа) обсуждается учеными-процессуалистами. Лейтмотивом таких дискуссий стал поиск оптимального соотношения между осуществлением ведомственного контроля за расследованием и обеспечением процессуальной самостоятельности следователя как залога его объективности и беспристрастности [1, с. 3]. На практике же наделение в 1965 г. начальника следственного подразделения процессуальными полномочиями было воспринято весьма положительно [2, с. 106–108; 3, с. 109–114; 4, с. 115–116].

Начальник следственного отдела в соответствии со ст. 127<sup>1</sup> УПК РСФСР обладал полномочиями проверять уголовные дела и по результатам проверки давать указания следователю (о производстве предварительного следствия, привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, направлении дела, производстве отдельных следственных действий), передавать дело от одного следователя другому, поручать расследование дела нескольким следователям, а также участвовать в производстве предварительного следствия и лично производить предварительное следствие, пользуясь при этом полномочиями следователя.

Законодатель того времени не забывал и о механизме защиты процессуальной самостоятельности следователя. В соответствии с чч. 3, 4 ст. 127<sup>1</sup> УПК

РСФСР при его несогласии с указаниями начальника следственного отдела он мог обжаловать их прокурору, при этом обжалование не приостанавливало исполнения указаний, за исключением указаний о квалификации преступления и объеме обвинения, о привлечении в качестве обвиняемого, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела.

Часть 2 ст. 127 УПК РСФСР позволяла следователю не согласиться и с прокурором по ключевым вопросам расследования, предоставив при этом уголовное дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. Вышестоящий прокурор или отменял данное указание, или поручал производство следствия по этому делу другому следователю. Таким образом, следователь мог не принимать решений или не производить каких-либо действий, касающихся важнейших вопросов расследования вопреки внутреннему убеждению. Обжалование иных действий и решений начальника следственного отдела и прокурора, за исключением указаний, УПК РСФСР не предусматривал.

Вызывает интерес тот факт, что в ряде норм УПК РСФСР употребляется словосочетание «орган предварительного следствия», но не определяется значение данного понятия. А. А. Чувилов по этому поводу отмечал, что «органами предварительного следствия закон (ст. 126 УПК РСФСР) именуется следователей, а не следственные органы и их подразделения (управления, отделы, отделения), имеющиеся в системах прокуратуры РФ, МВД, ФСБ, ФСНП РФ» [5, с. 155]. Ученый объяснял наименование следователей ор-

<sup>1</sup> Статья 127<sup>1</sup> УПК РСФСР введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г. (О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 50, ст. 1243).

ганами предварительного следствия тем, что они персонально осуществляют следствие по уголовным делам и таким образом осуществляют деятельность, возложенную на государственный орган, самостоятельно. Изучение иных источников позволяет прийти к аналогичному суждению: законодатель РСФСР признавал следователя органом предварительного следствия. Так, в комментарии к ст. 125 УПК РСФСР указывалось, что органом предварительного следствия «согласно закону (п. 7 ст. 34, ст. 125 УПК) являются следователи...» [6].

Несмотря на многие законодательные новеллы УПК РФ 2001 г., можно констатировать, что модель отношений властных субъектов уголовного судопроизводства со стороны обвинения существенных изменений не претерпела. Следователь был наделен обширными полномочиями по обжалованию как действий и решений своего процессуального руководителя — прокурора, так и своего непосредственного административного руководителя, причем следователь обращался к прокурору или вышестоящему прокурору непосредственно.

Однако уже с момента принятия УПК РФ начали появляться суждения о том, что следователь «более не именуется органом предварительного расследования, а называется просто должностным лицом. Это значит, что полномочия следователя ограничены в пользу органа предварительного расследования, которым может считаться в целом следственное подразделение (отдел), представляемое его начальником» [7, с. 131]. Несмотря на появление указанных предпосылок, характер правоотношений между властными субъектами уголовного процесса до 2007 г. свидетельствовал о том, что следователь единолично реализовывал функции органа предварительного следствия, а закрепленные в законе полномочия начальника следственного отдела были существенно ограничены.

В настоящее время наблюдается смена этой устоявшейся парадигмы. Изменения, внесенные Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ<sup>2</sup>, повлекли за собой появление нового участника уголовного процесса — руководителя следственного органа, который стал обладать значительными процессуальными полномочиями<sup>3</sup>. Целью указанных изменений, по мнению Комитета по конституционному за-

конодательству и государственному строительству, рассматривавшего проект данного Федерального закона, являлось освобождение прокурора от руководства деятельностью следователей и в связи с этим получение возможности эффективнее осуществлять надзор за соблюдением закона при производстве дознания, предварительного следствия и при рассмотрении уголовных дел в судах<sup>4</sup>.

В научных кругах вышеуказанные изменения были восприняты весьма неоднозначно, в связи с чем на страницах юридической печати развернулась широкая дискуссия. По мнению отдельных ученых, основной целью изменений, внесенных Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, стало повышение процессуальной самостоятельности следователя [11, с. 206–211; 12; 13, с. 12–15], другие же, не ставя вопроса о назначении данных изменений, констатируют, что процессуальная самостоятельность следователя от них существенно пострадала [14, с. 48; 15, с. 16–20; 16, с. 75–86; 17, с. 13–15].

Не вдаваясь в данную дискуссию, отметим, что разработчики Федерального закона действительно устранили из УПК РФ нормы, направленные на защиту процессуальной самостоятельности следователя. Так, ч. 3 ст. 38 УПК РФ, закрепляющая перечень указаний и решений, исполнение которых приостанавливалось в случае их обжалования, а также ч. 4 ст. 38 УПК РФ, регламентирующая необходимость поручения производства расследования другому следователю в случае отказа в удовлетворении возражений следователя на указания, не согласующиеся с его внутренним убеждением, были исключены.

Взамен следователю «разрешили»: обжаловать возвращение прокурором уголовного дела на дополнительное расследование с согласия руководителя следственного органа (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); не соглашаться с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия (ч. 3 ст. 38 УПК РФ); обжаловать указания руководителя следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ), причем только указания, а не решения, в том числе и касающиеся ключевых вопросов расследования, такие как отмена постановлений следователя, отказ в даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайств и др.

<sup>2</sup> О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Рос. газета. 2007. 8 авг.

<sup>3</sup> Появление руководителя следственного органа расценивается некоторыми учеными как появление нового участника уголовного судопроизводства в связи со значительным изменением полномочий последнего в уголовном судопроизводстве [8; 9, с. 16]. Другие, наоборот, считают, что данные изменения лишь знаменовали усиление процессуальной власти непосредственного руководителя следователя и говорить о появлении нового участника уголовного процесса преждевременно [10, с. 36–42].

<sup>4</sup> Заключение Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству от 19.03.2007 «На проект Федерального закона № 401900-4 „О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ существенно изменил и сложившуюся систему отношений с участием следственного органа. Подкрепленное реформой 2007 г. образование Следственного комитета Российской Федерации в 2010 г. (выделение из состава прокуратуры) внесло свой вклад в развитие процессуальной и организационной особенностей следственного органа. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»<sup>5</sup> Следственный комитет Российской Федерации является «федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства», более того, в соответствии с ч. 1 ст. 5 того же Федерального закона «следственный комитет является единой федеральной **централизованной** (здесь и далее выделено нами. — А. Б.) системой следственных органов и учреждений Следственного комитета и действует на основе **подчинения** нижестоящих руководителей вышестоящим и Председателю Следственного комитета». Подчинение СК РФ непосредственно Президенту РФ выводит данный орган из структуры органов исполнительной власти, подчиненных Правительству РФ. Такие обстоятельства не позволяют однозначно отнести СК РФ ни к одной из закрепленных в ст. 10 Конституции РФ ветвей власти. Сложившаяся ситуация породила некоторую дискуссию о конституционно-правовых основах ее организации и позволила некоторым авторам отнести его к «следственной» [18, с. 13–18; 19, с. 14–20; 20, с. 52–56; 21, с. 9–12; 22, с. 33–38] или «обвинительной» [23, с. 52–55] власти.

Несмотря на то что остальные следственные подразделения остались подведомственными федеральным органам исполнительной власти, отдельные ученые приходят к выводу о становлении в современном уголовно-процессуальном законе процессуальной самостоятельности следственного органа [24, с. 54–56; 25, с. 57–60; 26, с. 20–22; 20, с. 52–56]. Анализ сформировавшейся к настоящему времени в действующем уголовно-процессуальном законе системы отношений между субъектами, ведущими процесс в досудебном производстве, позволяет подержать данную точку зрения.

В соответствии с ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь «является должностным лицом, уполномоченным... осуществлять предварительное следствие по уголовному делу», а также в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ уполномоченным «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных или иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда... требуется

получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа». В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ следователь оценивает доказательства «по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Приведенные положения подчеркивают, что приоритетной для следователя является деятельность по производству предварительного следствия. Кроме того, закон наделяет его самостоятельностью при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений, которая вместе с тем может быть в определенных случаях ограничена его руководителем.

Руководитель следственного органа в соответствии с п. 38<sup>1</sup> ст. 5 УПК РФ является «должностным лицом, возглавляющим соответствующее следственное подразделение», обширные полномочия которого предусмотрены ст. 39 УПК РФ. Анализ указанной нормы позволяет прийти к выводу, что большинство закрепленных положений отражают приоритет контрольной деятельности рассматриваемого участника. В частности, руководитель следственного органа уполномочен: поручать производство предварительного расследования следователю (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); давать следователю обязательные для исполнения письменные указания по уголовному делу (п. 3 ч. 1, ч. 3 ст. 39 УПК РФ) и др. Новеллой отечественного законодательства стало закрепление необходимости дачи согласия руководителем следственного органа следователю на обращение с ходатайством в суд, а также на обжалование им решений прокурора как необходимого условия, без которого соответствующее обращение не приобретает юридической силы (п. 5 ч. 2 ст. 38, пп. 4, 10 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Обращает на себя внимание и устранение правила, закрепленного ранее в ч. 4 ст. 38 УПК РФ, о необходимости передачи уголовного дела руководителем следственного органа другому следователю в случае отказа в удовлетворении возражений на указания, не согласующиеся с внутренним убеждением следователя.

Указанное позволяет заключить, что процессуальная самостоятельность следователя реализуется исключительно в пределах следственного органа, не может противоречить мнению его руководителя и состоит в свободе оценки доказательств, производстве процессуальных действий и принятии про-

<sup>5</sup> О Следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ : в ред. от 30.12.2015 // Рос. газета. 2010. 30 дек.

цессуальных решений, согласованных либо не согласованных с мнением руководителя следственного органа.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции... осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Примечательно, что после реформы 2007 г., исходя из положений закона, прокурор прямых отношений со следователем не имеет. Так, прокурор уполномочен в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ «выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов **в следственный орган**», в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ «требовать от органов дознания и **следственных органов** устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия», в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ «рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принять по ней решение» и др.

Исключение составляет только полномочие, закрепленное в п. 15 ч. 2 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, о возвращении прокурором уголовного дела следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного следствия. Однако и дан-

ное правило нивелировано практикой — уголовное дело возвращается в следственный орган или передается его руководителю.

Таким образом, органом расследования, обладающим полноценной процессуальной самостоятельностью, в системе сложившихся правоотношений является следственный орган в лице следователя и его руководителя, что предопределяет главенствующую роль волеизъявления последнего. Например, при даче следователю согласия на обращение в суд или к вышестоящему прокурору руководитель выражает позицию следственного органа, который выступает равноправным субъектом правоотношений, не находящимся во властно-распорядительном подчинении прокурора. Считаем, что существующие в научной литературе предложения отказаться от согласования как решений, так и возражений следователя с руководителем следственного органа по мотивам необходимости обеспечения самостоятельности следователя [27, с. 68; 28, с. 5–8] уже не соответствуют закреплённой законодателем концепции процессуальных правоотношений следственного органа с иными органами и должностными лицами.

Процессуальная самостоятельность следователя как отдельная категория устранена не была, но в настоящее время реализуется она лишь внутри следственного органа и основана не на самостоятельности следователя как органа расследования, а на его праве на формирование внутреннего убеждения.

## Список литературы

1. *Победкин А. В., Новиков Е. А.* Руководитель следственного органа (процессуальные и организационные аспекты) : монография. М., 2010.
2. *Новиков М. А.* Из практики использования руководителями следственных подразделений прав, предоставленных им уголовно-процессуальным законом // Вопросы совершенствования следственной работы. Сборник 2. М., 1970.
3. *Минюков П. И., Потоцкий И. Я.* Некоторые вопросы практики использования руководителями следственных подразделений УВД Запорожского облисполкома прав, предоставленных им уголовно-процессуальным законом // Вопросы совершенствования следственной работы. Сборник 2. М., 1970.
4. *Файбусович Б. Л.* Наша практика использования прав, предоставленных законом руководителям следственных подразделений // Вопросы совершенствования следственной работы. Сборник 2. М., 1970.
5. *Чувилев А. А.* Правоохранительные органы : учебное пособие. М., 2000.
6. *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР (постатейный) / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева.* 1997. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова.* СПб., 2003.
8. *Комментарий последних изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) по состоянию на 7 сентября 2007 года / Томин В. Т. [и др.].* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Попова Т. Ю.* Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
10. *Манова Н. С., Шабунин В. А.* История становления ведомственного руководства и контроля за деятельностью следователя в российском уголовном процессе // История государства и права. 2013. № 23.

11. *Бегиев Х. Б.* Реализация процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве России // *Общество и право*. 2010. № 2.
12. *Саттаров В.* Следственный «эксперимент» // *ЭЖ-Юрист*. 2007. № 35.
13. *Чечулин И. В.* Особенности процессуального взаимодействия руководителя следственного органа и прокурора в ходе досудебного производства // *Российский следователь*. 2010. № 11.
14. *Григорьев В. Н., Победкин А. В., Калинин В. Н.* Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // *Государство и право*. 2008. № 6.
15. *Каретников А. С., Миронов Ю. И.* Законность, обоснованность и мотивированность решений руководителя следственного органа как условие поддержания процессуальной самостоятельности следователя // *Российский следователь*. 2016. № 9.
16. *Огородов А. Н.* Генезис процессуальной самостоятельности следователя // *Вопросы российского и международного права*. 2016. № 5.
17. *Шабунин В. А.* Некоторые вопросы правовых отношений руководителя следственного органа и следователя в связи с осуществлением ведомственного процессуального контроля // *Российский следователь*. 2011. № 21.
18. *Багмет А. М., Цветков Ю. А.* Кто боится сильного следствия? // *Юридический мир*. 2015. № 2.
19. *Цветков Ю. А.* Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // *Уголовное судопроизводство*. 2014. № 1.
20. *Цветков Ю. А.* Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // *Российский следователь*. 2014. № 14.
21. *Цветков Ю. А.* Становление следственной власти на постсоветском пространстве // *Российский следователь*. 2015. № 11.
22. *Цветков Ю. А.* Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // *История государства и права*. 2015. № 3.
23. *Берлявский Л. Г., Расчетов В. А.* Следственный комитет Российской Федерации: конституционно-правовые основы организации и деятельности // *Российский следователь*. 2014. № 5.
24. *Багмет А. М.* К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // *Российская юстиция*. 2013. № 9.
25. *Багмет А. М.* Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // *Российская юстиция*. 2013. № 12.
26. *Багмет А. М.* Место и роль принципа процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // *Российская юстиция*. 2014. № 5.
27. *Спирин А. В.* Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
28. *Зименков А. А.* Возвращение прокурором уголовного дела следователю: старый институт с новыми проблемами // *Российский следователь*. 2012. № 4.

## Соотношение ареста подозреваемого по УПК Монголии с задержанием подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ

Т. Даш



Проблема применения мер принуждения в виде ареста подозреваемого в уголовном судопроизводстве Монголии приобретает существенное значение, а нормы, содержащиеся в УПК Монголии, нельзя назвать полностью проработанными. Ведущая роль применения данной меры принуждения в уголовном судопроизводстве Монголии ставит задачи обеспечения прав арестованных лиц, обеспечения нормального производства по уголовному делу. Для совершенствования уголовно-процессуального законодательства Монголии следует использовать опыт зарубежных стран, а именно Российской Федерации. Автор проводит сравнительно-правовой анализ институтов задержания и ареста подозреваемого в совершении преступления с соответствующими положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Монголии и приходит к выводу, что следует внести изменения в УПК Монголии, направленные на эффективное обеспечение прав и свобод при применении ареста подозреваемого по подозрению в совершении преступления.

*Ключевые слова:* арест подозреваемого, меры принуждения, задержание, права подозреваемого, фактический арест.

Арест подозреваемого по УПК Монголии является мерой принуждения, сходной с аналогичной мерой по УПК РФ. Ему посвящена глава 8, состоящая из четырех статей (ст. ст. 58–61), которая находится в части 3 «Меры принуждения в уголовном процессе» УПК Монголии.

Арест подозреваемого по УПК Монголии — это мера принуждения превентивного характера, заключающаяся в кратковременном лишении свободы лица. Арест по подозрению в совершении преступления производится в целях выяснения причастности к преступлению и разрешения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Мотивами же применения данной меры принуждения принято считать сформулированные на объективных обстоятельствах дела, служащие основаниями для ареста, а также субъективные побуждения соответствующего должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, не допустить, чтобы лицо, подозреваемое в преступлении, уклонилось от дознания, следствия или суда; помешало производству по уголовному делу; продолжило преступную деятельность [1, с. 65].

Арест подозреваемого применяется по судебному решению либо в порядке, не терпящем отлагательств, без судебного решения.

Обращение к статистическим данным Монголии показывает, что в 2013 г. судом было рассмотрено 1181 решение об аресте подозреваемого, поступившее от органов расследования, 1054 из них были удовлетворены. В 2014 г. суд рассмотрел 869 решений об аресте подозреваемого, из них дал разрешение на арест в 814 случаях. В 2015 г. суд рассмотрел 921 решение об аресте подозреваемого, из них дал разрешение на арест в 869 случаях<sup>1</sup>. Следовательно, суд в большинстве случаев удовлетворяет такую меру принуждения, как арест подозреваемого (в 2013 г. — 89%, в 2014 г. — 93%, в 2015 г. — 94% удовлетворены от всех поступивших постановлений об аресте от органов расследования).

Анализ положений главы 8 УПК Монголии «Арест подозреваемого» дает основания полагать, что нормативное регулирование института ареста подозреваемого нельзя назвать завершенным по сравнению с институтом задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве России.

13 мая 2016 г. опубликован проект нового УПК Монголии, и в нем отсутствует такая мера уголовно-процессуального принуждения, как арест подозреваемого. Данный проект не был принят Парламентом<sup>2</sup>.

Общие правила ареста подозреваемого установлены в ст. 58 УПК Монголии, в соответствии с кото-

<sup>1</sup> *Шүүхийн ерөнхий зөвлөлийн албан ёсны веб хуудас. Шүүн таслах ажиллагааны нэгдсэн тайлан 2015 он Улаанбаатар хот, Х. 39* [Официальный сайт Генерального совета суда. Единый отчет о судебных процессах 2015 года. Улан-Батор, 2015. С. 39].

<sup>2</sup> *Монгол Улсын Засгийн газрын албан ёсны веб хуудас* [Официальный сайт Парламента Монголии]. URL: [www.parliament.mn](http://www.parliament.mn) (дата обращения: 13.05.2017).

рой он должен быть арестован при попытке скрыться либо при наличии фактов, дающих достаточное основание подозревать лицо в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Под попыткой скрыться следует понимать изменение места жительства без уведомления об этом следователя или дознавателя, а также оказание сопротивления при аресте [2, с. 69].

Арест в процессуальном смысле производится только при наличии возбужденного уголовного дела о преступлении, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Если возбуждено дело о тяжком или особо тяжком преступлении, то лицо подвергается аресту при наличии достаточных оснований подозревать именно это лицо в совершении преступления [2, с. 69].

Отметим, что предложения о введении такого мотива ареста подозреваемого, как подозрение в тяжком преступлении, было сформулировано еще в 1989 г. монгольским исследователем Б. Э. Батбуяном [3, с. 169].

В уголовном процессе Монголии предусмотрено составление постановления об аресте, который доставляется прокурору, а последний представляет его в суд (ст. ст. 59.1, 59.2 УПК Монголии). В комментарии к УПК Монголии отмечено, что прокурор после тщательной проверки обоснованности и достаточности оснований ареста подозреваемого выносит решение о необходимости рассмотрения вопроса об аресте в суде. Прокурор вправе передавать либо не передавать это постановление в суд. Прокурор в данном случае не выступает в роли посредника, а осуществляет прокурорский надзор за законностью ареста подозреваемого [2, с. 70]. В этом случае лицо, подлежащее аресту, и место его нахождения известны, но в отношении лица данная мера принуждения еще не осуществляется до вынесения решения судом.

В соответствии со ст. 59.5 УПК Монголии в экстренных, безотлагательных случаях дознаватель и следователь могут немедленно арестовать подозреваемого до решения суда и сообщить об этом прокурору и суду в течение 24 часов с момента его ареста. В подобных случаях суд обязан в течение 48 часов с момента получения постановления об аресте подозреваемого вынести решение об аресте подозреваемого или его освобождении (ст. 59.6 УПК Монголии). Такое решение принимается, если лицо задержано в момент совершения тяжкого или особо тяжкого преступления или непосредственно после его совершения, а также если лицо скрылось от следствия и суда или арестовано во время его розыска [2, с. 71]. В этом заключается одно из существенных отличий

института ареста подозреваемого в уголовном процессе Монголии от аналогичного института в уголовном процессе России, где судебное решение и согласие прокурора на задержание подозреваемого не предусмотрены.

Вопрос о природе и сущности задержания подозреваемого остается одним из самых дискуссионных. Одни авторы полагают, что задержание подозреваемого — мера уголовно-процессуального принуждения [4, с. 29; 5, с. 35; 6, с. 143]; другие — следственное действие, направленное на собирание доказательств [7, с. 91; 8, с. 100–103]; третьи — одновременно мера принуждения и следственное действие [9, с. 92]. Следует отметить, что большинство процессуалистов, исходя из анализа УПК РСФСР, придерживались именно последней точки зрения [10, с. 53; 11, с. 117–121; 12, с. 175]. УПК РФ однозначно относит задержание к мерам процессуального принуждения, поместив главу 12 в раздел 4 «Меры процессуального принуждения» [13, с. 46].

О. И. Цоколова выделяет характерные черты института процессуального задержания и определяет, что «задержание — это неотложное процессуальное действие, не относящееся к числу следственных действий, которое в большинстве случаев проводится на первоначальном этапе расследования уголовного дела» [4, с. 38]. В. В. Кальницкий также исключает задержание из списка следственных действий [14, с. 4–7].

Двойственную природу уголовно-процессуального задержания по УПК РСФСР подчеркивал монгольский исследователь Б. Э. Батбуян: с одной стороны, задержание — это мера уголовно-процессуального принуждения, сущность которой сводится к кратковременному лишению свободы; с другой — задержание является «следственным действием, осуществляемым при производстве предварительного расследования, специфика которого заключается в том, что оно представляет собой процессуальное средство предупреждения совершения лицом, подозреваемым в преступлении, действий, препятствующих достижению задач уголовного судопроизводства» [3, с. 160]. Н. А. Власова тоже отмечала, что задержание может быть и следственным действием, и мерой уголовно-процессуального принуждения, имеет существенное доказательственное значение по делу и в то же время лишает подозреваемого возможности скрыться, помешать установлению истины или продолжить преступную деятельность [9, с. 96].

По УПК Монголии арест подозреваемого имеет двойственный характер: с одной стороны, ст. 59.1 называет арест подозреваемого мерой принуждения<sup>3</sup>;

<sup>3</sup> *Шүүх эрх мэдэл* : албан ёсны тайлбартай хуулийн эмхтгэл 2012 он Улаанбаатар хот [Судебная власть : сб. законов и официального толкование на 2012 год. Улан-Батор, 2012].

с другой — ст. ст. 59.4 и 89.1 относят арест подозреваемого к следственным действиям. Протокол, в котором фиксируются обстоятельства и факты, установленные в ходе проведения ареста, проведенного с соблюдением требований УПК, является источником доказательств.

Таким образом, арест по характеру применяемых к лицу ограничений близок к мерам принуждения, а принимая во внимание возможность фиксации доказательств при его применении, считаем, что он сходен со следственными действиями.

В уголовном процессе Монголии и России установлены различные сроки задержания (ареста) подозреваемого. Согласно ч. 1 ст. 10 УПК РФ максимальный срок задержания до судебного решения в полном соответствии с ч. 2 ст. 20 Конституции РФ составляет 48 часов. В Конституции Монголии такой срок не установлен. Он прямо не указан и в УПК Монголии. В то же время в ст. 60.2 УПК Монголии предусмотрено, что если решение судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу не поступит по истечении 72 часов, то подозреваемый немедленно освобождается. Отсюда следует, что максимальный срок ареста подозреваемого в уголовном процессе Монголии составляет 72 часа.

Кроме установления различных максимальных сроков задержания подозреваемого, в УПК РФ говорится о продлении срока задержания. В УПК Монголии, в отличие от УПК РФ, возможность продления срока ареста судом не предусмотрена. Это положение УПК РФ в юридической литературе подвергнуто справедливой критике [15, с. 240; 16, с. 129–130; 17, с. 225; 18, с. 142–143]. Так, И. А. Антонов по этому поводу пишет, что «теперь срок задержания в случае, когда суд откладывает принятие решения о применении меры пресечения заключения под стражу, может насчитывать 120 часов (пять суток). Данная норма нуждается в значительной корректировке или отмене с точки зрения ее соответствия самому Уголовно-процессуальному кодексу России, а именно ст. 6 — назначению уголовного судопроизводства. В настоящем виде такая норма никоим образом не соответствует нравственно-правовым критериям уголовно-процессуальной деятельности» [16, с. 130].

В. В. Вандышев полагает, что рассматриваемое положение УПК РФ противоречит ст. 15 УПК РФ, которая установила, что суд не является органом уголовного преследования или защиты, а стороны обвинения и защиты равноправны перед судом [15, с. 240].

Мнение А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского о продлении срока задержания сводится к тому, что на обвиняемого не возлагается бремя доказывания необоснованности мер принуждения, поэтому за-

держание продлевается тогда, когда следователь убедительно аргументирует, что за 72 часа он сможет получить конкретные доказательства, обосновывающие искомую меру пресечения [19, с. 269–270].

Э. К. Кутуев приводит следующие доводы: «Законодатель предоставил право ходатайствовать о продлении срока задержания защитнику для предоставления им дополнительных доказательств необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако такую ситуацию трудно себе представить» [17, с. 225]. В целом мы присоединяемся к критическим замечаниям по поводу п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ и считаем позицию монгольского законодателя, не предусмотревшего продление ареста в УПК, более правильной.

Как в УПК Монголии, так и в УПК РФ содержатся отдельные нормы, устанавливающие основания освобождения подозреваемого. Однако по УПК РФ решение об освобождении подозреваемого принимает не суд, а дознаватель или следователь, так как само по себе задержание подозреваемого по УПК РФ, в отличие от УПК Монголии, судебного решения не требует.

УПК РФ устанавливает еще одно правило, отсутствующее в УПК Монголии. В соответствии с ч. 4 ст. 94 УПК РФ если имеется определение или постановление суда об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя, следователя об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, то копия этого постановления или определения выдается подозреваемому при его освобождении. Представляется, что аналогичное правило следует закрепить и в УПК Монголии.

В обоих УПК предусматривается уведомление о задержании (аресте) подозреваемого. В соответствии со ст. 61.1 УПК Монголии дознаватель или следователь не позднее 24 часов с момента ареста подозреваемого уведомляет кого-либо из близких совершеннолетних родственников либо адвоката или предоставляет такую возможность самому подозреваемому. Следовательно, родственники могут пригласить для защиты подозреваемого наиболее квалифицированного и опытного адвоката. У арестованного по подозрению в совершении преступления лица такая возможность не всегда имеется, а следователь ограничивается приглашением дежурного адвоката. В этом контексте уведомление родственников подозреваемого приобретает значение эффективного средства его защиты, т. е. в УПК Монголии посредством установления обязанности следователя уведомить родственников арестованного сделан определенный шаг по направлению к более широкому обеспечению прав подозреваемого.

В УПК РФ эти вопросы решаются несколько иначе. Во-первых, срок уведомления составляет 12 часов,

полагаем, это логично, учитывая 48-часовой общий срок задержания. Во-вторых, в число уведомляемых лиц, кроме близких родственников, входят и другие родственники, которые уведомляются о задержании подозреваемого при отсутствии у него близких родственников. В-третьих, в УПК РФ нет специального указания на совершеннолетних родственников, и в этом отношении позиция монгольского законодателя представляется более верной. В-четвертых, в УПК РФ нет указания на возможность уведомления о задержании защитника (адвоката) подозреваемого. На наш взгляд, нет никаких препятствий в УПК РФ установить, что по просьбе подозреваемого о его задержании (аресте) должен быть уведомлен избранный им защитник (адвокат).

С учетом вышеизложенного соответствующие положения УПК обеих стран можно было бы сформулировать следующим образом: «Дознаватель (следователь) не позднее 24 (12) часов с момента ареста (задержания) подозреваемого уведомляет кого-либо из близких совершеннолетних родственников, а при их отсутствии других совершеннолетних родственников или предоставляет возможность такого уведомления самому подозреваемому».

В статье 59.8 УПК Монголии начало срока ареста подозреваемого установлено четко — момент предьявления постановления об аресте подозреваемому для ознакомления. В российской юридической науке по поводу начала срока задержания подозреваемого единого мнения не сложилось. В период действия УПК РСФСР высказывались мнения о том, что исчисление срока задержания начинается: с момента фактического задержания; с момента доставления лица в орган дознания или предварительного следствия; с момента водворения задержанного в специальное помещение для содержания под стражей [6, с. 44; 20, с. 89].

В УПК РФ о фактическом задержании говорится в п. 15 ст. 5, в соответствии с которым момент фактического задержания определяется как момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Это положение УПК РФ дало основание для вывода о том, что существуют, по крайней мере, два вида задержания [15, с. 243; 18, с. 10]. В. В. Вандышев называет их фактическим и уголовно-процессуальным. Т. В. Валькова по этому поводу пишет: «Законодатель признает существование двух этапов уголовно-процессуального задержания лица по подозрению в совершении преступления: задержание фактическое, когда человек фактически ограничивается в свободе передвижения, и задержание юридическое, при котором фактическое задержание получает процессуально-правовое оформле-

ние в виде протокола задержания в порядке ст. 91 УПК РФ» [18, с. 10–11].

Понятие момента фактического задержания таким образом становится ключевым при исчислении его сроков. Определение, данное в п. 15 ст. 5 УПК РФ, носит общий характер, однако позволяет сформулировать исходные позиции для понимания момента фактического задержания. Фактическое задержание производится органом (должностным лицом), возбуждившим уголовное дело и приступившим к его расследованию. Оно заключается в принятии к лицу, доставленному в орган дознания, к следователю, конкретных мер, реально ограничивающих лишение свободы его передвижения. Ими могут быть объявление лицу решения о задержании, удержание лица в помещении органа расследования или ином месте, куда доставлен или где находится подозреваемый, сопровождаемое применением в этих целях физического воздействия или спецсредств, например наручников.

Б. Б. Булатов отмечает, что захват и доставление лица в орган дознания или к следователю только тогда означают фактическое задержание лица, когда они осуществляются в рамках уголовного дела, на основании постановления о задержании. Моментом фактического задержания здесь будет момент реального ограничения свободы подозреваемого в совершении преступления лица. Действия должностных лиц различных правоохранительных органов, потерпевших, граждан, оказавшихся очевидцами преступления, по пресечению преступления, захвату и доставлению лица предшествуют возбуждению уголовного дела и задержанию, не являются его началом. Уголовно-процессуальный закон все же проводит разграничение понятий «фактическое задержание» и «доставление». Если фактическое задержание имеет место в рамках возбужденного уголовного дела и осуществляется указанными в УПК РФ органами и должностными лицами, то доставление, если оно производится не на основании постановления о задержании, всегда носит ситуативный характер. Это вызвано тем, что лицо оказывается застигнутым при совершении общественно опасного деяния или сразу после его совершения и необходимы разбирательство с ним, выяснение обстоятельств совершения общественно опасного деяния, установление в нем признаков преступления. Лицо может быть установлено по приметам в связи с подозрением в преступлении, что также обуславливает его доставление в орган дознания, к следователю. Доставление далеко не во всех случаях влечет за собой задержание лица по подозрению в совершении преступления [13, с. 55–57].

О. И. Цоколова по этому поводу пишет, что задержание подозреваемого является процессуальным действием с того момента, как лицо доставлено к следователю, дознавателю (в орган дознания). Именно

с этого момента начинается фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения по процессуальным основаниям, именно с этого момента следует исчислять срок задержания и указывать это время в протоколе задержания. Физическое удержание лица до этого момента нельзя рассматривать как процессуальное задержание подозреваемого, а следует трактовать как допроцессуальную деятельность, которая может быть направлена на пресечение преступных действий и лишение правонарушителя возможности скрыться [4, с. 40–41].

В статье 5 УПК Монголии закреплены определения основных понятий, используемых в УПК Монголии. Но о фактическом аресте подозреваемого ни в ст. 5, ни в главе 8 УПК Монголии не упоминается. Монгольский исследователь Д. Чимэддорж пишет, что начало срока фактического задержания по УПК Монголии не учитывается, а срок задержания исчисляется с момента ознакомления подозреваемого с постановлением его задержания. Исходя из сказанного следует отметить, что законодательная неурегулированность фактического ареста в УПК Монголии влечет за собой незаконность удержания лица, нарушает неприкосновенность личности [21, с. 16–17].

Считаем целесообразным добавить в ст. 5 УПК Монголии отдельным пунктом «момент фактиче-

ского ареста» и изложить его в следующей редакции: «Момент производимого в порядке, установленном УПК Монголии, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, при применении ареста подозреваемого уполномоченным сотрудником правоохранительной службы в порядке главы 8 УПК Монголии, одновременно или после возбуждения уголовного дела», а также изменить диспозицию ст. 59.8 УПК Монголии следующим образом: «Исчисление срока ареста начинается с момента фактического ареста подозреваемого в порядке статьи 5 УПК Монголии».

В своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятых Резолюцией ООН 9 декабря 1988 г., предусматривается, что лицо не может быть задержано без предоставления эффективной возможности быть в срочном порядке заслушанным судебным или иным органом<sup>4</sup>.

В УПК Монголии аналогичные правила не предусмотрены ни в главе 8 «Арест подозреваемого», ни в ст. 35, закрепляющей права подозреваемого, что представляется неправильным. По нашему мнению, это положение необходимо сформулировать в УПК Монголии.

## Список литературы

1. Даш Т. Арест подозреваемого по УПК Монголии // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск, 2016. Вып. 23.
2. Жанцан С., Баясгалан Г., Бямбаа Ж. Монгол Улсын Эрүүгийн байцаан шийтгэх хуулийн тайлбар 2003 он Улаанбаатар хот, Х. 69 [Жанцан С., Баясгалан Г., Бямбаа Ж. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Монголии (постатейный). Улан-Батор, 2003].
3. Батбуян Б. Э. Задержание подозреваемого по УПК МНР : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989.
4. Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография. М., 2008.
5. Ахпанов А. Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения. Караганда, 1989.
6. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975.
7. Шейфер С. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3.
8. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
9. Власова Н. А. Уголовный процесс : курс лекций. М., 2000.
10. Дубинский А. Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел. Киев, 1987.
11. Шатило К. Д. Уголовно-процессуальный характер задержания как неотложного следственного действия // Правоведение. 1963. № 4.
12. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961.
13. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
14. Кальницкий В. В. Следственные действия : учебное пособие. Омск, 2003.
15. Вандышев В. В. Уголовный процесс. СПб., 2004.
16. Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. СПб., 2003.

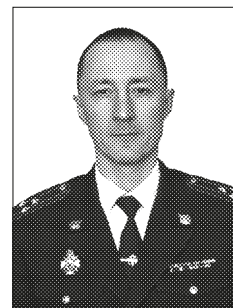
<sup>4</sup> Свод принципов защиты всех лиц, подвергнутых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Принят Резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г. // Международные акты о правах человека : сб. документов. М., 2000. С. 210.

17. Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение на досудебных стадиях : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
18. Валькова Т. В. Реализация процессуальных прав подозреваемого при расследовании преступлений органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
19. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2004.
20. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981.
21. Чимэддорж Д. Меры уголовно-процессуального принуждения, связанные с изоляцией от общества, в уголовном процессе Монголии и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

УДК 343 © А. И. Тамбовцев, 2017

## Проблемы правовой интерпретации общих требований к лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

А. И. Тамбовцев



Проводится исследование положений ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регулирующих содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Проведен анализ отдельных терминов и терминологических конструкций, изучены правоприменительная практика, возможности преодоления имеющихся юридических коллизий, предложены собственные подходы к решению выявленных проблем.

*Ключевые слова:* конфиденциальное содействие, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, оперативные подразделения, привлечение к конфиденциальному содействию, органы внутренних дел.

Содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), как социально-правовой феномен, который имеет многовековую сложную историю становления, но краткое правовое и законодательное регулирование, подвергалось целенаправленному научному осмыслению и правовому анализу в рамках научных изысканий Н. С. Железняк, А. В. Шахматова, А. А. Маслова и других ученых. Указанными авторами были всесторонне изучены сущностно-понятийные, правовые, организационные и многие теоретические и практические аспекты этого явления. Особое внимание ученые уделили исследованию Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)<sup>1</sup>, современного правового первоисточника данного феномена. Вместе с тем текст Закона об ОРД в части, регулирующей содействие гражданам органам, осуществляющим ОРД, содержит ряд терминов, терминологических конструкций и положений, не имеющих единого юридического толкования и порождающих колли-

зии. Они нуждаются в содержательной и формальной (редакционной) корректировке, что и послужило поводом к написанию данной статьи.

Закон об ОРД является концептуальным нормативным правовым актом для осуществляющих оперативно-розыскную деятельность субъектов, перечисленных в ст. 13 указанного закона, а именно: оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации; органов Федеральной службы безопасности; Федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны; таможенных органов Российской Федерации; Службы внешней разведки Российской Федерации; Федеральной службы исполнения наказаний. Положения Закона об ОРД должны быть основополагающими для отдельных аспектов производных от него специальных федеральных законов, регламентирующих деятельность перечисленных субъектов, и разработанных на их основе ведомственных наставлений и инструкций организационно-тактического характера. Следует признать, что любые недостатки первичного закона естественно повлекут последующую

<sup>1</sup> Рос. газета. 1995. 18 авг.

ущербность основанных на нем иных нормативных правовых актов. В связи с этим нормы Закона об ОРД, регламентирующие такую специфическую сферу, как содействие лиц органам, осуществляющим ОРД, должны быть логически и юридически совершенны и однозначны. Однако анализ главы IV «Содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» Закона об ОРД свидетельствует о непротиворечивости и коллизии ее норм.

Обоснованные сомнения вызывают само название указанной главы и аналогичное название ст. 17 — «Содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», а именно использование термина «граждане», имеющего не только обыденное обобщенное значение «народ», «население», «лица», но и точную юридическую характеристику, выражающую «политическую и правовую принадлежность лица к конкретному государству» [1, с. 75]. Вопреки признанному юридическим сообществом мнению о возможности привлечения к содействию лиц независимо от их гражданства [2, с. 437; 3, с. 8], подобный терминологический акцент категорично ограничивает лиц, которые могут привлекаться к содействию, гражданами, т. е. лицами, имеющими гражданство (подданство) какого-то государства, в данном случае России. Аналогичная ситуация просматривалась ранее в названии оперативно-розыскного мероприятия «Опрос граждан», предусмотренного Законом РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», что формально ограничивало круг лиц, которые могли быть опрошены. Очевидно, что нормотворцами было допущено несоответствие буквы и духа закона. Данный юридический казус был устранен законодателем в редакции ныне действующего Закона об ОРД, но не во всех его положениях. В то же время следует объективно признать, что сам текст комментируемой статьи не содержит упоминания о гражданстве как факторе, ограничивающем возможность привлечения лица к содействию, а термин «гражданин» упоминается обособленно, вне связи с каким-то конкретным государством (например, «гражданин России»), что можно расценивать как употребление его в обобщенном значении, т. е. как «лицо». Тем не менее мы солидарны с мнением, что в юридических текстах, каким, несомненно, является Закон об ОРД, должны соблюдаться следующие требования: «...использование терминов с четким и строго очерченным смыслом; употребление слов и выражений

обычно в более узком или специальном значении по сравнению с тем, какое они имеют в общелитературном языке; использование слов и выражений в прямом и первичном их значении; отказ от двусмысленных и многозначных терминов...» [4, с. 23], что и необходимо воплотить в последующих его редакциях или новых концептуальных проектах. Решение данной проблемы видится в применении одного из двух возможных вариантов, проверенных временем и применяемых как в российском, так и в зарубежном законодательстве:

— использование единой специальной статьи, раскрывающей значение терминов и понятий, употребляемых в тексте закона (по аналогии со ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации);

— использование поглавных статей или комментариев, раскрывающих значение новых терминов и понятий, употребляемых в тексте данной главы (по аналогии с кодексами некоторых зарубежных стран<sup>2</sup>).

Интересным представляется анализ отдельных перечисляемых в ст. 17 критериев для лиц, привлекаемых к содействию. Так, в ч. 1 рассматриваемой статьи не указан возраст лица, которое может быть привлечено к содействию. Вопреки распространенному среди правоведов и действующих сотрудников ОВД мнению, что к содействию могут привлекаться только лица, достигшие 18 лет, а в исключительных случаях 16 лет, упоминание в ч. 2 ст. 17 Закона об ОРД совершеннолетнего возраста является возрастным критерием лица, с которым возможно заключение контракта [5, с. 300], но не общим возрастным требованием к лицу, оказывающему содействие. Таким образом, фактически закон никак не ограничивает возраст, ранее которого запрещено привлечение лица к бесконтрактному содействию. Судебная практика Верховного Суда РФ подтверждает легитимность использования оперативными подразделениями содействия лиц, моложе 18-летнего, но в то же время не младше 16-летнего возраста<sup>3</sup>. Обоснованным сомнениям в данном случае могут быть подвергнуты определенные личностные ментальные и психологические качества несовершеннолетнего кандидата, обусловленные его возрастом. Практика показывает, что большинство современных 14–16-летних подростков обладают вполне сложившейся психикой, адекватным сознанием, рациональным мышлением и социально-психологическими качествами, свойственными взрослому

<sup>2</sup> См., напр.: *Примерный Уголовный кодекс США*. Официальный проект Института американского права / пер. с англ. А. С. Никифорова; под ред. Б. С. Никифорова. М., 1969. 303 с.; *Уголовный кодекс ФРГ* / пер. с нем. М., 2001. 208 с.; и др.

<sup>3</sup> *Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2004 г. № 891п2003* // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 19–20.

индивиду. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о сформированности зрелой личности, а с другой — о наличии у нее достаточных разведывательных способностей. Все изложенное позволяет считать, что возрастным критерий при выборе лица для привлечения к содействию органам, осуществляющим ОРД, может быть объективно снижен без ущерба для интересов субъекта ОРД и привлекаемого лица.

Однако следует признать отсутствие четких и однозначных качественно-количественных показателей оценки возрастной пригодности лица к оказанию содействия во всем его видовом и функциональном многообразии. Полагаем, что в целях исключения субъективизма при принятии решения о привлечении лица к содействию, а также при правовой оценке легитимности и целесообразности факта привлечения лица законодательству следовало бы официально, т. е. в норме закона, ограничить конкретный минимальный возраст, допустимый при привлечении лица к содействию и закрепленный в соответствующих ведомственных нормативных правовых актах организационно-тактического характера.

По нашему мнению, подобный возраст может быть менее 16, но не ниже 14 лет. Данный диапазон обусловлен причинами, аналогичными тем, которые детерминируют минимальный возраст уголовной ответственности. Согласно разделяемому нами мнению правоведов (в том числе авторов действующего УК РФ) указанный возраст означает определенное биологическое, физиологическое, психологическое, нравственное развитие формально несовершеннолетнего лица, предполагающее его формирование как взрослой личности, способной к оценке своих намерений и поступков [6, с. 111].

Иным аргументом в защиту такой точки зрения может быть наличие в гражданском праве института эмансипации — приобретение лицом полной дееспособности до наступления совершеннолетия и не в связи со вступлением в брак. Условиями эмансипации являются достижение лицом возраста 16 лет и его трудовая деятельность, что в совокупности свидетельствует о состоявшейся социальной зрелости (взрослости) такого лица. Полагаем, подобную позицию ГК РФ можно экстраполировать и на рассматриваемую сферу оперативно-розыскных отношений в части определения минимального возраста, с которого лицо может привлекаться к содействию.

К сожалению, большинство современных исследователей ограничивается констатацией запрета на привлечение к содействию лиц моложе 16 лет, а изучение трудов по данной тематике за последнее десятилетие не позволило найти убедительных

аргументов теоретиков и практиков оперативно-розыскной деятельности, конкретизирующих и обосновывающих минимальный возраст лица, которое может быть привлечено к содействию органам, осуществляющим ОРД.

Такие вопросы вызывает указание законодателя на дееспособность лица, т. е. его способность осуществлять свои права и обладать обязанностями в полном объеме. Часть 2 ст. 17 Закона об ОРД отмечает это обязательное требование к лицу, привлекаемому к содействию, в контексте заключения с ним контракта. В то же время ч. 1 рассматриваемой статьи умалчивает о дееспособности как общем требовании к кандидату на содействие, что можно расценивать как игнорирование законодателем данного условия. Следуя «буквальному толкованию закона», подобное ограничение распространяется исключительно на ч. 2 ст. 17 Закона об ОРД, а именно на одно из формальных требований к лицу для заключения с ним контракта о сотрудничестве.

Кроме того, допускается ли привлечение к содействию (заключение контракта) лица с ограниченной дееспособностью, не обусловленной психическим заболеванием? Психическое заболевание или соматическое состояние и нередко связанная с ними неспособность больного к нормальной познавательной, коммуникативной, аналитической и другой умственной активности являются основанием для признания его недееспособным в соответствии со ст. 29 ГК РФ, а также несомненным препятствием для привлечения к содействию (заключению контракта). Но одновременно с этим по ст. 30 ГК РФ дееспособность гражданина также может быть ограничена судом в том случае, если он вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Таким образом, в указанных случаях ГК РФ не рассматривает алкоголизм, наркоманию, игроманию как болезнь, не связывает это ограничение с психическим расстройством (заболеванием) и обусловленной ими неспособностью лица понимать характер и значение своих действий или руководить ими. Это, несомненно, важно при принятии решения о возможности и целесообразности привлечения лица к сотрудничеству. Согласие такого лица на сотрудничество с оперативным подразделением априори не может быть основано на сделанных им ошибочных выводах вследствие психической болезни или соматического состояния, так как самой психической болезни или состояния нет. Более того, официальный факт признания подобного лица судом ограниченно дееспособным является для оперативного сотрудника поисковым признаком при подборе потенциальных конфиденентов, из-

начально обладающих набором разведывательных возможностей (внедрением в определенную социальную среду и конкретные объекты, знанием контингента и пр.).

Возникает вопрос о допустимости привлечения к содействию (заключение контракта) несовершеннолетнего лица, получившего полную дееспособность в связи с вступлением в брак. Часть 2 ст. 21 ГК РФ допускает приобретение лицом, не достигшим 18-летнего возраста, дееспособности в полном объеме со времени вступления в брак в ситуации, предусмотренной законом. Полагаем, в данном случае законодатель формально рассматривает бракосочетание несовершеннолетнего лица как факт его физической, психологической, а в целом социальной зрелости, по аналогии с эмансипацией. Подобный пример, на наш взгляд, свидетельствует о гипотетической возможности законодательного снижения возраста привлечения лица к содействию до 14 лет, а заключения контракта до 16 лет.

Подобные сомнения возникают при анализе еще одной гражданско-правовой ситуации, а именно при приобретении несовершеннолетним лицом полной дееспособности по решению органа опеки и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия — по решению суда (эмансипация). В указанных случаях отличаются лишь основания признания социальной зрелости несовершеннолетнего лица — вступление в брак и самостоятельная трудовая деятельность. В остальном они практически идентичны.

Оценивая совокупную ситуацию о возможности и легитимности привлечения к содействию лиц с ограниченной дееспособностью, заключения с ними контрактов о сотрудничестве и давая юридическую оценку такому критерию, как «дееспособность», в контексте изложенного, считаем рациональной и приемлемой как для законодателя, так и для правоприменителя точку зрения профессора А. Ю. Шумилова, который интерпретирует рассматриваемую норму как категоричный запрет на вступление в договорные отношения лишь с полностью недееспособными лицами, в частности, страдающими психическими заболеваниями, расширительно истолковывая (распространяя) ее и на институт привлечения лиц к содействию в целом [5, с. 300].

Отдельному критическому осмыслению была подвергнута функциональная составляющая содействия, провозглашенная в ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД, — подготовка или проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Основываясь на тезисе, что содержание ОРД не ограничивается только проведением ОРМ, а включает также проведение

организационных и обеспечивающих мероприятий, тактических приемов, оперативных комбинаций и т. д. [7, с. 24], следует признать, что законодатель данной формулировкой серьезно ограничил сферу использования потенциала лиц, содействующих оперативным подразделениям, всего лишь подготовкой и проведением ОРМ из перечня ст. 6 Закона об ОРД, исключив любое другое функциональное участие. И хотя в реальной практической деятельности оперативных подразделений использование возможностей и потенциала лиц, оказывающих всестороннее и полномерное содействие, и функционально гораздо шире, чем только подготовка и проведение ОРМ, тем не менее следует признать необходимость редактирования данной нормы.

Критике следует подвергнуть также еще одно положение ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД, основанное на рассматриваемой терминологической конструкции, а именно «эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий». Следуя логике законодателя, считаем, что сведения, полученные содействующим лицом в иных связанных с ОРД ситуациях, но не в процессе подготовки или проведения ОРМ, сохранять в тайне необязательно. Основываясь на приведенной аргументации, полагаем, что сохранению в тайне подлежат любые сведения, прямо или косвенно полученные лицом в связи с его участием в содействии, что также должно найти соответствующее воплощение в тексте ст. 17 Закона об ОРД. Необходимо поддержать инициативу А. В. Шахматова по замене в тексте ст. 17 Закона об ОРД терминологической конструкции «подготовка или проведение оперативно-розыскных мероприятий» на «решение задач оперативно-розыскной деятельности» [8, с. 128].

Анализируя далее ч. 3 рассматриваемой статьи, считаем необходимым отметить несколько содержащихся в ней полемичных аспектов. Во-первых, четко и категорично сформулированный запрет на использование контрактной формы конфиденциального содействия предоставляет правоприменителю право на иные (бесконтрактные) формы содействия с указанными категориями, что отмечается абсолютным большинством исследователей [9, с. 151; 7, с. 213]. Но в то же время перечень категорий лиц, с которыми запрещена контрактная форма конфиденциального содействия, вызывает определенные сомнения. Одним из основных аргументов сторонников подобного запрета является обладание лицом чужими тайнами, доверенными ему по роду его профессиональной, социальной, религиозной или иной деятельности, которые оно не вправе разглашать, что следует признать в целом правильным и бесспорным. Однако, кроме перечис-

ленных в ст. 17 Закона об ОРД категорий, существует еще ряд профессий, представители которых по роду своей деятельности получают, обрабатывают, хранят и используют информацию частного характера. Эти сведения составляют один из многочисленных видов тайн, таких как журналистская, врачебная, банковская, нотариальная и т. д., оборот которых регламентирован отдельными федеральными законами и кодексами или корпоративными этическими нормами. Если следовать логике правоведов, считающих «упущением законодателя невключение в перечень лиц, с которыми запрещено заключать контракт о негласном сотрудничестве, следователей и нотариусов» [9, с. 213], то нужно признать, что внесению в данный перечень подлежат все профессии, затрагивающие сведения о частной жизни лица, именуемые профессиональной тайной. Российское законодательство насчитывает более 40 видов тайн [10, с. 85], и запрет вполне естественно должен распространяться на представителей всех соответствующих профессий, этими тайнами обладающих, что логично привело бы к вырождению и забвению самого института содействия, особенно конфиденциального. Считаем, что такое ограничение может иметь отношение к содержащей тайну информации, получаемой исключительно в процессе профессиональной деятельности, касаться только ее, а не иной информации. Это отчасти уже детализировано в ст. 56 «Свидетель» УПК РФ и в определении Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108, рассматривающего проблематику соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших информацию адвокату при исполнении им своих профессиональных обязанностей<sup>4</sup>.

Во-вторых, использование нормотворцем такого не имеющего единого юридического толкования и в то же время неоднозначного термина, как «священнослужитель», способно породить юридическую коллизию при его интерпретации в процессе практического правоприменения — при осуществлении ОРД. Полемичность термина обусловлена возможностью неоднозначного официального и обыденного толкования. В первом случае при буквальном толковании термина понимается «служитель религиозного культа в православных и католических церк-

вах, возведенный в духовный сан и имеющий право самостоятельно совершать богослужения, обряды и таинства» [11, с. 399], т. е. духовная особа, свойственная только двум конфессиям — православию и католичеству из всего их многообразия. Во втором случае имеется в виду обобщенное значение термина, а именно любой представитель церкви, некий религиозный деятель. Очевидно, что законодатель учитывал именно общее значение термина, что максимально соответствует духу закона, но при этом сформулированная им норма имеет не обобщенный, а вполне конкретный смысл, меняющий содержательную составляющую запрета.

В-третьих, неопределенным видится используемый в данной норме термин «прокурор». Если рассматривать гипотетические основания запрета на привлечение данной категории лиц к содействию по контракту, то в контексте настоящей работы таковыми, вероятно, являются недопустимость вмешательства в осуществление прокурорского надзора и отчасти недопустимость влияния на свободу волеизъявления прокурора в процессе законотворчества. Положения Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» в части регламентации прокурорского надзора упоминают три категории должностных лиц, уполномоченных на его осуществление, — прокурора, помощника прокурора и заместителя прокурора, не дифференцируя и не персонифицируя их полномочия. В то же время Закон об ОРД оперирует лишь одним из вышеназванных терминов — прокурор, что при буквальном толковании нормы Закона об ОРД существенно влияет на ее содержание.

Таким образом, считаем целесообразным внести в ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и в основанные на нем иные федеральные законы и ведомственные наставления организационно-тактического характера соответствующие изменения и дополнения, касающиеся следующих общих критериев лиц, которые оказывают содействие органам, осуществляющим ОРД: гражданства, возраста, дееспособности, категорий, обладающих иммунитетом на содействие по контракту. Тем самым это позволит исключить имеющиеся юридические коллизии.

## Список литературы

1. *Юридический энциклопедический словарь* / под ред. А. Я. Сухарева ; ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Миньковский и др. М., 1984.

<sup>4</sup> *Определение* Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О по жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Смирнов М. П.* Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учебное пособие. М., 2003.
3. *Федоров А. В., Шахматов А. В.* Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : учебное пособие. СПб., 2004.
4. *Язык закона* / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.
5. *Шумилов А. Ю.* Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 7-е изд., доп. и перераб. М., 2007.
6. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : курс лекций* / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2000.
7. *Теория оперативно-розыскной деятельности* / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синева. М., 2006.
8. *Шахматов А. В.* Агентурная работа в органах внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
9. *Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»* : науч.-практ. комментарий / под ред. проф. В. В. Николюка и доц. В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. Изд. перераб. и доп. Омск, 1999.
10. *Лопатин В. Н.* Правовая охрана и защита служебной тайны // Государство и право. 2000. № 6.
11. *Атеистический словарь* / под ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.



## Образовательное право в системе современного российского права

М. А. Кожевина



Одна из важнейших задач современной юридической науки заключается в выборе эффективных средств познания правовой материи, чтобы снизить накал научных дискуссий по наиболее значимым теоретическим проблемам, к числу которых относится вопрос о структуре и соотношении системы права и системы законодательства, о возможности формирования комплексных отраслей права и законодательства. Образовательное право считается таковой отраслью, но вместе с тем в научном сообществе вызывает серьезную полемику вопрос о ее структурной принадлежности: либо к системе законодательства, либо к системе права. Использование историко-теоретического метода в рамках ретроспективного подхода снижает дискуссионность вопроса и позволяет заключить, что образовательное право как отрасль складывается исторически, систематизируется на основе генетических, структурных и функциональных связей, качественно меняющихся в течение времени и способствующих постепенной трансформации отрасли законодательства в отрасль права.

*Ключевые слова:* образовательное право, отрасль права, отрасль законодательства, комплексная отрасль права, комплексная отрасль законодательства, система права, система законодательства.

В ряду вопросов о соотношении разноплановых представлений о праве, о соотношении новых представлений о праве с устоявшимися правовыми понятиями и категориями следует выделить вопрос об отраслевой структуре современной системы права. Одни исследователи считают, что отраслями права могут называться лишь те совокупности норм права, которые регулируют важные, социально значимые отношения. Отрасли права формируются на основе консолидации однотипных норм права и имеют свой однородный предмет и метод регулирования. Процесс формирования отрасли права завершается кодификацией — изданием кодекса. В противном случае совокупности норм права, заключенные в иные нормативные правовые акты, могут консолидироваться лишь в отрасли законодательства.

Сторонники другой точки зрения в какой-то степени солидарны с последователями первой позиции, однако отмечают, что формирование новых

структурных элементов в системе права зависит еще и от наличия высокой степени своеобразия и важности отдельных общественных отношений; от значительного их «удельного веса» в системе социального взаимодействия и от невозможности урегулировать эти отношения нормами одной отрасли. В связи с этим сразу возникает потребность использования нового метода правового регулирования.

Именно последняя позиция в настоящее время вызывает дискуссию о возможности возникновения новых правовых институтов и отраслей права. Одни определяют их как комплексные отрасли права, другие — как специализированные, третьи — как вторичные. Некоторые ученые предлагают отказаться от термина «отрасль права» и ввести понятие «комплексная правовая форма».

Дискуссия о структуре российского права имеет свою историю. Так, обсуждение проблемы установления критерия выделения совокупности правовых норм как отрасли в 1938–1941 гг. завершилось опре-

делением в качестве предмета правового регулирования устоявшихся общественно значимых отношений, т. е. однородных общественных отношений, требующих правового урегулирования. Эти отношения системны и структурированы. Структура включает: объект, субъекты отношений, взаимосвязи и взаимодействия между ними.

Дискуссия 1955–1958 гг. привела к выделению еще одного критерия — метода правового регулирования. Метод есть совокупность приемов, способов и средств воздействия права на общественные отношения. Были выделены методы: императивный, диспозитивный, поощрения, убеждения, принуждения и т. п. Посредством метода устанавливаются границы регулируемых отношений, т. е. определяются правоспособность и дееспособность субъектов, мера их юридической ответственности.

В 1970–1980-е гг. в ходе обсуждения проблемы был сформулирован дополнительный критерий — формальная определенность выделенной совокупности норм права в качестве самостоятельной отрасли. Концепция, таким образом, получила завершенный характер. Кодификация норм права — издание кодекса — считалась завершающей стадией формирования отрасли права.

Однако современные политические и социально-экономические процессы вновь пробудили интерес отечественных ученых к обозначенной проблеме и к переосмыслению понятия «отрасль права», которое утратило четкость и недвусмысленность в определении.

Поводом для дальнейших дискуссий послужили высказывания отдельных исследователей о статусе конституционного и международного права в связи с формированием новой российской государственности. Возник вопрос: представляя собой элементы правовой системы, выступают ли они отраслями права в традиционном понимании? Сомнение появилось на основе тезиса о том, что конституционное и международное право играют интегративную роль, поэтому могут выступать как сверхотрасли, общей частью всех отраслей права, их предмет — «государство — общество — личность» — носит всеобщий характер и охватывается нормами всех отраслей права. На фоне этой дискуссии встала проблема о соотношении «системы права» и «системы законодательства» в процессе структуризации права. Констатировался факт, что современные правовые процессы не вписываются в сложившуюся научную конструкцию. Ученые отмечали наличие отдельных отраслей российского права при отсутствии кодифицированного правового акта, например финансовое право и т. п. Одновременно отмечалось, что создание кодексов не всегда приводит к образованию отрасли права (например, таможенное право).

Таким образом, разрушились стереотипы понимания отрасли права и системы права как совокупности однородных отраслей права. Формирование и выделение новых элементов системы права — процесс исторический и объективный. Начинается он, на наш взгляд, с формирования самостоятельной отрасли законодательства, консолидации нормативного материала и завершается созданием, возможно, не кодекса, но нормативного правового акта кодифицированного типа. Примером тому может служить история образовательного права. Именно в этой области правового знания полярность мнений ученых выглядит наиболее рельефно. Собственно, этот факт определяет еще один аспект обозначенной темы — необходимость обращения к конкретной историко-теоретической проблеме и углубленному ее изучению.

Так, образование следует рассматривать в единстве организационного, функционального и правового компонентов. Организационная составляющая процесса образования обеспечивается наличием системы учебных заведений, системы управления образованием, методического и материально-технического обеспечения. Функциональный компонент выражается в организации учебного процесса, в содержании, реализации учебных планов и программ, государственных стандартов образования. Правовой элемент состоит в юридическом урегулировании организационных и функциональных составляющих, с одной стороны, и в конституционном закреплении права на образование, в реализации принципов образования, правовых основ управления образованием — с другой.

Такое понимание позволяет выделить правоотношения в сфере образования в самостоятельный автономный предмет правового регулирования, согласующийся с соответствующим методом. В советский период исторически, под воздействием объективных и субъективных факторов, совокупность нормативных правовых актов складывается в качестве отрасли законодательства, а в последующем (на современном этапе) с принятием кодифицированного правового акта (Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г.) — и в качестве комплексной отрасли права.

19 июля 1973 г. впервые в истории российского права был принят закон, направленный на урегулирование отношений в сфере образования, — «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании». Закреплялось положение о том, что «образование — подлинно народное дело», его целью является «подготовка высокообразованных, творчески мыслящих, вооруженных глубокими знаниями, всесторонне, гармонично развитых граждан, убежденных борцов за коммунизм,

воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, в духе непримиримости к буржуазной идеологии и морали, любви к Родине, гордости за принадлежность к социалистическому Отечеству, дружбы и братства народов, сознательного отношения к труду, ответственности, организованности и дисциплины, соблюдения Конституции СССР и советских законов, уважения правил социалистического общежития, активно участвующих в общественной и государственной жизни»<sup>1</sup>.

Принятие Закона было воспринято юридической общественностью как проявление «заинтересованности Советского государства в специальном правовом регулировании отношений в области народного образования, в его совершенствовании и кодификации» [1, с. 12]. С. С. Алексеев, в частности, считал, что появились «основания для обсуждения вопроса о начавшемся процессе формирования комплексной общности, выражающей специфику правового регулирования общественных отношений, опосредствующих воспитание и обучение подрастающего поколения» [2, с. 224]. Г. С. Сапаргалиев вслед за С. С. Алексеевым оценивал новый законодательный акт о народном образовании как начало формирования комплексной отрасли законодательства. Предметом правового регулирования данной отрасли он определял основные отношения системы народного образования — отношения по обучению и воспитанию граждан, называемые «учебными» или «учебно-воспитательными» [3, с. 118]. Собственно, этот факт пробудил особый интерес исследователей к вопросу о правовом регулировании сфер, где функционируют разнородные по своей природе отношения. Образование — одна из таких сфер, в ней возникают общественные отношения, регулируемые нормами практически всех отраслей права.

Исследуя всесторонне этот аспект, советские ученые-юристы определили научный вектор на системное изучение правоотношений, возникающих в сфере народного образования. В работах советских правоведов образовательное право сформулировано как регулятор особого типа отношений — собственно педагогических (образовательных). Вместе с тем педагогические отношения находятся в органической связи с иными отношениями — гражданскими, трудовыми, семейными, финансовыми и т. п. И это не простая механическая совокупность правоотношений, а система взаимосвязанных и взаимообусловленных общественных отношений, представляющих самостоятельный предмет правового регулирования.

В 1990-е гг. начавшаяся реформа российского образования, основанная на принципиально новых государственно-правовых установках, вновь поставила вопрос о характере отношений, возникающих в сфере образования и, соответственно, о понятии образовательного законодательства и образовательного права. Возникшая в связи с этим научная дискуссия выявила множество порой диаметрально противоположных позиций.

Так, В. М. Сырых [4], Д. А. Ягофаров [5], В. И. Шкатулла [6] и др. настаивают на том, что образовательное право есть самостоятельная комплексная отрасль российской правовой системы. Они полагают, что уже сама природа и специфика педагогических отношений дают все необходимые и достаточные основания для выделения образовательного права в самостоятельное структурное звено правовой системы.

Одновременно сложилась и иная позиция, согласно которой образовательное право представляет комплексную отрасль законодательства. Например, Е. А. Суханов считает, что «образовательное право» является сугубо условным понятием, за которым стоит массив нормативных актов комплексного характера, с явным преобладанием административно-правовой природы [7, с. 68]. В. В. Кванина полагает, что образовательные отношения представляют разновидность гражданско-правовых отношений в рамках договора на оказание образовательных услуг [8, с. 273]. Д. Б. Миннигулова указывает на то, что выделение комплексной отрасли образовательного права ставит под сомнение сложившуюся концепцию дифференциации российского права на отрасли в зависимости от предмета и метода правового регулирования [9, с. 23].

Условно можно выделить три основных научных направления в исследовании образовательного права. Сторонники первого продолжают придерживаться мнения о том, что образовательные правоотношения имеют административно-правовую природу и, соответственно, нет оснований для выделения какой-либо регулирующей их специализированной отрасли права. Другие ученые культивируют идею о наличии самостоятельной отрасли образовательного права. Третьи исследователи (и их большинство) считают образовательное право комплексной отраслью законодательства. При этом ни одно из направлений не имеет внутреннего единства в силу разного понимания сущности образовательных правоотношений.

Современный законодатель расценивает образование как «общественно значимое благо, представ-

<sup>1</sup> Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании (вместе с Основами законодательства): закон СССР от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30, ст. 392.

ляющее единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства», «совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции в целях развития личности»<sup>2</sup>.

Образовательная система представляет совокупность взаимодействующих звеньев: а) преемственных образовательных программ и государственных стандартов различного уровня и направленности; б) сети реализующих их образовательных учреждений независимо от их организационно-правовых форм, типов и видов; в) органов управления образованием, подведомственных им учреждений и организаций.

В заключение отметим, что образовательная система как всякая система, имеющая свою архитектуру и принципы функционирования, взаимосвязана с другими социальными институтами, вместе с тем занимает свою нишу в общественных отношениях и играет определенную роль в общественном развитии. Более того, она развивается в конкретных социально-экономических и социально-культурных условиях и не может существовать вне исторического контекста. И наконец, она не только реализует историческую функцию передачи имеющегося социального опыта, обучения и воспитания профессионала, но и сама находится в развитии и берет на себя мис-

сию порождения нового научного знания, активного формирования идеалов, духовных ценностей и нравственных норм. Следовательно, объективно имеет свой механизм правового регулирования, который в силу комплексности регулируемых общественных отношений не может действовать на основе однородных норм права.

Дискуссионность обозначенной проблемы о возможности существования комплексных отраслей права (в том числе образовательного права), как нам кажется, нивелируется, если, используя всю совокупность познавательных средств в рамках ретроспективного подхода, обратиться к нормотворческому опыту на разных этапах развития государства, внешне выраженного в издании законодательных актов и формировании системы законодательства. Законодательство, как и право, выступая средством регуляции общественных отношений, имеет свою историческую проекцию и по мере накопления законодательного массива структурируется и систематизируется. В основе систематизации законодательства лежат генетические, структурные и функциональные связи, которые подвержены в различные периоды глубоким изменениям, влекущим и качественные изменения в правовом регулировании определенной сферы общественных отношений, тем самым способствуя трансформации отрасли законодательства в иное качество — в отрасль права.

## Список литературы

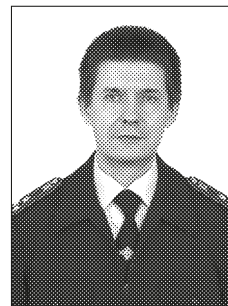
1. Сапаргалиев Г. С. Развитие советского законодательства о народном образовании // Советское государство и право. 1974. № 3.
2. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.
3. Сапаргалиев Г. С., Баянов Е. Б. Правовые основы развития народного образования. Алма-Ата, 1983.
4. Сырых В. М. Образовательное право как отрасль российского права. М., 2000.
5. Ягофаров Д. А. Нормативно-правовое обеспечение образования. Правовое регулирование системы образования. М., 2008.
6. Шкатулла В. И. Образовательное право. М., 2001.
7. Суханов Е. А. О концепции Кодекса об образовании и самостоятельного «образовательного права» // Проблемы и перспективы законодательства об образовании и его кодификации : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 октября 2001 г.). М., 2002.
8. Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования. М., 2005.
9. Миннигулова Д. Б. Проблемы понятия и структуры образовательного права // Право и образование. 2009. № 4.

<sup>2</sup> Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Рос. газета. 2012. 31 дек.

УДК 34 © А. И. Горев, Е. Г. Горева, 2017

## Интернет — зона свободы слова или новая сфера правового регулирования

А. И. Горев, Е. Г. Горева



Проблема достоверности распространяемой информации в обществе приобретает существенное значение. В первую очередь это касается политической и экономической информации, поскольку первая определяет стабильность общества, а вторая влияет на благосостояние граждан, что также является значимым для стабилизации фактором.

*Ключевые слова:* аккаунт, новостной агрегатор, блог, браузер, поисковая машина, достоверность информации, информационная война.

На всех этапах существования человечества информация оказывала значительное влияние на общественные отношения. В военное время распространение слухов порождало панику, и, наоборот, доведение информации об успехах на фронтах вселяло в людей надежду. Недаром в годы Второй мировой войны фашисты под угрозой расстрела обязывали граждан, проживающих на оккупированных территориях, сдавать радиоприемники. При внешней видимости мирного сосуществования информационные войны не только не утихали, а, наоборот, усиливались. По радиоканалам непрерывно велась пропаганда другого образа жизни и иных ценностей: на Советский Союз работали радиостанции «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки». В противовес им на Европу вещала станция «Голос Родины». Специфика информационного воздействия на индивидуума и общество в целом является сложнейшей задачей психологии и социологии, попытки решения которой особенно активно предпринимались в XX в.

Пятая информационная революция, происшедшая в 90-х гг. XX в., привела к распространению глобальных информационных систем и сетей, предоставляя человечеству возможность беспредельного доступа к накопленным за всю историю знаниям. Оцифрованные библиотеки, свежие номера и архивы СМИ на сайтах изданий, блоги и чаты — это далеко не полный перечень современных информационных ресурсов, доступных без ограничений в режиме реального времени в любой точке земного шара. Зарубежные СМИ и некоторые отечественные источ-

ники рассматривают глобальную сеть как возможность реализации неотъемлемого права граждан на свободу слова, обвиняя Россию в отсутствии свободы и наличии цензуры<sup>1</sup>. Обвинения такого рода со стороны граждан Евросоюза нельзя воспринимать буквально. Сделаем попытку анализа этих вопросов с учетом различий терминологии, образа мышления, российской ментальности и государственности.

Знаменитое выражение «Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить», приписываемое Вольтеру<sup>2</sup>, представляется некоторыми как разрешение неограниченной свободы. Эта неограниченная свобода, по мнению представителей «толерантной» Европы, включает три составляющих: свободу мысли, свободу слова и свободу самовыражения. На наш взгляд, указанную триаду нельзя рассматривать столь однозначно.

Свобода мысли, безусловно, является неотъемлемым правом каждой думающей личности. Статья 18 Всеобщей декларации прав человека<sup>3</sup> определила ее как основополагающую свободу человека. Данная норма повторяется и на уровне национальных законодательств, в частности в ст. 29 Конституции Российской Федерации. Homo sapiens, человек разумный, не может быть никем и ничем ограничен в своей мыслительной деятельности. Осознанная деятельность позволяет человеку анализировать результаты наблюдений, открывать законы природы, фантазировать, создавать литературные и музыкальные произведения, проводить опыты и эксперименты и придумывать но-

<sup>1</sup> Наглядным примером такого обвинения является широко обсуждаемая дискуссия о свободе, инициированная К. Райкиным в ноябре 2016 г.

<sup>2</sup> Авторство принадлежит английской писательнице Э. Холл, выражение встречается в биографии Вольтера «The Friends of Voltaire» (1906).

<sup>3</sup> Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газета. 1995. 5 апр.

вые технические устройства. Именно мыслительная деятельность отличает Homo sapiens от остальных существ, действующих на подсознательном уровне. Эта деятельность определяет внутренний мир человека, его самосознание, самосогласие или самобичевание. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод<sup>4</sup> свобода мысли соседствует со свободой совести и вероисповедания, что вполне объяснимо: человек разумный всегда пытается объяснить наблюдаемые явления либо логикой на уровне своего познания мира, либо действием сверхъестественных сил. Статья 28 Конституции РФ гарантирует каждому свободу совести и свободу вероисповедания.

Вторая степень свободы — свобода слова — также нашла свое отражение в правовом регулировании. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека определяет каждому «право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Следует обратить внимание на неограниченную декларацией свободу *искать, получать и распространять информацию*, поскольку ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет возможность «осуществления этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Исходя из этого данная норма определена в ст. 29 Конституции РФ как «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». В статье 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»<sup>5</sup> в качестве принципа правового регулирования закреплено, что ограничение доступа к информации может быть установлено только федеральными законами.

Свобода самовыражения как третья степень свободы следует из второй, рассмотренной выше,

поскольку является правом на свободное выражение убеждений и свободу беспрепятственно распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека). Однако свобода самовыражения имеет различные толкования. Например, французское философское наследие хранит легенду о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: «...обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека» [1, с. 440–441], т. е. на индивидуальном уровне свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека. Данный пример сторонники неограниченной свободы отнесут к миру материальному, поскольку кулаки являются вещественным воплощением самовыражения. В Европе свобода самовыражения не ограничивается до тех пор, пока нет ее материального воплощения в виде насильственных действий. Так, в 2012 г. в Интернете было распространено видео с выступлением проповедника Абу Мунисы<sup>6</sup>. По мнению экспертов, его речь, пронизанная ненавистью к европейцам и призывами к джихаду, намного воинственнее и страшнее, чем выступления Лиги Защиты Англии (английская независимая ультраправая организация, признана террористической). Но власти Великобритании не реагировали на экстремистские призывы популярного мусульманского деятеля, поскольку проповеди нематериальны.

Обратим внимание на зыбкость границы между нематериальным и материальным самовыражением. Примером являются трагические события 2015 г. во Франции в редакции журнала Шарли, которые были восприняты в мире по-разному. До тех пор, пока журнал издавался тиражом бульварной газеты, он воспринимался таковым и был востребован в ограниченном регионе. Распространение журнала в сети Интернет сделало его материалы доступными миллионам пользователей во всем мире. И то, что воспринималось в светской, но воспитанной в христианской терпимости Франции с юмором или нейтрально, в исламском мире было истолковано негативно. Стоит отметить соответствующую подготовку исламского сообщества. Проведенное исследование образованной аудитории российского студенчества показывает невысокий уровень интереса к иноязыч-

<sup>4</sup> Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

<sup>5</sup> Рос. газета. 2006. 29 июля.

<sup>6</sup> Хайрутдинов А. Уничтожим Запад? URL: [http://islam-today.ru/blogi/ajdar\\_xajrutdinov/unichtozhim\\_zapad/](http://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/unichtozhim_zapad/) (дата обращения: 20.05.2017).

ным сайтам. А если рассматривать полуграмотное нищее население развивающихся стран, то можно отметить малую вероятность самостоятельного ознакомления с материалами иностранного журнала в сети. Отсюда следует вывод, что материалы журнала Шарли были распространены намеренно.

Приведенный пример показывает хрупкость мирного сосуществования различных стран и народов в информационном обществе, пронизанном глобальной сетью. Человечество только вступило в информационную эру, и ее отличительные особенности определены не полностью, однако уже можно отметить, что феномен информационной войны увеличил свою значимость существенным образом. Из анализа соотношения «понесенных затрат/нанесенного ущерба» для различных видов деятельности можно утверждать, что информационное оружие не имеет себе равных, и это подтверждается современной международной обстановкой.

Россия является уникальной страной, в которой веками сосуществуют нации и народности различных вероисповеданий, а истинная толерантность определяется именно мирным сосуществованием. Многовековая история предопределила появление в Конституции РФ ч. 2 ст. 29, в которой запрещается «пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду». Статья 13 Основного Закона запрещает «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды». Таким образом, можно отметить различие в подходах к пониманию свободы в Евросоюзе и России.

Исходя из изложенного, возможность беспрепятственного распространения и получения информации различного рода, реальная «свобода слова» и отсутствие цензуры как органа государственного регулирования распространения информации не может рассматриваться только положительно. Обращаем внимание и поддерживаем конституционную норму о запрете цензуры как органа, однако следует помнить, что цензура как процесс имеет место в любом демократическом государстве. В качестве предварительной цензуры выступает законодательство об информации ограниченного доступа, а в качестве цензуры карательной — санкции за соответствующие нарушения в информационной сфере.

Доступность большого количества источников информации значительно облегчает возможность осуществления конституционных прав граждан на поиск, сбор и обработку информации. В проводимых опросах студенты и слушатели определяют доступность информационных ресурсов как бесспорное благо. Однако встречный вопрос о достоверности информации, получаемой по запросу из сети, существенным образом меняет отношение опрашиваемой аудитории. Действительно, количество полученных по запросу ссылок нередко составляет сотни тысяч. При этом численность полезных ссылок, которые содержат информацию, отвечающую критериям истинности, актуальности и уникальности, значительно меньше. Любой, производивший поиск в Интернете, сталкивался с проблемами выбора источника, основными из которых являются:

- сайты-зеркала, дублирующие информацию без ссылок на первоисточники и с искаженным форматированием (это касается, как правило, таблиц и схем);
- сайты, предоставляющие устаревшую информацию со ссылками на отмененные нормативные правовые акты, вышедшие из употребления технологии, исследования и опросы прошлых лет;
- сайты, содержащие недостоверную информацию, источником которой может стать каждый (например, проект «Википедия»);
- сайты, содержащие намеренно недостоверную информацию.

Результатами запроса являются данные поисковых машин, проводивших индексацию информации. Однако существующие методы повышения рейтинга сайта в списке браузера и способы запрета индексации файлов и каталогов ставят под сомнение беспристрастность и полноту результатов работы поисковых машин, тем более что периодически становятся доступными данные о фальсификации роботизированного поиска. Например, в период проведения предвыборной кампании 2016 г. поисковик Google намеренно скрывал негативную информацию о Х. Клинтон<sup>7</sup>.

Проблема достоверности распространяемой информации в обществе приобретает существенное значение. Это подтверждает Доктрина информационной безопасности, которая в качестве одной из четырех составляющих национальных интересов России в информационной сфере выделяет «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации». В первую очередь, это касается информации, используемой для принятия юридически значимых решений, последствия которых могут иметь общественное значение. Именно

<sup>7</sup> Алмамамов А. Как Google и Facebook манипулируют избирателями. URL: <https://medium.com/the-internets-influence-on-politics/как-google-и-facebook-манипулируют-избирателями-78d00ad1b6be> (дата обращения: 20.05.2017).

распространение политической информации определяет стабильность общества.

Через «цветных» революций в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке подтверждает высказанный тезис. Все они начинались именно информационным противостоянием, разжиганием негативного отношения к существующему правительству, утопическими посулами о грядущем благосостоянии при смене режима правления. Благодаря сильнейшему информационному давлению сотни тысяч граждан выходили с требованиями отставки правительств. Однако часто обещания оставались только обещаниями.

В феврале 2016 г. на рассмотрение Государственной Думы РФ был представлен законопроект по регулированию деятельности новостных агрегаторов. Авторы проекта предлагали приравнять новостные агрегаторы с аудиторией свыше 1 млн человек к СМИ, обязав соблюдать законы о СМИ, выборах и о распространении персональных данных, проверять достоверность публикуемых новостей и своевременно удалять несоответствующие действительности данные. При этом доля иностранного участия в уставном капитале владельца интернет-платформы не должна превышать 20%. Появление законопроекта вызвало дебаты среди политиков и в интернет-аудитории, что можно объяснить только актуальностью поставленных вопросов. Нельзя не согласиться с авторами законопроекта в том, что «новостные агрегаторы имеют большой охват аудитории и способны оказывать большое влияние на формирование общественного мнения по различным вопросам». Действительно, проведенные нами исследования разновозрастных аудиторий показывают большую популярность новостных интернет-изданий по отношению к традиционным СМИ. Исходя из этого, можно считать обоснованным введение правового регулирования для существующих де-факто информационных отношений, тем более что случаи некорректного подбора фактов для новостной ленты и нерелевантного вывода ответов поисковыми машинами происходят все чаще.

Негативное отношение к введению новых правовых норм также объяснимо, поскольку формат этой попытки вызывает ряд замечаний. Для понимания проблемы необходимо разобраться с сущностью процедуры агрегации новостей. По данным компании «Яндекс.Новости», автоматически в режиме реального времени индексируется более 100 тыс. сообщений почти от 7 тыс. источников, что является единственным способом оперативного сбора и обработки большого объема материалов. Мы положительно

выделяем «Яндекс.Новости» по причине их способа представления новостей. Агрегатор представляет не только ленту новостей, но и подборку источников СМИ, с которыми можно ознакомиться подробно. В подобном представлении читателю предложено выбрать источник и, соответственно, ракурс изложения. Другие агрегаторы, например Mail.ru, предлагают выбранный ими источник, что существенно снижает возможности читателя.

Нередки случаи, когда к агрегатору есть претензии, которые можно свести к следующему перечню:

— некорректно выбранный заголовок. Так, в октябре 2016 г. была развернута кампания с целью лишить Россию членства в Совете ООН по правам человека. Однако новость в агрегаторе вышла под заголовком «Лишить Россию членства в ООН». Несомненно очевидно;

— в лентах новостей появляется информация из источников регионального уровня, значимость которой для всей страны неочевидна. Например, 24 ноября 2016 г. в «Яндекс.Новости» появилась информация о перевернувшемся маршрутном такси в Петербурге. Важность данной информации сомнительна. Более того, если в субъекте Российской Федерации один раз в неделю произойдет ДТП с жертвами (в действительности, по статистике, значительно чаще), по стране это составит 10–15 происшествий в сутки. Только их перечисление создаст видимость повышенной аварийности. То же относится к иным происшествиям;

— появление недостоверных данных, которые впоследствии опровергались. Например, во время празднования в Болгарии Дня независимости появилось сообщение об отсутствии приглашения российской делегации и приглашении президента Турции<sup>8</sup>. Позднее выяснилось, что это была шутка блогера;

— появление данных из единственного регионального СМИ. Такое случается редко, однако иногда вместо 30–50 источников может фигурировать только один.

Акцент на указанные проблемы выбора и доведения информации ставится потому, что современные сетевые издания с успехом могут быть использованы для фальсификации информации. Примером превращения ложной информации в достоверную за четыре этапа может быть технология, изложенная в 2008 г. на официальном сайте губернатора Кировской области Н. И. Белых под названием «Информационный терроризм для чайников. Руководство для пользователей»<sup>9</sup>:

1. Заводится анонимный аккаунт в Живом Журнале (для одноразового использования).

<sup>8</sup> Болгария на День освобождения от турецкого ига пригласила Эрдогана, а не Путина. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/5086018> (дата обращения: 20.05.2017).

<sup>9</sup> URL: <http://www.belyh.ru/2008/02/informacionnyj-terrorizm-dlya-chajnikov-rukovodstvo-dlya-polzovatelej> (дата обращения: 20.05.2017).

2. Пишется пост якобы с инсайдерской эксклюзивной информацией, бросающей тень на объект информационного воздействия.

3. Через 2–3 дня на одном из интернет-сайтов «желтых» СМИ размещается статья с теми же фактами.

4. Одновременно в уважаемой газете размещается нередакционная статья со ссылкой на тот же пост.

Таким образом, популярный интегратор или уважаемая газета становятся распространителем недостоверной информации, которую на веру воспринимают миллионы интернет-пользователей. Следует правильно оценивать эти возможности в условиях ведения информационной войны.

Изложенное подтверждает правильность принятия Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»<sup>10</sup>, внесшего норму об ответственности новостных агрегаторов в Закон об информации. Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 10.4 Закона «владелец новостного агрегатора не несет ответственность за распространение им новостной информации в случае, если она является дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации». Данная норма созвучна ст. 57 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»<sup>11</sup>. Действительно, дословное воспроизведение является только тиражированием уже распространенной информации. Однако приведенный выше пример современного способа фальсификации информации заставляет по-другому оценивать возможности новостных агрегаторов.

В работе поисковых машин проявляется еще один проблемный аспект информационных отношений. В июле 2011 г. в результате работы поисковой машины «Яндекс» произошло распространение информации о покупателях интернет-магазинов и sms-сообщений, отправленных абонентам «Мегафона» с сайта компании<sup>12</sup>. Инцидент произошел в результате ошибок работы администраторов сайтов, не

указавших запрещенные для поисковых машин разделы. С позиций рассматриваемой темы интерес представляет не распространение информации ограниченного доступа, а сообщение способов осуществления доступа к этой информации, которые были обнародованы новостным агрегатором. Именно сообщение о способах доступа было воспринято как руководство к действию со стороны сотен охотников за персональными данными. Этот пример демонстрирует необходимость взвешенного отношения к индексации информации, агрегации новостей и ответственности программ-поисковиков.

Приветствуя попытку правового регулирования информационных отношений в сети, отметим, что, на наш взгляд, данная сфера требует дальнейшего развития. В 2012 г. в Закон об информации было введено дополнение, регулирующее создание и ведение Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено<sup>13</sup>. В 2014 г. в Закон об информации было введено дополнение, регулирующее создание и ведение реестра сайтов и (или) страниц сайтов в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети<sup>14</sup>.

Настало время создания Единого реестра доменных имен «достоверных сайтов», пользование которыми минимизирует риск потребителя информации. Этот реестр должен включать сайты государственных органов и организаций, образовательных учреждений, СМИ. Принадлежность к реестру должна гарантировать высокий интерес и цитируемость интернет-аудитории. Зафиксированная публикация недостоверной информации должна вести к исключению из реестра и, как следствие, к потере доверия со стороны пользователей.

Подводя итог, следует признать необходимость решения вопроса о достоверности информации в современном информационном обществе. Единый реестр «достоверных сайтов» позволит существенно снизить риск фальсификации информации. Граждане страны, в которой еще недавно СМИ именовались как четвертая власть, должны знать издания, в том числе электронные, которым можно доверять.

## Список литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 1997.

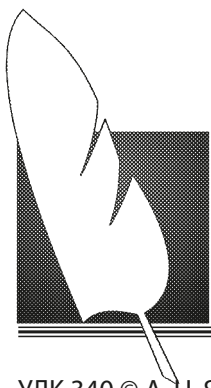
<sup>10</sup> Рос. газета. 2016. 28 июня.

<sup>11</sup> Там же. 1992. 8 февр.

<sup>12</sup> Голицына А. «Яндекс» заглянул в корзину покупок // Ведомости. 2011. 26 июля.

<sup>13</sup> Рос. газета. 2012. 30 июля.

<sup>14</sup> Там же. 2014. 7 мая.



УДК 340 © А. Н. Язов, 2017

### **Местное самоуправление как форма народного суверенитета в интерпретации отечественных либеральных правоведов конца XIX — начала XX вв.**

**А. Н. Язов**



Во второй половине XIX в. проблема неопределенного характера взаимоотношений органов местного самоуправления и органов государственного управления являлась краеугольной в вопросах реализации народного суверенитета. Анализируя взгляды отечественных юристов М. Н. Коркунова, Б. Н. Чичерина, Н. И. Лазаревского, А. Д. Градовского, автор формулирует понятие местного самоуправления как форму реализации народного суверенитета, определяет его юридическую природу и основание независимости от органов государственного управления.

*Ключевые слова:* А. Д. Градовский, М. Н. Коркунов, Н. И. Лазаревский, Б. Н. Чичерин, местное самоуправление, народный суверенитет.

Отечественная юридическая наука справедливо признает народный суверенитет необходимым условием построения демократического правового государства. Местное самоуправление в Российской Федерации выступает одновременно формой реализации суверенитета народа и формой представительной демократии. Исходя из того что местное самоуправление — это уровень власти, наиболее приближенный к населению, который обеспечивает защиту совместных интересов граждан, проистекающих из проживания на определенной локальной территории, следует заключить, что именно оно является фундаментом российской системы народо-властия.

Несмотря на столь важное предназначение местного самоуправления, научная мысль до настоящего времени не выработала его единой и общепризнанной правовой теории. По этой причине особую значимость приобретают вопросы юридической природы местного самоуправления, круг разрешаемых им проблем, основания его самостоятельного положения в системе государственного и общественного устройства. Теоретическое осмысление данных проблем в середине XIX в. нашло отражение в трудах

таких отечественных либеральных правоведов, как А. Д. Градовский, М. М. Ковалевский, Ф. Ф. Кокошкин, Н. М. Коркунов, Н. И. Лазаревский, Б. Н. Чичерин. Значимость научных рассуждений юристов этого периода во многом определяется тем, что они основаны на компаративистском анализе. При аргументации своих взглядов ученые часто обращались к опыту организации местного самоуправления во Франции, Бельгии, Англии и других государствах, пытаясь при этом сформулировать правовую теорию местного самоуправления, соответствующую российской действительности.

Рассмотрение местного самоуправления как формы народного суверенитета, по мнению либеральных представителей юридической науки второй половины XIX в., в первую очередь нуждалось в уяснении его юридической природы, которая вытекала из соотношения централизации и децентрализации как принципов организации государственного управления.

В общем смысле под централизацией ученые понимали подчиненное положение местного управления центральной власти [1, с. 128; 2, с. 154; 3, с. 344]. Понятие централизации многогранно

и основывается на разграничении политических задач государства от его административных целей. Поэтому логичным представляется рассмотрение централизации с двух позиций: политической и административной.

Сущность политической централизации раскрывалась в трудах А. Д. Градовского и Б. Н. Чичерина. К признакам политической централизации указанные ученые относили: наличие единой законодательной власти (в унитарных государствах — верховной, в федерациях — распределенной между центральными и местными властями); исключительное право верховной или центральной власти устанавливать международные отношения; сосредоточение командования армией и флотом; верховенство в установлении налогов и производстве расходов на государственные потребности (в унитарных государствах это право принадлежит высшим органам государственной власти, в федерациях оно разделено между высшими и местными органами, где каждый пользуется особыми предметами налогообложения) [4, с. 4–5; 5, с. 377]. По мнению А. Д. Градовского, целью политической централизации выступало обеспечение единства национального права и политического единства государства [4, с. 5].

На основании представленных взглядов дореволюционных либеральных правоведов полагаем, что под политической централизацией в российской юридической науке понимался принцип организации государственного управления, в соответствии с которым верховная или центральная власть наделяется исключительными правами законодательства, дипломатических отношений, руководства вооруженными силами и финансами для обеспечения политического единства государства и единства национального права.

Анализ признаков административной централизации наиболее полно был представлен в работах М. Н. Коркунова, Н. И. Лазаревского и Б. Н. Чичерина. По мнению указанных авторов, административной централизации свойственны следующие характерные признаки: реализация государственного управления только посредством государственных органов и должностных лиц, составляющих сложную систему, основанную на иерархии инстанций [3, с. 340]; назначение центральной властью должностных лиц местных учреждений; надзор за местными властями; направление деятельности местных учреждений из центра посредством обязательных постановлений, инструкций и предписаний [5, с. 377–379]; решение и утверждение местных дел центральной властью [1, с. 30]. Содержание административной централизации, как отмечал Б. Н. Чичерин, составляют народные переписи, санитарно-

карантинный контроль, общие пути сообщения, почты и телеграфы, общие кредитные учреждения, народное просвещение и т. п. [5, с. 342].

Основываясь на перечисленных признаках административной централизации, считаем возможным сформулировать ее понятие. Под административной централизацией отечественные либеральные правоведы понимали принцип организации государственного управления, для которого характерно сосредоточение организационно-распорядительных полномочий в едином центре управления в целях содействия материальному и духовному благосостоянию народа.

Безусловно, на определенном этапе исторического развития какого-либо государства централизация способна оказать содействие сплочению его территориальных единиц, упорядочению их управления и обеспечению благосостояния народа. И если, как указывал А. Д. Градовский, на различных этапах государственного строительства политическая централизация необходима как средство обеспечения государственного единства [4, с. 5], то административная централизация, по мнению Н. И. Лазаревского, наносит государству существенный вред. Ученый писал, что административная централизация создает медлительность в решении местных дел, приводит к несоответствию интересов местного населения и местных установлений, порождает бюрократию как особую социальную группу, которой свойственны безразличное отношение к нуждам населения и безответственность за принятые решения, служит причиной оттока чиновников, деловых людей, лиц либеральных профессий из провинциальных городов в столицу [1, с. 30–33].

Неэффективное осуществление различных задач управления и интересов местного населения способствовало развитию учений о государственном управлении, организованном в соответствии с принципом децентрализации. Децентрализация в общем смысле отечественными либеральными юристами понималась как разделение компетенций между центральными и местными органами. Децентрализацию, так же как централизацию, они рассматривали с политической и административной сторон. Так, Ф. Ф. Кокошкин выдвигал тезис о необходимости децентрализации законодательства и настаивал на автономии территориальных единиц государства, обусловленной совокупностью экономических, этнографических, бытовых и иных условий [2, с. 154; 6, с. 18–22].

Другими отечественными специалистами в области юриспруденции требование политических прав территориальных единиц считалось противоречащим идее государственного единства и было применимым только к сложным государствам. Поэтому

их внимание было сосредоточено на характеристике административной децентрализации. По мнению дореволюционных либеральных правоведов, от административной централизации ее отличало разграничение предметов ведения между центральными и местными органами государственного управления, предоставление местным органам самостоятельной власти по делам, отнесенным к их ведению [1, с. 35]. Сохранение же бюрократической иерархии в системе децентрализованного государственного управления неизбежно ставило в подчиненное положение местные органы по отношению к центральным. По этому поводу Б. Н. Чичерин писал, что децентрализация посредством бюрократического элемента в действительности является ложной и заключает в себе основные недостатки централизованного управления [5, с. 380].

Истинная децентрализация, отвечающая идее народного суверенитета, по мнению либеральных юристов, должна строиться на основе следующих юридических гарантий: подчиненности местных органов управления непосредственно закону; необязательности для местных учреждений инструкций и указов центральных органов власти; права издавать постановления, обязательные для исполнения на определенной местности; материальной независимости; права налогообложения и распоряжения собственным имуществом; выборного порядка замещения должностей для заведывания местными делами из числа местных жителей; срочности избираемых должностей [1, с. 39–51; 7, с. 42–46; 5, с. 379–382]. М. М. Ковалевский считал, что местное самоуправление должно функционировать в рамках отдельно создаваемой муниципальной власти, которая не относится ни к одной из трех ветвей государственной власти [8, с. 11]. Данная позиция в работах других либеральных правоведов не встречается, однако описываемое ими устройство децентрализованных органов тождественно организации муниципальной власти. К признакам муниципальной власти можно отнести: ее легитимность, т. е. функционирование на основе законов; наличие обособленного властного аппарата, реализующего муниципально-властные полномочия; самостоятельность в пределах установленных полномочий; ограничение ее юрисдикции определенными территориальными пределами; всеобщность муниципальной власти.

На основании изложенного заключаем, что под местным самоуправлением либеральные отечественные правоведы понимали систему децентрализованного государственного управления, обладающую юридическими гарантиями организационной и распорядительной независимости, целью которой является содействие материальному и духовному бла-

госостоянию народа, проживающего в пределах ее юрисдикции. Юридическая природа местного самоуправления, по мысли отечественных специалистов в области права, заключалась в независимости муниципальных органов от центральных учреждений. В связи с этим значимым в юридической литературе второй половины XIX в. был вопрос об основании независимого положения органов местного самоуправления.

Независимое положение местного самоуправления по отношению к центральным органам государственного управления следовало из разграничения компетенций между ними. Так, Б. Н. Чичерин свою теорию о разделении предметов ведения и полномочий между органами местного самоуправления и государственными органами основывал на идее личной свободы. Рассуждая о пределах вмешательства государства в общественные дела, он отмечал, что они напрямую зависят от особенностей исторического развития общества: там, где государство стало ведущим фактором прогресса, общество обращается к нему за удовлетворением всех своих нужд и видит в нем источник всех благ, и наоборот, где источником развития выступала инициатива народа, опека со стороны государства менее всего необходима [5, с. 382].

Несмотря на это, Б. Н. Чичерин придерживался мысли, что деятельность государства должна быть направлена на создание условий для активизации участия народных масс в удовлетворении общественных интересов. В качестве примера ученый приводил Германию, в которой с середины XIX в. начали формироваться общественные союзы, создаваемые по принципу профессионального и отраслевого самоуправления. Эти союзы наделялись правительством особыми полномочиями для решения местных хозяйственных задач и представляли собой общественно-публичные объединения, поскольку рекомендации и решения, принимаемые ими, были обязательны для всех профессиональных работников [5, с. 387].

Альтернативную позицию относительно указанной проблемы имели Н. И. Лазаревский, Н. М. Коркунов и А. Д. Градовский. Разделение компетенций между муниципальными и государственными учреждениями они обосновывали с точки зрения различия общественных и государственных задач управления [1, с. 24–25; 3, с. 344; 4, с. 6]. Авторы указывали на наличие нескольких теорий, предлагающих решение данной проблемы.

«Теория свободной общины» строилась на идее естественного права, разработанной знаменитым французским политическим деятелем А. де Токвилем, в России этой теории придерживался В. Н. Лешков [9]. Основной мыслью теории

свободной общины выступало ограничение вмешательства государства в деятельность общины. Согласно положениям этой теории самостоятельность и независимость общины от государства связана с природой общины, которая исторически предшествовала государству. Государство не создает общину, а лишь признает ее. В теории свободной общины допускалось существование не только трех традиционных ветвей власти — исполнительной, законодательной и судебной, но и четвертой — муниципальной власти. Теория свободной общины получила свое отражение в Конституции Бельгии 1831 г., в которой имелась специальная статья об общинном управлении.

Данная теория не получила поддержки среди либеральных отечественных правоведов. Если независимое положение органов местных общин основывалось на их естественном происхождении, исторически предшествовавшем государству, то появление в государствах искусственно создаваемых самоуправляющихся территориальных единиц противоречило данной теории [7, с. 2–7].

Независимость местного самоуправления получила новую интерпретацию в «общественной теории» немецкого юриста Р. Моля. В российской правовой науке это отражено в трудах А. И. Васильчикова [10]. Общественная теория строилась на идее противопоставления государственных интересов общим. Ее представители усматривали сущность самоуправления в предоставлении населению права самостоятельно заведовать местными интересами, а к ведению правительства относили исключительно решение общегосударственных вопросов [3, с. 480]. Согласно данному подходу самоуправление — это, в первую очередь, заведование местными хозяйственными делами.

В соответствии с теорией общественного самоуправления дела хозяйственного характера должны выполняться общиной без вмешательства государства. В разграничении государственных вопросов и вопросов местного значения виделось основание для самостоятельности местного самоуправления. В рамках данной теории под местными интересами понимались: местное хозяйство; местная безопасность; местное благосостояние, которое включает в себя благоустройство территории, местные пути сообщения; санитарный надзор; медицинская помощь; противодействие пожарам и наводнениям; попечение о бедных; местное продовольствие; местные школы и т. д. [7, с. 14; 5, с. 377].

Считая необходимым расширение предметов ведения местных властей, сторонники общественной теории настаивали на уменьшении государственной опеки за их деятельностью. Однако такие взгляды на местное самоуправление существовали

недолго, поскольку на практике оказалось невозможно разделить дела государственного и местного значения.

Возникал вопрос и о характере деятельности местных органов. В частности, как отмечал профессор Н. М. Коркунов, общественная теория связывала образование самоуправляющихся территориальных единиц с общественной деятельностью и инициативой, вызванной невмешательством в данную сферу со стороны государства, что ошибочно приравнивало местное самоуправление к общему понятию свободы общения и ставило его в один ряд с другими общественными союзами. По своей сути, подобное понимание начал местного самоуправления придавало его деятельности частнопредметный, факультативный характер, когда образование местных органов и круг решаемых ими вопросов находились в ведении общества. Напротив, государство требовало создания местных самоуправляющихся единиц, определяло их устройство и указывало им обязательные предметы деятельности [3, с. 489–490]. Таким образом, общественная теория местного самоуправления отечественными правоведами была признана несостоятельной.

Следующая теория, нашедшая отражение в российской юридической науке, была предложена немецкими учеными Л. Штейном и Р. Гнейстом и получила название государственной. Ее сущность состояла в том, что органы местного самоуправления являются органами государственного управления, их компетенция не представляется какой-либо особенной, самобытной, естественной, а создается и регулируется государством в полном объеме.

Характеризуя общественные интересы, входящие в предмет ведения органов местного самоуправления, правоведы отмечали сложность их отграничения от государственных дел. Близкими к местным интересам, указанным выше, можно отнести следующие общегосударственные интересы: общие финансы; общую безопасность; общее материальное и духовное благосостояние народа. Так, Б. Н. Чичерин писал, что благосостояние жителей во всех местностях составляет общий интерес государства, но полномочиями по его поддержанию целесообразно наделить органы самоуправления, которым близки местные проблемы [5, с. 375]. Из подобной передачи государственных задач в руки местного населения, по мнению А. Д. Градовского, следовало, что органы самоуправления должны были действовать на правах государственных властей [4, с. 30].

Таким образом, отмеченная либеральными правоведами близость предмета ведения местных органов к составляющим общий интерес государственным вопросам, а также фактическое включение му-

ниципальных учреждений в систему государственного управления позволяли сделать вывод о публичном характере местного самоуправления.

В трудах отечественных юристов проблема расширения предмета ведения местного самоуправления имела обратную связь с его независимостью. По этому поводу Б. Н. Чичерин писал, что чем больше самоуправление ограничивается решением местных вопросов, тем больше его независимость от центральной власти; но чем больше на него возлагается общих дел, тем больше оно ставится под контроль центральной власти [5, с. 381].

Для обеспечения независимого положения органов местного самоуправления требовался особый порядок замещения их должностей. Такое обеспечение, по Н. М. Коркунову, возможно двумя способами: по назначению правительством на почетные, безвозмездные должности или посредством выборов [3, с. 495–496]. Первый способ замещения должностей не встретил поддержки в научных кругах. Профессор Н. М. Коркунов критиковал исключительное значение экономической независимости местных должностных лиц. Автор указывал, что отсутствие вознаграждения за осуществление полномочий можно компенсировать использованием предоставленной власти в личных интересах [3, с. 497]. Н. И. Лазаревский бесплатно должностей связывал с тем, что они могут быть занимаемы только наиболее богатыми людьми, обладающими интересами, отличными от большинства населения [7, с. 30]. Ограничение независимости должностных лиц местного самоуправления от органов центрального управления, возникающее при замещении должностей в порядке назначения, как указывал Б. Н. Чичерин, преодолимо посредством предоставления им гарантии несменяемости [5, с. 377].

Особенности замещения должностей местного самоуправления посредством выборов в отечественной научной литературе не указывались. Однако, исходя из учений отечественных правоведов об избирательном праве, можно предположить, что процедура избрания должностных лиц местного самоуправления должна представлять всеобщее, прямое, равное и тайное голосование; должностные лица могут избираться на относительно непродолжительный срок (3–5 лет) [4, с. 25–30; 11, с. 4, 10; 12, с. 5, 15–46, 62–64, 82–103]; избираемые лица должны постоянно проживать на территории, находящейся под юрисдикцией местного самоуправления [5, с. 379].

Профессор Н. И. Лазаревский отмечал, что выборный порядок замещения должностей местного

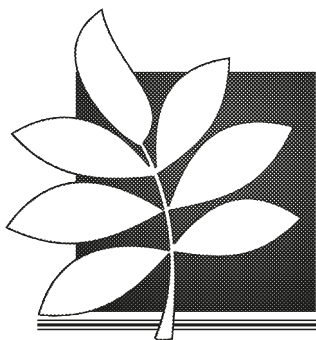
самоуправления ставил местные учреждения вне иерархической зависимости от центральных органов власти [1, с. 28] и приводил к тому, что личный состав первых не является профессиональным чиновничеством [7, с. 14]. Б. Н. Чичерин указывал, что назначение правительством на безвозмездные должности возможно только при аристократическом строе, тогда как развитие демократии приводит к усилению выборного начала [5, с. 385]. Таким образом, следует признать, что большинство отечественных либеральных правоведов склонялось к выборному порядку замещения должностей органов местного самоуправления.

Подводя итог, отметим, что проблемы местного самоуправления, согласно позиции российских либеральных ученых второй половины XIX — начала XX вв., взаимосвязаны с вопросами государственного управления. Их изучение позволило отечественным правоведом разработать государственную теорию местного самоуправления с учетом особенностей российской действительности. Юридическая природа местного самоуправления, по мнению авторов, заключалась в независимости местных органов от органов центрального управления. Специфика местного самоуправления характеризовалась его двойственной природой: с одной стороны, самоуправление интегрировано в единую систему управления государством, с другой — местное самоуправление являлось важным элементом гражданского общества. В нем заложена органическая взаимосвязь общности субъекта волеизъявления и его публичных интересов, что связывает местное самоуправление с идеей народного суверенитета.

Представленные теоретические воззрения позволяют сделать вывод, что в отечественной либеральной юридической мысли под местным самоуправлением понималась система децентрализованного государственного управления, представленная самостоятельными органами, формируемыми посредством избрания должностных лиц, обладающая юридическими гарантиями организационной и распорядительной независимости, целью которой является содействие материальному и духовному благосостоянию народа, проживающего в пределах ее юрисдикции. Понимаемое таким образом местное самоуправление выступает в качестве фундаментального института народного суверенитета и способно обеспечить защиту совместных интересов граждан, в том числе их права на достойную жизнь.

### Список литературы

1. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 1.
2. Кокошкин Ф. Ф. Русское государственное право. М., 1908. Вып. 2.
3. Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909.
4. Градовский А. Д. Начала русского государственного права // Органы местного управления : в 3 т. СПб., 1883. Т. 3. Ч. 1.
5. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1.
6. Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917.
7. Лазаревский Н. И. Самоуправление // Мелкая земская единица : сб. статей. СПб., 1903.
8. Ковалевский М. М. Русская Правда Пестеля // Минувшие годы. 1908. № 1.
9. Лешков В. Н. Опыт теории земства // День. 1865. № 42–44.
10. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений : в 3 т. СПб., 1869–1871.
11. Кокошкин Ф. Ф. Республика. Пг., 1917.
12. Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906.



# ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

УДК 340.1 © Е. А. Шаталин, 2017



## Либерализм и право: эволюция доктрины

Е. А. Шаталин

Самоописание либерализма представляет интерес для правовой теории по двум причинам. Во-первых, известны претензии либерализма на статус универсальной морально-правовой доктрины. Во-вторых, эти претензии легализуются и институционализируются в форме правопорядков, примером чему может служить конвенционная европейская правовая система. Эволюция либеральной теории к постмодернистскому отказу от «метаповествований» и претензий на «точную репрезентацию бытия» происходит на фоне усилившихся конфликтов между национальными правовыми системами и международными конвенционными правопорядками по поводу толкования ряда базовых правовых норм, ядро которых составляет проработанное либеральной мыслью понятие прав и свобод человека. В статье проводится сравнительный анализ правовых либеральных взглядов и демонстрируется произошедший в либеральном теоретизировании сдвиг от попыток философского обоснования ценностей либерализма к обоснованию права на их привилегированную интерпретацию в качестве «набора полезных метафор» (Рорти). Обозначенные в статье вопросы затрагивают проблему толкования норм права, в частности интерпретацию ряда международно-правовых норм, а в более широком контексте — проблему определения национальной конституционной идентичности.

*Ключевые слова:* теория права, либерализм, рациональность, конструктивизм, правовой позитивизм, неопрагматизм, эволютивное толкование, Европейский Суд по правам человека.

Традиционно под понятием «либеральная теория права» понимают совокупность государствоведческих и правовых концепций таких мыслителей, которые либо сами идентифицировали себя с либералами, либо были признаны таковыми их последователями (речь идет о теоретиках наподобие Локка или Канта, живших до появления самого термина «либерализм») [1, с. 56–60]. Эти концепции невозможно рассматривать вне контекста проблемы рациональности, поскольку ответ на вопрос, что есть разум и каковы его пределы, является ключом для понимания правовых воззрений каждого из либеральных авторов.

Известные претензии либерализма на универсальность, за которыми стоит убеждение в его особых связях с рациональностью и наукой, требуют

демонстрации их обоснованности. В последние десятилетия можно увидеть несколько крупных попыток легитимации системы либеральных ценностей. Все они так или иначе затрагивали вопросы, имеющие непосредственное отношение к правовой теории: что есть право? Как соотносятся право и закон? Каковы характер и формы взаимодействия права и государства?

К числу современных теорий, оказавших существенное влияние на эволюцию либеральной мысли, можно отнести концепции Ф. Хайека, Дж. Ролса и Р. Рорти. Сравнительный анализ их систем интересен в том числе и потому, что каждая из них представляет собой адаптацию к задачам обоснования либерализма, включая его правовую составляющую крупнейших новоевропейских философ-

ских традиций, которые ассоциируются с именами Юма, Канта и Гегеля. Апеллирующий к юмовскому эмпиризму эволюционизм Хайека, неокантианство Роулса и возводящий себя к гегелевской традиции неопрагматизм Рорти явились теми интеллектуальными инструментами, с помощью которых предпринимались попытки фундировать систему либеральных взглядов. Результаты этих усилий представляют немалый интерес для российской правовой мысли, на которую продолжают оказывать значительное влияние идеи, проработанные в рамках либеральной традиции.

Рассмотрение вопроса уместно начать с сопоставления концепций Хайека и Роулса, для чего имеются как хронологические, так и концептуальные резоны. Между двумя теориями существует очевидное полемическое напряжение: Роулс задумывал свою теорию справедливости как альтернативу хайековскому эволюционизму, в то время как взгляды Роулса неоднократно становились предметом «антиконструктивистской» критики Хайека в его последних работах. Особняком в этом ряду стоит Рорти, называвший себя «либеральным ироником». Со своей стороны, он бы обвинил обоих оппонентов в «излишне серьезном» отношении к теории, которая есть не что иное, как «набор полезных метафор», имеющий лишь косвенное отношение к тому, «каковы вещи на самом деле» [2, с. 29].

Хайека и Роулса объединяет стремление скомбинировать два ведущих, но несовместимых направления либеральной мысли: юмовское и кантовское. Хайек, безусловно, ближе к Юму и шотландским философам морали XVIII в., в то время как Роулс пытается возродить на новых основаниях кантовский моральный конструктивизм. По-разному решаемая проблема рациональности, от которой напрямую зависят содержание и направленность морально-правовых построений, оказывается центральной в обеих системах.

Ядром правовой теории Хайека стало понятие самоорганизующейся системы, которую он обозначает как «расширенный порядок человеческого сотрудничества», «спонтанный порядок действий», «либеральный порядок» или обобщенным термином «космос». Антиподом полицентричному «космосу» предстает моноцентричный «таксис», синоним «конструкции» и «организации», сознательный продукт внешних по отношению к нему сил [3, с. 67–68].

Условием существования «расширенного спонтанного порядка» являются «правила справедливого поведения» (*rules of just conduct*). Именно они и составляют собой мораль в строгом смысле этого слова: «Я предпочитаю употреблять термин „мораль“ для обозначения таких правил поведения, которые позволили человечеству, распространившись по зем-

ле, создать расширенный порядок. Дело в том, что понятие „мораль“ имеет смысл только при противопоставлении ее импульсивному, нерелексивному поведению, с одной стороны, и рациональному расчету, нацеленному на получение строго определенных результатов, — с другой» [3, с. 26].

«Правила справедливого поведения» оказываются не только синонимом морали, но и другим названием права. Не всякий продукт законодательства, считает Хайек, есть закон в том смысле, каким его наделяли Локк, Юм, Кант или британские виги. Истинными могут считаться только те законы, которые способны выдержать проверку на универсализацию. Примером для него выступает английское *Common Law* — обычное право.

Критический пафос всех работ Хайека направлен против любого рода попыток рационального конструирования морально-правовых систем. Такие попытки объединяются им под рубрикой «конструктивизма» или «конструктивистского рационализма». Основной тезис сенсуалистической этики Юма о том, что правила морали не являются заключениями нашего разума, предстает для Хайека незыблемым постулатом. Он убежден, что «если цивилизация сложилась в результате постепенных непреднамеренных изменений морали, тогда... мы должны навсегда оставить надежду на создание какой бы то ни было имеющей универсальную значимость системы этики» [3, с. 39].

Можно признать, что среди современных либеральных теорий теория Хайека обладает, вероятно, наилучшей эмпирической защитой. Однако она не была бы либеральной, если бы ее автор проигнорировал проблему определения и обоснования ценности свободы. Будучи негативным либертарианцем, Хайек так определяет свободу: «Либеральная концепция свободы часто описывается как негативная, и это действительно так. Как мир и справедливость, свобода имеет отношение к отсутствию зла (*it refers to the absence of evil*), но не к гарантиям личной выгоды...» [4, р. 134]. Индивидуальная свобода находится в пределах сферы, ограниченной известными правилами, которые дают индивиду возможность избегать насилия по отношению к себе ровно столько, сколько он этих правил придерживается. Естественно, что такими правилами оказываются «правила справедливого поведения», неразрывно связанные с понятием частной или, в терминах Хайека, «индивидуализированной» (*several*) собственности.

Обращение к теме свободы включает в себя не только проблему ее определения, но и проблему обоснования. Хайек находит для свободы утилитарные оправдания: в условиях личной независимости каждый распоряжается своим неявным знанием, что гарантирует наиболее эффективное его употре-

бление. Несмотря на то что утилитарные обоснования свободы наиболее органично вписываются в его эволюционную схему («правила справедливого поведения» оправданы потому, что следовавшие им группы достигли наибольшего роста численности и богатства), Хайек, тем не менее, решительный антиутилитарист. Бентам и его система являются неперемненными объектами критики в каждой хайковской работе. И это неслучайно: многие утилитаристские интенции противоречат либеральным. Для обоснования ценности свободы Хайек обращается (заметим, весьма недальновидно) к Канту и его категорическому императиву.

Как отмечает британский исследователь Ч. Кука-тас, в хайковской комбинации Юма и Канта юмовский элемент можно усмотреть в атаке Хайека на конструктивизм. Он отвергает все устремления к рациональному контролю как чрезвычайно опасную самоуверенность. Либерализм появляется из понимания роли незапланированного индивидуального действия — тезис, развиваемый Хайеком в его теории спонтанного порядка. С другой стороны, Хайек не настолько оптимистичен в своей вере в способность либерального порядка к автоматическому воспроизводству. В результате, он чувствует потребность в морально-правовой теории, которая оправдала бы его утверждения о том, что природа человеческого общежития диктует необходимость установления и поддержания либерального устройства. С этой целью он обращается к Канту, обеспечивая себя теорией индивидуальной свободы и соответствующих ограничений власти. Как отмечает Кука-тас, этот теоретический поворот выглядит парадоксально, поскольку кантовское обоснование равного права на свободу является недвусмысленно конструктивистским, и все хайковские атаки на конструктивизм и рационализм бьют бумерангом по его собственной системе [5, р. 310–311].

Использование Хайеком двух «версий разума» приводит к тому, что несостоятельность индивида как творца морально-правовых норм обосновывается им исходя из его рациональности «по Юму», тогда как моральная и правовая вменяемость трактуется исходя из его разумности «по Канту». Подобная асимметрия обесмысливает сами понятия морали и права, которые у Хайека являются синонимами.

Нельзя не согласиться с Кука-тасом, что защита Хайеком либерализма должна быть оценена как неудачная. Это неудивительно: эмпирическая защита неэмпирических сущностей представляется внутренне противоречивым занятием. Если свобода — это не «естественное право» (что есть метафизическая спекуляция), не власть и/или владение (что превращает ее в эвфемизм), но «позитивное право»,

то она эмпирически проявляет себя только через тот или иной уровень государственного насилия. Либерализм в этом случае оказывается не «философией и практикой свободы», а философией и практикой определенного государства, т. е. системы организованного принуждения конкретного типа. Хайек пишет об этом достаточно откровенно, закрепляя в качестве основного либерального принципа принцип «ограниченного принуждения в целях приведения в действие общих правил справедливого поведения» [4, р. 137]. Он особо подчеркивает, что так называемые политические права — свобода мнений, слова, собраний и печати — есть частные случаи основного принципа: «То, что они являются сравнительно частными проявлениями основного принципа, находит свое подтверждение в том факте, что ни одно из этих прав не может рассматриваться как абсолютное, и что их действие простирается лишь настолько, насколько они не ограничены общими правилами» [4, р. 137].

Чтобы избежать очевидного логического противоречия (свобода, определяемая как отсутствие государственного насилия, эмпирически проявляется именно как государственное насилие), необходимо допустить существование наряду с позитивным правом некоего высшего по отношению к нему закона, благодаря которому свобода операционализируется как «естественно-правовая сфера», а государственное насилие и само государство становятся, соответственно, «ограниченными» и «правовыми». Дефект такого допущения заключается в том, что оно, во-первых, представляет собой уход в область метафизических спекуляций (или «рационалистического конструктивизма») и, во-вторых, обрекает либералов на бесконечные споры относительно определения объема этой сферы, которые, заметим, составляют одну из главных сюжетных интриг интеллектуальной истории либерализма.

Если Хайек с его антирационалистическим пафосом определяет в качестве источника морали и права эволюцию, то в концепции справедливости Роулса бремя их конструирования берет на себя сам теоретик. Задача теоретика — предложить такую моральную систему, которая опосредовала бы собой все многообразие конкурирующих проектов «лучшей жизни», обеспечив тем самым стабильность плюралистическому обществу. Роулсовская модель «исходной ситуации» предполагает, что посредством определенной теоретической процедуры («пелены неведения»), которая освобождает участников сделки от препятствующих беспристрастности частных интересов, они, основываясь на своем инструментальном разуме, способны согласиться с принципами, аналогичными кантовскому обоснованию равного права на свободу. В исходной си-

туации морально-разумным (по Канту) субъектом оказывается только конструирующий ее теоретик, а сама ситуация принимает на себя роль категорического императива. Тем не менее роулсовский проект исходной ситуации содержит в себе серьезные противоречия, что не осталось незамеченным многими критиками [6, с. 53–67].

Выдвигаются следующие возражения. Во-первых, подвергается сомнению, что смысл справедливости может быть доступен для понимания разумных эгоистов. Во-вторых, отмечается, что для разумных эгоистов вопрос о справедливости может ставиться только как вопрос о справедливом распределении благ, однако такое понятие справедливости более прилично для утилитаристских подходов, чем для теории, исходящей из кантовского понятия автономии. В-третьих, подвергается сомнению постулируемый Роулсом тезис, что пелена неведения гарантирует беспристрастность суждений. Последнее было бы гарантировано только в том случае, если бы применяемые для конструкции исходного состояния ключевые нормативные понятия «автономного гражданина», «честного сотрудничества» и «благоупорядоченного общества» могли бы считаться не требующими пересмотра под действием будущего опыта и научения. Анализ концепции Роулса раскрывает всю ее тавтологичность: «благоупорядоченное» (т. е. либеральное) общество возможно, если его будущие члены — подвергшиеся теоретической препарации участники исходной ситуации — будут привержены системе либеральных ценностей.

Как иронично заметил британский исследователь Д. Мэннинг, «прежде, чем американец Джон Роулс в своей книге „Теория справедливости“ продемонстрировал нам, что гражданское общество либерализма есть справедливое общество, он первым делом взял либеральный концепт автономной личности в качестве внеисторической и самоочевидной истины» [7, р. 177].

Сравнительный анализ теорий Хайека и Роулса позволяет сделать некоторые выводы. Хайек, критикуя конструктивизм, пытается объективировать мораль и право, сделать их гетерономными, но не справляется с проблемой воспроизводства «натурализованных» норм и прибегает к рационалистическому конструктивизму. Роулс, открыто заявляя о своем конструктивистском подходе, не в состоянии гарантировать, что выводимые им принципы являются универсальными и не подлежащими пересмотру. Процесс теоретического конструирования морально-правовых схем превращается, таким образом, в перманентную интеллектуальную игру.

Очевидные неудачи в процессе наделения либерализма статусом универсальной морально-правовой

системы дали повод Рорти, известному критику той части философской традиции, которая претендует на «точную репрезентацию бытия», зафиксировать следующий факт: «...попытки обеспечить либеральное общество „философскими основаниями“ служат ему плохую службу» [2, с. 80].

Рорти так описывает современный ему социально-философский ландшафт: есть кантианцы, которые не сомневаются в реальности таких вещей, как «естественные права человека», и противостоящие им гегельянцы, которые отвергают существование любых внеисторических сущностей вроде «общечеловеческих нравственных норм». В свою очередь, неогегельянство включает в себя две позиции: постмарксизм и неопрагматизм, оба очищенные от гегелевской метафизики. Их объединяющим началом является историцизм — главная мишень критики для большинства либералов. По Рорти, этот «спор-треугольник» многое определяет в современной западной социальной мысли [8, р. 583].

Проекцией кантианства в правовую сферу является убеждение в существовании неких априорных прав. Как указывает Рорти, наиболее ярко эту позицию манифестирует Р. Дворкин, автор известной либеральной концепции права. Он считает, что политические права должны быть выведены и обоснованы из «абстрактного права на заботу и уважение, которое следует считать основополагающим и самоочевидным» [9, с. 15]. Суть правоведческих вопросов, по его мнению, представляют вопросы, «касающиеся моральных принципов, а не фактов и стратегии» [9, с. 25].

Несмотря на то что Хайек для Дворкина слишком «правый», он, тем не менее, находит его правовую теорию «любопытной» [9, с. 9]. Симпатию Дворкина вызывает критика Хайеком правового позитивизма, который считал проявлением конструктивистских воззрений, а также его негативное отношение к утилитаризму Бентама. Добавим, что Дворкина и Хайека роднит смешение морали и права — феномен, ставший объектом основательной критики Г. Л. Харта, автора, который, по оценке самого Дворкина, выступает творцом наиболее влиятельной версии современного правового позитивизма, остающегося господствующей теорией в западной юриспруденции [10, с. 188–213].

Рортианскую критику кантианства как способа обоснования либерализма лучше всего понять через ряд предлагаемых самим Рорти бинарных оппозиций. Базовой среди них является дихотомия «наррация»/«нарратив». Наррации представляют собой метаповествования, центрированные на таких сущностях, как Абсолютный дух, Цивилизованный мир, Пролетариат и т. д. В терминах Лиотара это «дискурсы легитимации», имеющие всегда одну

цель — поддержать легитимность определенных форм социального устройства. Нарративы — это повествования об истории отдельных сообществ, которые дают представление об их случайности и неустойчивости и предлагают возможные сценарии их трансформаций.

Постмодернистский разворот от наррации к нарративу Рорти тематизирует дистинкциями «теоретик»/«поэт», «наука»/«искусство» и «трактат»/«роман». Он фиксирует, что «роман, фильм и телепередача постепенно и основательно заменили проповедь и трактат в качестве основных средств нравственного изменения и прогресса» [2, с. 20], а «героем культуры идеального либерального государственного устройства будет, вероятней всего, „сильный поэт“ Блума, а не... ищущий истины „логичный“, „объективный“ ученый» [2, с. 81].

Рорти не одинок в своем акценте на роли эстетического начала в процессе формирования символического ядра идеологии и его последующей имплантации в массовое сознание. Применительно к либерализму об этом писал Э. Арблестер, автор фундаментальной работы по истории либеральной мысли. Он указывал, что штурм Бастилии толпой парижан 14 июля 1789 г. произвел огромное впечатление на современников и стал предметом многочисленных художественных стилизаций, предопределивших чрезвычайно высокий статус идеи свободы в системе европейских ценностей: «Без Французской революции либеральные... идеи могли остаться просто идеями, вращавшимися в среде прогрессистской интеллигенции, без всякого существенного влияния на политическую жизнь» [11, р. 204].

Формулируя свою версию либерализма как «постмодернистскую», Рорти подчеркивает, что либерализм — это лишь один из возможных словарей, «буквализация определенных метафор», и он не обладает моральным или интеллектуальным превосходством перед другими словарями. Данный факт предполагает отказ от идеи, что «либерализм можно оправдать, а нацистских или марксистских противников опровергнуть, припереть их к стене аргументами, вынудив их признать, что либеральная свобода обладает „моральной привилегией“, которой не обладают их ценности» [2, с. 82].

Однако отказ от таких претензий, согласно Рорти, не означает, что либерализм — это интеллектуальный банкрот. Смысл нарратива не в постижении надмирных вневременных сущностей, а в историческом описании, опорой которого выступает искусство, а не наука. Посредством нарратива происходит самоидентификация группы, а важным инструментом такого самоопределения является «прославление своих героев и демонизация врагов».

Как это ни странно, но в своем апологетическом пафосе Рорти фактически солидаризируется с К. Шмиттом и его знаменитой идеей, что основным содержанием политики является эффективное разделение людей на группы друзей и врагов. Рортианская идея о том, что «нации, церкви, социальные и политические движения... можно рассматривать как яркие исторические примеры не потому, что они отражают лучи, исходящие из высшего источника, а из-за эффекта контраста — сравнения с другими, худшими сообществами» [8, р. 586], фактически повторяет мысль Шмитта, что стержнем политики является дихотомия «друг»/«враг». Идеологии с этой точки зрения выполняют функции демаркации и маркировки «своих» и «чужих», мобилизации сторонников и деморализации противников, а также легитимации власти или претензий на нее.

Наблюдаемый на фоне теоретических неудач фактический отказ либералов от претензий на «универсальность» их словаря и «самоочевидность» наполняющих этот словарь истин ставит в повестку дня ряд вопросов как концептуального, так практического плана.

Заметим, что идеологические словари не являются лишь позициями в пространстве интеллектуальной игры, которую ведут между собой мало связанные с реальностью теоретики. Они могут обрести социальную плоть через доминирующие роли, которые занимают их носители в академической и журналистской среде посредством экспансии их риторики во власть и культуру, они легализуются через нормативные акты и институционализируются в виде общественных и властных структур.

При оценке идеологических словарей решающим оказывается вопрос не о том, насколько истинно они репрезентируют реальность, а о том, кому принадлежит право на привилегированную интерпретацию составляющих их ядро символических понятий (или «метафор», если говорить в терминах Рорти). Таким образом, вопрос использования того или иного словаря — это вопрос о власти, а не об истине. Вход в чужое понятийное поле чреват конфликтами на почве вопроса о политической и правовой субъектности сторон.

Конкретным примером этого конфликтного взаимодействия являются споры по поводу некоторых решений Европейского Суда по правам человека. Сомнению подвергаются методы, которые лежат в основе вынесения решений, и прежде всего метод «эволютивного толкования». Сердцевину метода составляет зафиксированное в преамбуле Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее — Конвенция) положение о том, что задача Конвенции не только защита прав и свобод, но и их развитие. Вкупе с принципом «судебного активизма», т. е. ха-

ракторного для прецедентного права судебного нормотворчества, эволютивное толкование открывает безграничный простор для судебных усмотрений и толкований. Подобная практика приводила к конфликтам не только с государствами, «либеральность» которых с конвенциональной европейской точки зрения представляется весьма сомнительной, но и с некоторыми западными странами, где влиятельны традиционные институты (например, дело «Лаутси против Италии» о христианской символике в школах).

В постановлении Конституционного Суда от 19 января 2017 г., посвященном делу «Нефтяная компания „ЮКОС“ против России», суд указал на «высокую степень абстрактности» норм Конвенции и возможность придания им «другого, нежели обычное, значения». Конституционный Суд РФ также указал на то, что используемые Европейским Судом по правам человека «методы „эволютивного толкования“ и „приоритета существа над формой“

могут повлечь за собой отступление от ранее выработанных самим Европейским судом позиций». Суд особо подчеркнул, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия»\*.

Как видим, либерализм далек от того, чтобы превратиться в очередной экспонат в музее интеллектуальной истории. Порожденные им смыслы продолжают оставаться полем битвы для различных интерпретаций. Самоописание либерализма, осуществляемое его сторонниками, представляет интерес не только для них самих, но и для всех, кто участвует в создании и распределении «символично-культурного капитала» (говоря терминами П. Бурдье). Для российского права эти вопросы важны, как было продемонстрировано выше, для определения национальной конституционной идентичности.

## Список литературы

1. Шаталин Е. А. Либерализм и проблема его идентичности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1(56).
2. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. М., 1996.
3. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма / пер. с англ. М., 1992.
4. Hayek F. A. *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978.
5. Bellamy R. Review on: «Hayek and Modern Liberalism» by Ch. Kukathas // *History of European Ideas*. 1991. № 3.
6. Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // *Вопросы философии*. 1994. № 10.
7. Manning D. J. *Liberalism*. L.: J. M. Dent & Sons, 1976.
8. Rorty R. Postmodernist Bourgeois Liberalism // *The Journal of Philosophy*. 1983. № 10. Part 1.
9. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М., 2004.
10. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. СПб., 2007.
11. Arblaster A. *The Rise and Decline of Western Liberalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1984.

\* По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО „Нефтяная компания „ЮКОС“ против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П // Рос. газета. 2017. 3 февр.

УДК 340 © Н. В. Нарыков, С. А. Дементьев, 2017

## Формообразующие факторы и социальные условия информационной безопасности личности

Н. В. Нарыков, С. А. Дементьев



Освещаются вопросы, связанные с пониманием информационной безопасности личности как социального явления, которое характеризует конкретные социальные реалии информационной безопасности, включая цивилизационный характер этого явления, сложившиеся позитивные и негативные условия, в том числе и цифровое неравенство. Современные формообразования и социальные условия порождают информационные риски для личности, что выражается в нарастающем отчуждении человека от социума и информационных новообразований и требует системного подхода к проблеме информационной безопасности личности в информационном обществе.

*Ключевые слова:* информационная безопасность личности, информационная деятельность, социализация информации, формообразующие социальные факторы, информация, цифровое неравенство, информационные риски.

В настоящее время развитие цивилизации характеризуется новыми чертами основных социальных процессов и отличается тем, что современное информационное общество развивает и совершенствует свои социальные структуры и социальные институты. Во-первых, это происходит в виде создания глобальных планетарных информационных связей и зависимостей; во-вторых, данный процесс не является линейным и последовательным, а, скорее, характеризуется как нелинейная скачкообразная динамика; в-третьих, он реализуется не равномерно по всему спектру социальных отношений, а таким образом, что скачкообразное развитие информационных и телекоммуникационных технологий как инновационно-прорывных социальных сфер опережает другие сферы социума, что создает дополнительные риски, связанные с информационной безопасностью.

Увеличение объемов и спектров информационных и телекоммуникационных технологий распространяется на более широкие сферы социума, что приводит к непредсказуемым и неоднозначным формам социального, экономического, политического и социокультурного развития. Это, в частности, касается положения, места и роли человека в социальных процессах. Меняется роль человека как производственного актора, как субъекта социальной эволюции, меняются роль информации и роль знаний. Благодаря «электронной революции» коренным образом меняются и все социальные связи.

Информационные и телекоммуникационные технологии становятся решающим фактором социальной эволюции. Само общество меняется, и впер-

вые в истории человеческой цивилизации возникает новый тип социальной системы — информационно-технологическая социотехническая система. Усложнение данной системы как глобального способа функционирования информации приводит к непредсказуемым социальным последствиям, содержащим в себе технологические и информационные риски как для общества и государства, так и для личности.

Определяющей деятельностью человека как члена информационного общества становится информационная деятельность, которая характеризуется увеличением роли интеллектуализации и информатизации во всех общественных процессах. Это отмечают в своих работах такие исследователи, как П. А. Кисляков [1, с. 16], Т. М. Краснянская [2, с. 238–247], А. В. Шиловцев [3, с. 31–33] и др.

Социальное пространство, характеризуемое высокими темпами насыщения информацией, для человека, актора информационного взаимодействия, становится информационной средой, средой его обитания как индивида типа *Homo informaticus*. Эта среда содержит в себе такие действия и процессы, акты и явления, которые иначе как враждебными по отношению к человеку не назовешь. Сюда включаются и несанкционированное проникновение в информационные ресурсы, и хищение приватной информации, и информационная агрессия, и даже информационная война, информационное оружие, информационный терроризм, киберпреступность и т. п.

Все указанные информационные угрозы для личности создают реальные опасности для ее информа-

ционной безопасности. Мы согласны с В. М. Губановым, Б. Сатывалдиевой [4, с. 577–581] и А. Л. Романович [5, с. 3–17] в том, что проблема информационной безопасности личности в информационном обществе является важным социальным фактором устойчивого социального развития и представляет собой реальный социально-исторический феномен.

Информационной безопасностью личности можно считать создание жизненно важной информационной среды обитания и функционирования человека как социального существа, информационный суверенитет личности, условия сохранения ею личных ценностей и собственной социальной субъективности и субъектности, создание условий, в которых человек свободен от различных информационных агрессий и манипулирования его сознанием и поведением, когда он свободен в выборе модели поведения и принятия собственного решения.

К основным формообразующим факторам и социальным условиям информационной безопасности личности, по нашему мнению, нужно отнести: социализацию и персонализацию информации; социально-культурную и цивилизационную совместимость глобальных информационных технологий со сложившимися формами социума и родовой социальной сущностью человека; сложившиеся диспропорции в инновационном развитии информационных и телекоммуникационных технологий с другими социальными сферами, что выражается в наличном цифровом неравенстве, все усиливающемся влиянии на личность Интернета, его социальных сетей и таких социальных новообразований, как сетевые сообщества.

Указанные факторы и социальные условия в определенных ситуациях могут порождать информационные риски как для общества и государства, так и для личности, что выражается в нарастающем отчуждении человека от социума и информационных новообразований и требует понимания того, что проблема информационной безопасности личности в информационном обществе должна рассматриваться системно и с учетом различных уровней обеспечения информационной безопасности.

Подобную направленность информации на потребителя называют социализацией информации. В информационном обществе информация максимально социализирована. Она как имеет положительные моменты социальной информации, так и содержит и все отрицательные моменты, а именно: социальные страхи и социальные фобии, информационные угрозы и риски, стрессогенные информационные факторы и формы информационного социального давления и даже подавления индивида, псевдокультурные и даже антикультурные феномены, проявления различных социальных агрессий, манипулирования, бездушия и отчуждения.

Информационная среда современного общества перенасыщена различными информационными кластерами, ориентированными на человека, целью которых является оказание на человека воздействия, должного влияния, информационного давления и даже информационного внушения.

Эти негативные особенности социализации информации напрямую воздействуют на человека, на личность, способствуют возникновению информационных фобий, информационных стрессов и тому, что социализация информации как способ целенаправленного информационного позитивно социально востребованного по форме и часто негативного по содержанию приводит к тому, что личность оказывается беззащитной перед подобным информационным воздействием. При восприятии такого информационного вала индивид становится просто безоружным: фильтры его социального опыта не успевают отсеивать информационный мусор, отбиваться от информационных атак и от информационного манипулирования. Это означает, что информационная безопасность личности находится под угрозой или она уже нарушена.

Социализация информации, ее направленность на человека как на потребителя такого товара, как продаваемая информация, характеризуется тем, что складывается информационный рынок со своей рыночной конъюнктурой, конкурентной борьбой, рыночными законами и рыночными издержками погони за прибылью. Продажа информации потребителю начинается с навязывания ее человеку через экран телевизора или компьютера. Информационный рынок вторгается в информационные ресурсы человека, диктует свои приоритеты, порождает информационные фантомы, тем самым подменяет информационные цели и ценности человека собственными информационными целями и ценностями, главной из которых является успешная продажа информации потребителю. И если потребитель информации поддался этому, то он уже заложник иных информационных ресурсов, информационных целей и интересов.

Социализация информации выражается и в том, что информационная среда выступает своеобразным информационным зеркалом реальной среды, реального мира, правда, часто она выступает в виде «кривого» зеркала, отображая реальность по своим информационным законам или по чьим-то информационным заказам. Тогда социализация информации становится недостоверной, эклектичной, поверхностной, ангажированно и отрежиссированно смонтированной, сфабрикованной и неадекватной или лживой. Такой способ социализации информации ведет к опасному для индивида информационному воздействию.

Важным формообразующим социальным фактором является совместимость глобального характера информации и всей информационной среды, окружающей человека, с социокультурными ценностями общества и с родовой общественной сущностью человека. То, что информация в информационном обществе выступает в качестве главного стимулятора и катализатора всех общественных изменений и социальной динамики в целом, является бесспорным фактом. Но для того чтобы процессы социальных изменений реализовывались в социально приемлемых формах, необходимо, чтобы информационная составляющая социального прогресса была совместима с социальными форматами социальной динамики, т. е. технологический прогресс информационных и телекоммуникационных средств не должен отрываться от гуманистической и гуманитарной составляющих социального прогресса; сам данный социальный процесс должен быть максимально «очеловечен», демократизирован, должен ориентироваться не на бездушные технологические объективированные показатели, а на всестороннее развитие человека и удовлетворение его потребностей. Прогресс должен быть не только технологическим, но и социальным, политическим, культурным, образовательным, должен ориентироваться на содействие утверждению информационных ценностей в интересах развития отдельного индивида и общества в целом.

Другой стороной формообразующих социальных факторов и обстоятельств являются те форматы социума, на базе которых формируются современная информационная среда, соответствующий информационный социум и информационное взаимодействие акторов. Эта сторона характеризуется несоизмеримостью доступности форм информационного взаимодействия для всех членов реального социума. Получается, что пропуском в информационный социум обладают те субъекты социальных отношений, которые располагают для этого необходимыми ресурсами, условиями, возможностями. Это выражается в так называемом цифровом неравенстве.

Цифровое неравенство — расслоение общества по степени доступности в пользовании информационными технологиями. Это следствие экономического неравенства, технологического отставания отдельных групп населения и даже стран, следствие неразвитости информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, результат отставания от тех или иных форм международного информационного сотрудничества, низкого уровня развития технологий. В целом цифровое неравенство является результатом отставания в прогрессивно-модернизационном, экономико-финансовом, производственно-хозяйственном, инновационно-техно-

логическом, культурно-образовательном, правовом, государственно-политическом и идеологическом отношении.

В конкретном воплощении повседневность цифрового неравенства выражается в невозможности либо в затрудненности доступа к информационно-коммуникационным технологиям. Это так называемая объективная сторона цифрового неравенства. Субъективная сторона цифрового неравенства заключается в неготовности людей стать пользователями информационных ресурсов. Это может определяться информационной некомпетентностью, отсутствием нужных информационно-функциональных ресурсов и даже отсутствием подобной информационной потребности.

По сути, цифровое неравенство, а именно наличие людей, которые не имеют возможности или потребности использовать информационные ресурсы, ставящее их в положение так называемого второго эшелона информационного социума, является основанием для новой социальной стратификации — информационной стратификации [6, с. 27]. Люди, выпадающие из непрерывно прогрессирующего информационного порядка, как бы живут вне информационного времени. Они уязвимы, поскольку не обладают необходимой информацией, в какой-то мере информационно неполноценны, так как выведены за пределы информационного взаимодействия и лишены достаточных сведений о мире, и их ментальность находится на уровне предыдущей социальной эпохи.

С одной стороны, они вне поля тех информационных угроз, которые таит в себе глобальное информационное поле, с другой — невозможно жить в обществе и быть свободным от него: все социальные угрозы и риски грозят и им, просто они не владеют своевременной информацией об этом. Но отсутствие информации об угрозе не есть устранение угрозы.

Именно затрудненность или даже невозможность получать и использовать информацию, передаваемую посредством инновационных информационных и телекоммуникационных технологий, называемую цифровым неравенством или цифровым разрывом, является угрозой информационной безопасности и общества. Цифровое неравенство выражает разрыв между богатыми и бедными, между столицами и периферией, между мегаполисами и поселками, между продвинутыми пользователями и отстающими группами населения. Цифровое неравенство — это социальный проигрыш государства и общества, не включенных в современное информационное взаимодействие.

Осмысление социальных факторов формообразования информационной безопасности личности

погружает нас в социальный дискурс, где с неизбежностью встают вопросы, которые характеризуют информационную безопасность личности как реальный социально-исторический феномен, а обеспечение информационной безопасности личности в информационном социуме обязательно должно учитывать особенности действия социальных механизмов

на безопасность современного общества, социальные факторы, влияющие на безопасность личности и общества, социальную динамику и стратификацию современного общества с учетом глобальной социальной динамики, ее угроз и рисков, и выражаться в конкретном социологическом измерении данных процессов.

## Список литературы

1. Кисляков П. А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направленность // Современные исследования социальных проблем. 2012. Вып. 5.
2. Краснянская Т. М. Безопасность и опасность как феномены системы «человек» // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. Вып. 1. Т. 56.
3. Шиловцев А. В. Проблема сущего и должного в морфологии феномена «социальная безопасность личности» // Теория и практика общественного развития. 2014. Вып. 2.
4. Губанов В. М., Сатывалдиева Б. Социальная безопасность как социально-исторический феномен // Молодой ученый. 2015. № 15.
5. Романович А. Л. Проблема безопасности в контексте устойчивого развития // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1.
6. Коротков А. В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества // Информационное общество. 2003. Вып. 5.

УДК 1: 316.4: 321.01 © С. В. Козлов, 2017

## Власть как феномен социального бытия: постклассическая перспектива С. В. Козлов



Развивается современный социально-философский подход, подразумевающий осмысление власти в многообразии ее микро- и макропроявлений, данных в виде некоторого баланса сил. В центре внимания — представления социальных теоретиков постклассической направленности: М. Фуко, П. Бурдьё, Э. Гидденса и др. Автор затрагивает проблемы «микрофизики» власти и ее коммуникативно-символического измерения, институциональной власти, социального порядка; развивает и обосновывает расширительную трактовку власти как сети отношений, в которую включены социальные агенты и которая соотнесена не только с официальными властными институтами, но и в определяющей степени с пространством повседневности, общения, культуры, многообразными каналами и формами социальной коммуникации. В итоге власть представляется как универсальный социальный феномен, обычно фиксируемый в виде некой институциональной структуры, но при этом несводимый исключительно и без остатка к таковой.

*Ключевые слова:* власть, постклассическая кротология, микрофизика власти, институциональная власть и социальный порядок, социальное конституирование и воспроизводство, легитимность.

Современное социально-философское теоретизирование разворачивается в контексте общих мыслительных установок, ориентированных на преодоление различных построений субстанционалистского толка. Проявлением данной ситуации выступает

в числе прочего и отказ от каких-либо постулатов относительно природы социальной реальности, кроме наличия многообразия интеракций и коммуникативных связей, в которых эта реальность конституируема и воспроизводима. Этим определяется и суще-

ственная трансформация теоретической перспективы, задающей способ видения властных феноменов в пространстве социального. Тенденция к отходу от определений власти в духе «классической философии субъекта» стимулирует подходы к осмыслению власти в качестве сети сложноорганизованных, подвижных отношений, пронизывающих социальную реальность и неразрывно связанных с многообразными процессами социального конституирования, структурирования, воспроизводства на разных уровнях этой реальности (включая и конституирование феномена субъектности).

Так, в контексте постмодернистских и постструктуралистских методологических подходов разрабатывается концепция социального пространства (М. Фуко, Ж. Делез, П. Бурдьё и др.), в которой власть репрезентируется как имманентная обществу, пронизывающая в нем все и нелокализуемая в каких-то определенных инстанциях, социальных «топосах». Будучи специфической формой отношений, которые могут переплетаться (и переплетаются) с процессами производства, обмена, коммуникации, власть анализируется как порождаемая действием анонимных (несубъектных) социальных сил и, соответственно, как не являющаяся в своей основе продуктом чьего-то произвола. Расширительно трактуемым отношениям власти при этом отводится важнейшая роль в формировании определенного типа социальной реальности. Более того, возможно говорить о специфическом кратологическом способе мышления, придающем феномену власти фундаментальный и конститутивный статус.

Власть, рассматриваемая в таком ракурсе, предстает как что-то «вездесущее» и одновременно принципиально множественное. Согласно М. Фуко, «власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит». Как уточняет философ, ее не следует представлять исключительно в виде некоего института, структуры или же силы, которой кто-то наделен: власть — «это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе» [1, с. 193]. Понимать ее надлежит, прежде всего, как «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации» [1, с. 192]. В таком случае все то, что касается «постоянного, повторяющегося, инертного и самовоспроизводящегося» во власти (прежде всего, институциональная власть) оказывается «только совокупным эффектом», вырисовывающимся из «многообразия флуктуаций» [1, с. 193].

Подобный подход обнаруживает значительный потенциал для современного обществоведения. Сосредоточившись на несводимости власти к ее институционализированному, макрополитическому фор-

мам (включая объективированные ресурсы государственной власти с ее монополией на легитимное насилие), он ориентирован на осмысление отношений власти в многообразии их проявлений, в их «растворенности», конституируемости в пространстве социального (тема микрофизики власти) и, главным образом, в неразрывной связи, взаимообусловленности с определенными ментальными структурами и дискурсивными практиками.

В русле постструктуралистских идей в ряде влиятельных социологических теорий конца XX в. (конструктивистский структурализм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса) утверждается видение властного (и вообще, социального) пространства как системы различий, перманентно конституируемых в виде объективных и субъективных структур. Социальный порядок рассматривается в таком случае в качестве порядка, прежде всего ментального, несводимого лишь к своим вещественным составляющим и существующего в значительной степени в виде социальных представлений, диспозиций, заключенных в каждом социальном агенте [2, с. 101, 104].

В связи с изложенным укажем на концепцию «поля власти», разработанную П. Бурдьё. Рассматривая социальный мир в качестве совокупности относительно автономных «полей» (экономическое, политическое, поле культурного производства, образовательное поле, поле СМИ и т. п.), «поле» как таковое французский социолог определяет как «структурированное социальное пространство: поле сил (в котором присутствуют господствующие и подчиненные, связанные постоянными отношениями неравенства), но в то же время поле борьбы за изменение или сохранение данного поля сил» [3, с. 57]. Таким образом, в данном случае речь идет не просто о квазипространственной метафоре, а о действительно существующем пространстве деятельности социальных агентов, представленном как на уровне объективных позиций в пространстве взаимодействий, так и на уровне ментальных структур, представлений. Власть здесь рассматривается в широком контексте практик, направленных на сохранение (или достижение) определенных позиций в структурированном пространстве практик и позиций. При этом в центре внимания оказывается именно символический аспект власти, проявляющийся в характере структурирования социальной реальности на основе утверждения определенного видения мира и легитимации соответствующего когнитивного порядка. Причем символическая власть понимается Бурдьё не как сугубо отдельная форма власти, а как аспект всех форм властных отношений, характеризующих все многообразные поля социальных практик. Специфической особенностью этого аспекта власти оказывается то, что в основе своей он реализуется

не через открытые и осознанные акты, а в виде способов отражения, оценки и действия, конституируемых совокупностью диспозиций (предрасположенностей определенным образом воспринимать, мыслить, оценивать, действовать) и потому находящихся за уровнем сознания и волевого контроля. Французский социолог акцентирует, что структуры властных отношений пронизывают своими «силовыми линиями» принципы видения, классификации социальной реальности, ориентирования и действия в ней, оказываясь тем самым невнешними по отношению к самим социальным агентам. Согласно его концепции, «символическая власть и есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей и даже сам ее осуществляет» [4, с. 88]. В своей основе она выступает как «власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок», включая непосредственное мироощущение, и в особенности «чувство социального мира» [4, с. 89]. При этом следует отметить, что акцентирование в данной концепции подобных аспектов социальной реальности отнюдь не означает представления о фатальной детерминации активности социальных агентов, в том числе о невозможности для них отрефлексировать в тех или иных пределах наличные социально-властные структуры и механизмы их обуславливающего действия.

В контексте рассматриваемой теоретической перспективы власть соотносится преимущественно с многообразными, весьма тонкими и часто актуально не фиксируемыми механизмами социального принуждения, стимулирования, нормирования, контроля (у Фуко данные феномены концептуализировались через призму понятий «микрофизика власти», «дискурсивные матрицы»; Бурдьё говорит о «символической власти» и «символическом насилии»). На этом фоне следует также сосредоточиться на тех аспектах функционирования власти в пространстве социального, которые связаны с обеспечением консенсуса в сообществе (в том числе и распространённый в современных системных теориях общества образ власти как «символически генерализованного коммуникативного посредника»), а также с проблемой «субъектности власти».

Практикуемый постструктуралистской кратологией анализ власти в значительной степени сосредоточен на ее предынституциональных, фоновых формах и практиках. Властные феномены на этом («микрофизическом») уровне часто обнаруживаются в их непосредственных отношениях легитимности форм, в то время как на уровне институционального порядка, его политических структур вопросы легитимности проявляются как сущностно значимые в жизни общественного целого [5].

В социально-политическом теоретизировании общим местом уже стало утверждение, согласно которому господство (отношение властвования-подчинения) как таковое подразумевает согласие подвластных с существующим социальным порядком (под «социальным порядком» понимается совокупность устойчиво воспроизводимых форм социальных практик, взаимодействий, а также норм, их регулирующих). Обычно в данном контексте отмечается, что в рамках «устоявшейся» системы отношений властные инстанции и исходящие от них приказы в целом соответствуют ожиданиям подвластных и имеют такой характер, который ими признается. При этом подразумевается также наличие (и важность) ресурсов принуждающего насилия («монополия легитимного насилия» в руках государства) в качестве финального средства обеспечения повиновения в пределах существующего порядка [6, с. 645–646]. Очевидно, что принуждающее насилие чаще всего имеет место именно там, где властные взаимодействия дают сбой. Само появление данного феномена может свидетельствовать об определенном нарушении упорядочивающих, властных практик, об их аномалии. В ситуациях разбалансировки существующей конфигурации власти, социального порядка массивное насилие часто начинает рассматриваться как необходимое (и неизбежное) средство восстановления ситуации *status quo* (либо же утверждения нового порядка и связанных с ним «правил игры»). Но суть в том, что именно в актах насилия, задействуя свой столь весомый и «фундаментальный» ресурс, властная инстанция оказывается у пределов самой себя. Как полагает сторонник коммуникативистской парадигмы в трактовке власти Т. Болл, «основной способ, с помощью которого люди (или индивид) могут достичь власти, — это отказ от раболепного подчинения в ответ на принуждение со стороны носителей власти. Это побудит последних исполнить угрозу или отступить. Тем самым часть общества, выступающая как властная инстанция, — партия, государство или диктатор — продемонстрирует грубый и насильственный характер данной власти, т. е. ее отсутствие. Псевдовласть, таким образом, окажется безвластной и нелегитимной в глазах своих подданных» [7, с. 39].

Безусловно, возможность применения силы (прежде всего, легитимного задействования принуждающего насилия) составляет важнейший ресурс государственной власти, но отнюдь не исчерпывает сути власти как таковой. Власть в ее государственно-институциональных формах необходимо осмысливать в более широком контексте социально-властных феноменов, которые неразрывно связаны с процессами конституирования и воспроизводства социальной реальности на разных ее уровнях. Прони-

зывая пространство интеракций, отношения власти могут обнаруживаться в числе прочего и в своих коммуникативно-символических формах. При этом важно указать на то, что эскалация насилия (включая постоянную угрозу его применения), систематически нарушая это пространство, способна радикально нивелировать доверие в социуме и тем самым делегитимировать и подрывать саму наличную конфигурацию социального порядка и власти. Поэтому столь значимыми и оказываются механизмы консенсуса, согласия, убеждения в жизни общества. Показательно утверждение К. Ясперса, что «легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия; нелегитимность — это насилие, которое повсеместно порождает насилие, основанное на недоверии и страхе» [8, с. 172].

Обращаясь к позитивному измерению власти, следует согласиться с Э. Гидденсом, что власть сопряжена с возможностью и способностью добиваться результатов. Как таковая, она «не является препятствием на пути к свободе и раскрепощению, но есть их условие (хотя, конечно, было бы глупо пренебрегать и ее ограничительными свойствами)» [9, с. 355]. Взгляд на общественную реальность через призму коммуникативной установки актуализирует образ власти как коллективного ресурса, «символически генерализованного посредника» (Т. Парсонс, Н. Луман), связывающего действия и обязательства участников интеракций и способного представлять в разных видах. Причем такой ее образ особо очевиден в ситуациях, когда определенная группа «организуется, заряжается волей и тем самым становится способной добиваться чего-либо для себя. Здесь проявляется не чье-то господство и не приказ, а возможность доселе неорганизованной, но сознающей себя группе (или слою) идентифицироваться и решиться действовать открыто ради новоприобретенной цели» (Б. Фей) [7, с. 39].

Бытие власти в качестве посредника, способного обеспечивать взаимные обязательства и коллективное целедостижение людей, придает ресурсам насилия и признаваемому в данном сообществе праву их использования символический смысл [10, с. 151–152]. Сила и легитимность власти в таком случае определяются тем, что она присутствует в сознании индивидов в виде управляющих ими всеми общих правил. Феномен власти подразумевает здесь подчинение общему порядку и фактически отождествляется с ним. При этом сила остается важнейшей «материей» политической власти, так что «сама суть любой политической идеи в том и состоит, как должна быть организована сила (и вообще природная власть) в обществе, и сила же служит гарантом поддержания этой организации» [11, с. 53]. Но сама

власть (в качестве социального, а не природного феномена) перестает быть лишь «отложенным насилием».

Следует указать на то, что «многоаспектность» власти предстает в обратной зависимости между принуждением (в том числе принуждающим насилием) и коммуникативными стратегиями функционирования власти. При доминировании «директивных» форм организации властного пространства, основанных на распределении ресурсов, насильственный аспект может просматриваться довольно отчетливо. При «функциональном» толковании власти («понимание власти как способности и умения практически реализовать функцию общественного управления») на первый план начинают выступать более гибкие формы принуждения (в частности, правовые). В случае же «коммуникативного» ее понимания (связанного «с тем, что власть так или иначе реализуется через общение, через определенный язык, понятный обеим сторонам общественного отношения власти») она приобретает характер «культурного сотрудничества», «доверия», «согласования» [10, с. 153].

Современный социально-философский подход предполагает осмысление власти в многообразии ее проявлений, всегда данных в виде некоего баланса сил. Будучи соотносительной с различными, в том числе весьма тонкими, часто актуально не фиксируемыми механизмами нормирования человеческой активности, направления ее в определенное русло, власть может быть представлена в качестве имманентного культуре конститутивного фактора, вырастающего в канве таковой и обнаруживаемого на всех без исключения уровнях человеческого бытия, так что «в сфере политики наблюдаются лишь проявления власти, имеющей более глубокие истоки» [12, с. 460]. В реалиях современного общества все более очевидным становится образ власти как анонимной, безличной сети отношений, пронизывающих пространство социальной жизни; отношений, в рамках которых власть не может быть больше понята лишь как простое ограничение свободы, граница ее осуществления.

В этом контексте можно указать на ту важную роль, которая принадлежит в общественном бытии специфическому дискурсу власти. Его носителями выступают представители элитных слоев (включая лиц из сферы «культурного производства»), организующие усилия людей, так или иначе влияющие на их помыслы и деяния. Как показал М. Фуко, с эпохи модерна все более рационализируемый дискурс власти оказывается сопряженным со становлением «дисциплинарного общества», с обеспечением наиболее эффективного способа функционирования «социального тела» [1, с. 240–251].

Важно иметь в виду и то, что Ю. Хабермас обозначает в качестве «первичной власти общества» как социально-коммуникативного феномена [13, с. 396–398]. Власть в таком расширительном ракурсе представляют также далеко не только политические институты, органы государственного управления или положения законов и подзаконных актов, но также правила, нормы, культурные стереотипы, формирующие поведенческие стратегии индивидов и социальных групп и принципиально важные в обеспечении эффективного социального управления. Импликации этой власти («власти общественности») прослеживаются как на онтологическом уровне в их непосредственных проявлениях, так и на семиотическом уровне в смыслах и значениях.

Власть, осмысляемая в многообразии (и неочевидности) форм своего бытия, обнаруживается перед нами как нечто всепроникающее, пронизывающее собой социальную реальность, в пределе — «исходящее отовсюду» (М. Фуко). При всем непосредственном, повседневном опыте ее присутствия она может оказываться и «невидимой», с трудом однозначно фиксируемой, локализуемой, эмпирически описываемой. В своих различных формах (будь то мягкие или жесткие, очевидные или неявные) власть может представлять и как враждебная индивиду и обществу сущность, стремящаяся поглотить и аннигилировать в себе; и как неразрывно связанные с общим пространством коммуникации, взаимодействия, рождающиеся и утверждающиеся в социуме и индивиде начала самоорганизации, само- и взаимоограничения, оборотной стороной которых оказываются права и свободы личности (так что механизмы социальной регуляции, нормирования и контроля оказываются здесь необходи-

мым образом связаны и опосредованы этой сферой прав и свобод).

В заключение следует отметить, что современное социальное теоретизирование характеризуется многообразием подходов к осмыслению власти как феномена социального бытия. При этом именно на фоне традиционных способов аналитики власти, сосредоточенных на социальных институтах, государстве, персонифицированном авторитете, актуальными оказываются постклассические подходы, акцентирующие микрофизическое измерение отношений власти, которые часто обнаруживаются в своих непосредственных отношениях легитимности форм. На этом уровне рассмотрение власти сопрягается с осмыслением средств и способов нормирования, «нормализации» человеческой активности в контексте социальности. В центре внимания оказываются формы и методы регламентации, осуществляемые как на уровне сознания индивида, так и вне его, механизмы взаимосвязи властных и дискурсивных практик. Расширительно трактуемая власть представляется при этом в качестве своего рода координирующей сетки взаимодействий, в которую мыслятся включенными индивиды и которая соотносится не только с официальными властными инстанциями, но и в определяющей степени с пространством повседневности, общения, культуры, различными каналами и формами (включая и весьма неформальные) социальной коммуникации. Власть, соответственно, представляется как универсальный социальный феномен, генерируемый в контексте многообразных отношений, традиционно фиксируемый в виде некоей институциональной структуры, но при этом несводимый исключительно и без остатка к таковой.

## Список литературы

1. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
2. Качанов Ю. Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.
4. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2007.
5. Зимовец Р. В. Дискуссия Фуко — Хабермас: вопросы теории власти. URL: [http://scorcher.ru/neuro/neuro\\_sys/authority/authority1.php](http://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/authority/authority1.php) (дата обращения: 26.01.2017).
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. Болл Т. Власть // Политические исследования. 1993. № 5.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
9. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2005.
10. Ильин М. В., Мельвиль Ю. К. Власть // Политические исследования. 1997. № 6.
11. Дибиров А.-Н. З., Пронский Л. М. О природе политической власти // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2002. № 2.
12. Губман Б. Л. Современная философия культуры. М., 2005.
13. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

## Человек в религии: методология исследования религиозной нормативности А. А. Морозов



Исследование нормативности становится предпосылкой понимания морали, права, религии во многих областях современного гуманитарного знания. Появляются специальные труды, посвященные изучению нормативности. Понятие религиозной нормативности позволит понять специфику существования человека в религии, осмыслить складывание особого смыслового и жизненного мира верующего. На основе анализа идей отечественных и иностранных мыслителей автор обосновывает концептуальную схему исследования религиозной нормативности как результата сложного процесса взаимодействия богооткровенного текста, верующего и религиозной общины с учетом социальных, культурных, политических условий, в которых разворачивается подобное взаимодействие.

*Ключевые слова:* нормативность, человек, религия.

Необходимость поиска новых методологических подходов к исследованию религии и ее воздействию на человека проявляется как в области гуманитарных наук, так и в обсуждении конкретных проблем существования человека в современном мире и диктуется задачами фундаментальных и прикладных исследований человека. Процессы десекуляризации выводят проблематику философско-религиозной антропологии из сферы исключительно историко-культурного интереса.

Религия является объектом изучения во многих областях гуманитарного знания: философии религии, истории религии, культурологии, социологии, политологии, психологии. Необходимо признать серьезные достижения в каждой из названных областей. Вместе с тем в любой из них существует общая проблема — разрыв между собственно религией и человеком. Религия нередко представлена как объективное явление, имеющее определенные закономерности своего развития. Собственно верующий оказывается чем-то внешним относительно этого объективированного социального института. Данный подход препятствует пониманию того, что и каким образом человек получает от религии, почему и как религиозные ценности и нормы воздействуют на мировоззрение, деятельность, поступки, образ жизни человека.

При этом объективация религии не только происходит в силу познавательных процедур исследователей, но в то же время выступает отражением реальных процессов, связанных с социальным бытованием религии. Очевидно, что институционализация религии — объективный процесс, однако мы

не должны забывать, что он не происходит в отрыве от изменений религиозности верующих, исповедующих ту или иную религию.

Возможности ответов на вопросы, связанные с отношением человека к религии (основной из них есть вопрос о том, что заставляет человека быть последователем той или иной религии и действовать определенным образом), и в более широком контексте достижения понимания жизни человека в религии могут быть увеличены при использовании понятия «религиозная нормативность». Его методологические возможности кроются в его содержании. Являясь видовым по отношению к понятию «нормативность», понятие религиозной нормативности требует глубокой спецификации с учетом философско-антропологического понимания религии.

Нормативность стала предметом пристального внимания в последние десятилетия как в отечественной, так и в англоязычной научной литературе. В. Н. Карпович отмечает, что понятие нормативности «превратилось в важный концептуальный центр для объяснения социальных процессов и явлений, связывающий воедино понятия ценности, убеждения, долга, права, поведения и др.» [1, с. 28]. Раскрытие природы нормативности, поиски и обоснование ее источников в современной философии осуществляются, главным образом, в исследовании морали как феномена жизни человека и этики как философского учения о морали.

Весьма ценной в перспективе исследования нормативности является диссертация С. Венстопа «О природе и источниках нормативности в аффективной природе человека», представленная в Нор-

вежской школе экономики в июне 2015 г. Венстоп поставил перед собой цель — предложить детализированную картину того, как нормативность может быть объяснена в терминах аффективных эмоций, расположенных на разных уровнях сознания [2, р. 407]. Именно изучение эмоций он рассматривает в качестве эффективного пути для исследования нормативности. Но это не означает, что он сводит проблематику нормативности к психологическим состояниям. Среди основных востребованных для ее изучения дисциплин, кроме психологии, он называет философию и неврологию. На фундаментальном уровне источники нормативности он описывает в терминах неврологии, погружаясь глубоко внутрь биологической основы человека, обращаясь к процессам в головном мозге человека. Но источники нормативности — это еще не сама нормативность. Ее формирование означает движение изнутри вовне. Опыт нормативности появляется как эмоциональный опыт, субъективно и чувственно осознанный. Венстоп приходит к принципиально важному выводу о том, что «фундаментальная нормативность, понимаемая как психологический и биологически укорененный феномен, является предпосылкой для таких действий, как предположение, обоснование, поддержка, принятие, созидание и истолкование морали в интересующем социальном пространстве» [2, р. 410]. Происходит обоюдное влияние нейropsychологических процессов и социально сконструированной морали. Нельзя абсолютизировать фундаментальную нормативность, потому что, как отмечает Венстоп, мы находимся под влиянием внутренней нормативности настолько, насколько сохраняем рудиментарное сознание [2, р. 410]. Последний тезис выводит проблематику нормативности в большей части из области собственно неврологической и нейropsychологической в философскую.

Серьезный вклад в разработку проблематики нормативности внесла Кристин Корсгаард, современный американский философ, в работе «Источники нормативности», ставшей результатом ее многолетних исследований. По ее мнению, нормативность имеет универсальный характер в человеческой жизни. Она подчеркивает, что «такие понятия, как знание, красота и смысл, так же как нравственность и право, все имеют нормативное измерение, так как они указывают нам, что думать, что любить, что говорить, что делать и каким быть» [3, р. 22]. Но речь, конечно, не идет исключительно о генезисе определенного рода норм, регулирующих межчеловеческие отношения, способы действий и т. д. Нормативный вопрос этики, по Корсгаард, состоит в том, что оправдывает требования, которые мораль предъявляет нам [3, р. 23]. С кантовских позиций она анализирует четыре, на ее взгляд, удачных ответа

на вопрос, что делает мораль нормативной: волюнтаризм, реализм, рефлексивное одобрение, призыв к автономии. Для Корсгаард кульминацией развития философской проблематики нормативности является кантовский подход, в соответствии с которым «способность к сознательной рефлексии по поводу наших собственных действий дает нам вид власти над самими собой, и эта власть придает нормативность нашим моральным требованиям» [3, р. 26]. Признавая, что категорический императив И. Канта — это закон свободной воли, она исключает произвольность морали. Однако признание свободной воли источником нормативности не дает представления о ее конкретном содержании. Нормативность выстраивается в том числе на ролевой идентичности в интерактивном процессе сосуществования человека с другими людьми.

Для формулирования содержания религиозной нормативности подход К. Корсгаард может оказаться полезным. В данном случае для нас важен методологический аспект, который и в рассуждениях американского философа достаточно существенен. Ее нормативный вопрос не может быть переформулирован посредством замены понятия «мораль» на понятие «религия». В нашем случае вопрос звучит иначе: «Что заставляет человека быть религиозным и выстраивать собственное существование на конкретных религиозных идеалах, ценностях, нормах?» Это вопрос об источниках религиозной идентичности. Это своего рода поиск «категорического императива» религии, на признание которого формируется все многообразие практики религии.

Соотнесение религиозной нормативности и религиозной практики плодотворно проведено в исследовании Камбиза Дженеа-Бассира «Религиозная нормативность и практика среди американских мусульман» [4, р. 208]. Нормативность и практика представлены взаимообусловленными явлениями, которые формируются в трехсторонних отношениях между Богом, личностью и общиной. Мусульманин и мусульманская община получают божественные повеления, зафиксированные в Коране и хадисах. Но эти повеления становятся объектом индивидуальной интерпретации, а последняя контролируется общиной. Кроме того, общинные традиции, обычаи и представления являются объектом воздействия социальных, политических и экономических сил. К. Дженеа-Бассир анализирует религиозную практику американских мусульман, прослеживая видоизменения обрядов (актов поклонения), которые складываются в условиях существования мусульман как религиозного меньшинства. Это ведет к появлению импровизационных практик, которые позволяют сохранить верность исламским предписаниям. Приводится показательное мнение одной американской

мусульманки, которая отмечает, что когда ты стоишь в пробке на закате солнца, то молитва без поклонов в собственной машине лучше, чем риск пропустить молитву вообще [4, р. 218]. Принципиально важной для Дженеа-Бассира является мысль о том, что религиозные практики всегда вплетены в исторический контекст. Соответственно, некий универсальный образец мусульманской общины утопичен и не может быть найден в истории [4, р. 222]. В различных исторических и культурных контекстах возникает напряженность между частными интерпретациями ислама, общинными традициями и богооткровенными предписаниями и запретами. Нормативность же выступает формой (результатом) снижения этой напряженности, которая вряд ли может быть сведена когда-либо к нулевому уровню. Дженеа-Бассир приходит к выводу, что религиозную нормативность как таковую следует понимать как продукт конкретного процесса в большей степени, чем следствие правовых и богооткровенных высказываний. Это позволяет религии приспосабливаться к различным социальным и историческим обстоятельствам. Используя типологию нормативности В. Н. Карповича, о религиозной нормативности в трактовке Дженеа-Бассира нужно говорить как о слабом варианте нормативности, когда она предстает в виде правил выбора оснований для поступка и выбора поступка конкретного лица в конкретных обстоятельствах [5, с. 28]. Сразу следует отметить, что В. Н. Карпович сводит нормативность к должностованию, необходимости следовать каким-то правилам, а ее понимание — к ответу на вопрос о соотношении разума, мотивов и рациональности. Он редуцирует нормативность к рациональным структурам сознания. Выстраивать подход к пониманию нормативности на утверждении исключительного значения рациональности возможно, но при ясно осознаваемых ограничениях. Например, М. Коливан ограничивает применение такого подхода логикой, теориями вероятности и рациональных решений [6]. Даже при рассмотрении нормативности морали абсолютизация рациональности в настоящее время выглядит неубедительно, а при исследовании религиозной нормативности — вовсе неуместно.

При рассмотрении понятия религиозной нормативности необходимо обратить внимание на некоторые серьезные «недоразумения» в связи с его определением. Так, по мнению отечественного исследователя Е. А. Коваль, «религиозная нормативность отражает такое свойство религии, как регламентация поведения и мышления человека посредством трансцендентных норм» [7, с. 272]. Действенность нормативности объясняется верой человека в Бога, в сверхъестественные силы, ее основание видится в силе связи человека со сверхъестественным, а также в «некоторой степени на авторитете социальных

институтов, формализующих религию» [8, с. 79]. «Недоразумение» заключается только в том, что такое определение, безусловно, сужает предмет анализа до прямолинейной двухчастной схемы: трансцендентная норма — человек. Нормативность может быть понята как свойство религиозной системы, определяющее ее способность воздействовать на человека, общественные структуры, культуру. Но и в этом случае мы остаемся на поверхности задачи понимания религиозной нормативности.

Процесс выстраивания религиозной нормативности разворачивается во времени и в конкретном историческом контексте. Возникновение религии связано, прежде всего, с появлением богооткровенного послания человеку (текста, признаваемого определенным кругом людей божественным откровением). Существование его в устной или письменной форме в данном случае не имеет принципиального значения. Богооткровенный текст является базовым структурным элементом процесса формирования религиозной нормативности. Он и есть та трансцендентная норма, о которой говорилось выше. Он содержит все многообразие вариантов развития религии. Кроме того, богооткровенные тексты многослойны, насыщены смыслами, что влечет возможности различений, принципиально несовместимых прочтений и, как следствие, принципиально не совпадающих выводов. Так, евангельский текст стал основой для чрезвычайно различных пониманий природы Христа, воплотившиеся в монофизитстве, монофилитстве, арианстве, никео-константинопольском символе веры. Когда текст есть, его содержание может быть прочитано или услышано кем-то. Откровение — это послание человеку, открывающее особого рода коммуникацию. Человеку открывается путь к святости. М. Бубер истолковывает откровение (ветхозаветное и евангельское) как «путь Бога», под которым «никоим образом не следует понимать совокупность предписаний в отношении человеческого поведения, а прежде всего реальный путь Бога к миру и через него, является одновременно областью собственно богопознания, поскольку это „путь“, на котором Бог становится зримым благодаря своей деятельности, и, в качестве первообраза для подражания, — путь человеческой благодати» [9, с. 462]. Эти слова не уводят нас в область теологии, но дают шанс на адекватное понимание богооткровенных текстов. Как замечает М. Бубер, «абсолютная норма дается как указание направления пути» [9, с. 521]. Но это указание получают вполне конкретные люди, воспринимающие его только так, как они в состоянии воспринять. Неизбежно возникает индивидуальная интерпретация. На основе восприятия этой «абсолютной нормы» начинает формироваться религиозная идентичность.

Религиозная идентичность должна рассматриваться как второй структурный элемент процесса формирования религиозной нормативности. Именно в ней появляется необходимость создания связи между тем, что я воспринимаю, и тем, что я должен делать. «Абсолютная норма» преобразуется в какой-то степени осмысленный и определенным образом переживаемый идеал, который в осознаваемой перспективе может быть воплощен в собственной жизни. Принятие идеала влечет конструирование соответствующей картины мира, ценностей, религиозных убеждений, религиозных норм. Но переход от данного к должному не происходит автоматически. Как мы можем его представить, помня о юмовском сомнении в возможности совершить логический переход от утверждений о сущем к утверждениям о должном? Но мы не решаем вопрос, как осуществить такой переход, но выясняем, как он был осуществлен и осуществляется несчетное количество раз. Для решения задачи воссоздания такого перехода весьма полезно обратиться к концепции речевых актов Джона Сёрля [10, с. 77–81]. В основу перехода от фактического состояния к долженствованию Сёрль помещает высказывания, содержащие обещания. Анализируя обещание в структуре иллокутивного акта, Сёрль исключает из рассмотрения обтекаемые обороты, намеки, метафоры и т. д. Он также игнорирует обещания, сделанные в форме предложений, которые содержат элементы, нерелевантные этому обещанию. Как писал Дж. Сёрль, «я собираюсь иметь дело только с простыми и идеализированными случаями» [11, р. 56]. Обещание в той мере, в какой оно реально, означает принятие обязательства действовать определенным образом. «Сущностным признаком обещания является то, что это взятые обязательства для выполнения определенного действия» [11, р. 60]. Таким образом, обещание через принятие обязательства подразумевает будущее поведение индивида. В построениях Сёрля важна не столько эта очевидная констатация, сколько выявление необходимых и достаточных условий совершения акта обещания.

На основе схемы Дж. Сёрля может быть проанализировано возникновение определенной религиозной идентичности со всеми вытекающими из нее обязательствами через процедуры вхождения человека в религию — инициации, клятвы, крещение и т. д. Например, принятие ислама представляет собой речевой акт, отражающий внутреннее преобразование человека. После произнесения шахады человек становится мусульманином. Но эта «формула

единобожия (Я свидетельствую, что нет Бога, кроме Единственного Господа, и свидетельствую, Мухаммад — раб Его и Посланник) должна проговариваться человеком осознанно и иметь подтверждение в его повседневной жизни» [12, с. 81]. Искреннее произнесение этой формулы означает реальное обещание следовать всем предписаниям Корана. Это акт принятия обязательства, который ведет человека к признанию мусульманских ценностей и норм богопочитания, поведения и образа жизни. Человек, принявший ислам, становится членом уммы. Особенностью религиозной идентичности является то, что человек принимает обязательства не перед группой единоверцев, а перед Богом. Тем не менее роль общины чрезвычайно велика.

При образовании общины запускаются процессы институционализации религии. В процессе институционализации религии вырабатывается образец коллективного восприятия и понимания откровения, согласно которому происходит закрепление религиозных норм в обрядовой практике, морали, праве, этикете, иных явлениях общественной жизни.

Понимание религиозной нормативности в качестве результата сложного процесса, имеющего в своей структуре три элемента (возникновение богооткровенного текста, формирование религиозной идентичности, институционализация религии), есть важный методологический принцип при изучении человека в религии. Намеренно не употребляется термин «религиозный человек». Задачей исследования религиозной нормативности является познание человека, взятого во всей его полноте и определившего свое существование в религии.

Применение понятия религиозной нормативности также призвано помочь исследователям четко отделить собственно религиозные нормы, состояния, поступки, институты от социальных, политических, этнических, экономических, художественных и иных явлений. В настоящее время это оказывается особенно важным при анализе таких явлений и процессов, которые обозначаются понятиями «религиозный экстремизм», «религиозный фундаментализм», «межрелигиозные конфликты», «клерикализм», «атеизм» и многими другими.

Религиозная нормативность в предложенном понимании представляет собой не только свойство религии, но ее базовую структуру, которая в отношениях откровения, верующего и общины определяет существование человека в религии.

## Список литературы

1. Карнович В. Н. Нормативность, ценности и рациональные основания // Ценности и смыслы. 2013. № 3(25).
2. Wenstop S. On the nature and sources of normativity: normativity as grounded in affective human nature. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/2413126/Wenstop%202015%20PhD%20thesis.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 25.09.2016).
3. Korsgaard Christine M. The Sources of Normativity. The tanner lectures on human values. URL: [http://tannerlectures.utah.edu/\\_documents/a-to-z/k/korsgaard94](http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/k/korsgaard94) (дата обращения: 21.09.2016).
4. Ghanea-Bassir K. Religious normativity and praxis among American Muslims // The Cambridge Companion to American Islam. Edited by Julian Hammer, Omid Safi. URL: [http://www.academia.edu/13895466/Religious\\_Normativity\\_and\\_Praxis\\_among\\_American\\_Muslims](http://www.academia.edu/13895466/Religious_Normativity_and_Praxis_among_American_Muslims) (дата обращения: 10.01.2017).
5. Карнович В. Н. Логика и нормативность // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 3(63).
6. Colivan M. Naturalising normativity. URL: <http://www.colyvan.com/papers/normnat.pdf> (дата обращения: 25.01.2017).
7. Коваль Е. А. Ненормативная мотивация // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3(25).
8. Коваль Е. А., Якина Л. А., Курмаева К. К. Право, мораль и религия как способы нормативной регуляции отношения человека к природе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12(38) : в 3 ч. Ч. 1.
9. Бубер М. Затмение Бога. Мысли по поводу взаимоотношений религии и философии // Бубер М. Два образа веры. М., 1999.
10. Шевченко А. А. В поисках нормативности: обязательства prima facie // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2011. Т. 9. № 2.
11. Searle J. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. L.: Cambridge Univ. Press, 1969.
12. Аляутдинов Ш. От темы к теме. М., 2005.



## ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;
- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;
- материалы по проблематике социальной философии, этики, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;
- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;
- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы. Журнал считает важной максимальной доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассыл, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», являющегося партнером и дистрибьютором компании East View Information Services, Inc.

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь–девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

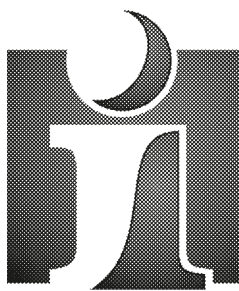
К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (авторов). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу [gsinchenko@rambler.ru](mailto:gsinchenko@rambler.ru). Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный Вестник Омской академии МВД России» (с пометкой: «Клокову Е. А.»). Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Синченко Георгий Чонгарович).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <https://научныйвестник.ома.мвд.рф/>.

Приглашаем к сотрудничеству.



## INFORMATION FOR AUTHORS

---

---

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, ethics, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc.

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manuscript's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

— annotation;

— keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: [gsinchenko@rambler.ru](mailto:gsinchenko@rambler.ru) or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia" (subject: "to Klovov Ye. A."). Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Georgiy Chongarovich Sinchenko).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <https://научныйвестник.ома.мвд.рф/>.

Welcome to cooperate!

# CONTENTS

## Scholarly Provision for Counteracting Offences

- *Abdulganeev R. R.* Criminological Aspects of the Work Carried out by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation to Prevent Religious Extremism among Migrants . . . . . 3
- *Repetskaya A. L., Ivushkina O. V.* Cargo Thefts on the Objects of Railroad Transport: State Dynamics, Specifics of Committing on the Trans-Siberian Railway . . . . . 7
- *Borkov V. N., Spiridonov A. P.* Mechanism of Enrichment through Corruption among Officials by Illegal Involvement in Business Activity (Article 289 of the Russian Criminal Code) . . . . . 10
- *Amarsanaa V.-I.* Objective Side of a Crime of Infringement on Official's Health in Criminal Legislation of the Russian Federation and Mongolia. . . . . 15
- *Beketov A. O.* Procedural Independence of the Investigative Agency. . . . . 20
- *Dash T.* Correlation between Arrest of a Suspect according to the Criminal Procedural Code of Mongolia and Detention of a Suspect according to Article 91 of the Russian Criminal Procedural Code. . . . . 25
- *Tambovtsev A. I.* Problems of Legal Interpretation of General Requirements to People Cooperating with Crime Detection Departments. . . . . 30

## Law and Society

- *Kozhevina M. A.* Educational Law in the System of the Current Russian Law . . . . . 36
- *Gorev A. I., Goreva E. G.* Internet as the Zone of Freedom of Speech or as the New Sphere of Legal Regulation . . . . . 40

## Juridical Retrospects

- *Yazov A. N.* Local Self-Government as the Form of People's Sovereignty Interpreted by Domestic Liberal Jurists of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Centuries . . . . . 45

## Philosophical and Methodological Toolkit

- *Shatalin Ye. A.* Liberalism and Law: Evolution of Doctrine . . . . . 51
- *Narykov N. V., Dementiev S. A.* Forming Factors and Social Conditions of Personal Informational Security . . 57
- *Kozlov S. V.* Power as the Phenomenon of Social Being: toward Post-Classical Prospect of Considering the Problem. . . . . 60
- *Morozov A. A.* Man in Religion: Methodology of Studying Religious Normativity. . . . . 65

**Information for Authors (in Russian)** . . . . . 70

**Information for Authors** . . . . . 71

**Contents.** . . . . . 72

**Abstracts and Keywords.** . . . . . 73

**Annotated List of Authors** . . . . . 75

## ABSTRACTS AND KEY WORDS

*Abdulganeev R. R.* Criminological Aspects of the Work Carried out by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation to Prevent Religious Extremism among Migrants

Relevant statistical data provides the basis for prospective legal and organizational improvements in counter-extremism activity of law enforcement agencies. The author suggests measures of special prevention to counteract spreading of religious extremism ideology, engaging migrants in extremism due to the peculiarities of the criminogenic situation and law enforcement practice. *Keywords:* religious extremism, migration, criminality among migrants, state security, negative social phenomenon.

*Repetskaya A. L., Ivushkina O. V.* Cargo Thefts on the Objects of Railroad Transport: State Dynamics, Specifics of Committing on the Trans-Siberian Railway

The formula developed to define the rate of criminogenic contamination of railroad objects enabled the authors to calculate it in respect to the most common crimes in this sphere, that is cargo thefts, which made it possible to compare the level of these crimes in different sectors of the Trans-Siberian Railway: Eastern Siberia, Zabaikalsk and the Russian Far East railroads. The analysis attempted proves a high level of criminogenic contamination of the estimated Trans-Siberian Railway sector as the rate of cargo thefts varies from 3 to 7 crimes per every 100 km of the part of the railroad covered. The article describes a range of peculiarities of cargo thefts from railway vehicles, which helps to outline law enforcement activity on transport to prevent the mentioned crimes. *Keywords:* rate, criminogenic contamination, railroads, cargo thefts from the railroad objects.

*Borkov V. N., Spiridonov A. P.* Mechanism of Enrichment through Corruption among Officials by Illegal Involvement in Business Activity (Article 289 of the Russian Criminal Code)

Illegal involvement in business activity (Article 289 of the Russian Criminal Code) is depicted as common but rarely revealed among crimes of corruption. Within corruptive relations this encroachment is defined as a specific form of merging of government and business when two sides of corruptive relations are presented by one subject that is at the same time an official and he illegally undertakes business. The mechanism of enrichment through corruption when committing a crime provided by Article 289 of the Russian Criminal Code includes acquiring profit by an official through his illegal business activity patronized by the guilty person himself. The authors prove the objective impossibility of committing the crime under study by the personnel who are not officials, as they do not possess official powers and, consequently, cannot use them for the sake of "their" business. Taking a bribe is a crime related to illegal involvement in business activity. In both cases subjects use their official position for mercenary motives. The distinction made is that when committing a crime provided by Article 289 of the Russian Criminal Code material benefits gained by the guilty person are the profit from illegal business activity in which he is illegally involved and a bribe is taken by the subject from other people for his use of official power. *Keywords:* illegal involvement in business activity, taking a bribe, corruptive relations, mechanism of illegal enrichment, involvement in crime of corruption.

*Amarsanaa V.-I.* Objective Side of a Crime of Infringement on Official's Health in Criminal Legislation of the Russian Federation and Mongolia

The author analyses the objective side of a crime of infringing on an official's health in criminal legislation of the Russian Federation and Mongolia. Under comparison are the norms establishing liability for infringement on an official's health according to the legislation of both countries. The problematic issues arising in the practice of using article 318 of the Russian Criminal Code and article 230 of the Criminal Code of Mongolia are explained. The focus is made on making the suggestion to amend the current legislation of Mongolia. *Keywords:* objective side of a crime, infringement on health, law enforcement officer, the moment of completing the crime, article 318 of the Russian Criminal Code, article 230 of the Criminal Code of Mongolia.

*Beketov A. O.* Procedural Independence of the Investigative Agency

Analysis of changes in law and current legal regulation concerning arrangement of legal relations of authoritative subjects for the prosecution in criminal procedure makes it possible to conclude that the investigative body at present is not an investigator but an investigative agency in the form of an investigator and his chief which predetermines restriction of the investigator's procedural independence in favour of the investigative agency and the leading role of its chief officer. *Keywords:* investigator, chief officer of the investigative agency, prosecutor, procedural independence, investigative agency, preliminary investigation department.

*Dash T.* Correlation between Arrest of a Suspect according to the Criminal Procedural Code of Mongolia and Detention of a Suspect according to Article 91 of the Russian Criminal Procedural Code

The problem of using coercive measures in the form of arrest of a suspect in criminal proceedings in Mongolia is getting more and more important, and norms included in the Criminal Procedural Code of Mongolia cannot be considered completely elaborated. The leading role of applying this coercive measure in criminal proceedings in Mongolia sets the tasks of ensuring the rights of the arrestees and on the other side of providing proper criminal proceedings. To improve the criminal procedural legislation of Mongolia it is necessary to employ foreign experience, in particular that of the Russian Federation. The article contains legal comparative analysis of the institutions of detention and arrest of a criminal suspect in accordance with the corresponding provisions of the criminal procedural legislation of the Russian Federation and Mongolia. The author makes the conclusion that it is appropriate to introduce some amendments to the Criminal Procedural Code of Mongolia for more effective securing of rights and freedoms when making an arrest of a criminal suspect. *Keywords:* arrest of a suspect, coercive measures, detention, suspect rights, actual arrest.

*Tambovtsev A. I.* Problems of Legal Interpretation of General Requirements to the People Cooperating with Crime Detection Departments

The author examines the provisions of Article 17 of the Federal Law "On Crime Detection" regulating citizen's cooperation with crime detection departments. Certain terms and terminological constructs are estimated, practice of law enforcement and possibilities to overcome present juridical collisions are under study. The paper comprises the author's solutions to the revealed problems. *Keywords:* confidential cooperation, crime detection departments, operational units, engagement in confidential cooperation, police agencies.

*Kozhevina M. A. Educational Law in the System of the Current Russian Law*

One of the most significant tasks of modern juridical science is selection of the most effective means of cognition of legal matter aimed to decrease the tension of scholarly discussions on the most important theoretical problems including the issues of structure and correlation between the system of law and the system of legislation, of possibility to form complex branches of law and complex branches of legislation. Educational law belongs to such branches but simultaneously it causes a serious polemics among scholars on its structural belonging: either to the system of legislation or to the system of law. Employing a historically-theoretical method within a retrospective approach decreases the tension of discussion and enables the author to conclude that educational law as a branch has developed through history, has been systematized on the basis of genetic, structural and functional connections changing with the time in a qualitative way and contributing to the gradual transformation of the branch of legislation into a branch of law. *Keywords:* educational law, branch of law, branch of legislation, complex branch of law, complex branch of legislation, system of law, system of legislation.

*Gorev A. I., Goreva E. G. Internet as the Zone of Freedom of Speech or as the New Sphere of Legal Regulation*

The problem of validity of the disseminated information in society is getting more significant. Firstly, it concerns political and economical information as the first one determines the stability of society and the latter influences the citizens' wealth which is also a factor important for stabilization. *Keywords:* account, news aggregator, blog, browser, search engine, validity of information, informational war.

*Yazov A. N. Local Self-Government as the Form of People's Sovereignty Interpreted by Domestic Liberal Jurists of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Centuries*

The second half of the 19<sup>th</sup> century witnessed the problem of uncertain relations between local self-government and state government which was the key problem in implementation of people's sovereignty. Studying the views of domestic jurists such as Korkunov M. N., Chicherin B. N., Lazarevsky N. I., Gradvovsky A. D. the author defines the concept of local self-government as the form of implementation of people's sovereignty, establishes its juridical nature and the basis for independence from state government. *Keywords:* Gradvovsky A. D., Korkunov M. N., Lazarevsky N. I., Chicherin B. N., local self-government, people's sovereignty.

*Shatalin Ye. A. Liberalism and Law: Evolution of Doctrine*

The self-description of liberalism is interesting for legal theory for two reasons. First, it is known that liberalism claims for the status of the universal moral and legal doctrine. Second, these claims are legalized and institutionalized in the form of law and order the example of which can be a conventional European legal system. The evolution of liberal theory to the post-modern rejection of "meta narrations" and claims for "precise representation of being" is developing on the background of increased conflicts between national legal systems and international conventional law and order concerning interpretation of a range of basic legal norms which have the concept of human rights and freedoms developed by the liberal thought as its core. The article comprises the comparative analysis of legal visions of liberals and the shift from attempts to philosophically prove the values of liberalism to substantiation of the right to their privileged interpretation as "a set of useful metaphors" which took place in liberal theorization (Rorty). The issues under study concern the problem of interpreting the legal norms, in particular, the norms of international law, and in a wider context — the problem of establishing the national constitutional identity. *Keywords:* theory of law, liberalism, rationality, constructivism, legal positivism, neopragmatism, evolutionary interpretation, the European Court of Human Rights.

*Narykov N. V., Dementiev S. A. Forming Factors and Social Conditions of Personal Informational Security*

The paper sheds light on the issues of understanding personal informational security as a social phenomenon that characterizes certain social realities of informational security including civilizational character of this phenomenon, the established positive and negative conditions, digital inequality among them. The modern formations and social conditions generate informational risks for a person, which is manifested in the increased alienation of a person from socium and new informational formations and requires a systematic approach to the problem of personal informational security in the informational society. *Keywords:* personal informational security, informational activity, informational socialization, generating social factors, information, digital inequality, informational risks.

*Kozlov S. V. Power as the Phenomenon of Social Being: toward Post-Classical Prospect of Considering the Problem*

A modern socially-philosophical approach is under development implying comprehension of power in the variety of its micro- and macro-manifestations as some balance of forces. The focus is made on the visions of social theorists of post-classical orientation such as Foucault M., Bourdieu P., Giddens A. etc. Referring to them the author touches the problems of "microphysics" of power and its communicative symbolic dimension, institutional power, social order; develops and substantiates the extended interpretation of power as the net of relations which includes social agents and correlates not only with official institutions of power but with the area of everyday life, communication, culture, various channels and forms of social communication. As a result, power is shown as a universal social phenomenon usually registered in the form of some institutional structure but at the same time not narrowed absolutely to such. *Keywords:* power, post-classical cratology, micro-physics of power, institutional power and social order, social institutionalization and reproduction, legitimacy.

*Morozov A. A. Man in Religion: Methodology of Studying Religious Normativity*

Studying normativity has become a prerequisite of understanding morals, law, religion in many fields of modern humanitarian knowledge. Special works devoted to normativity have been published. The concept of religious normativity will make it possible to reveal the specifics of human existence in religion, comprehend the development of a peculiar meaning and life world of a believer. Estimating the ideas of domestic and foreign thinkers the author proves the conceptual scheme of studying religious normativity as the result of the complex interaction of revelation text, believer and religious commune considering social, cultural and political conditions of this interaction. *Keywords:* normativity, man, religion.

## Сведения об авторах

**Абдулганеев Ренат Рафаилович** — кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России

E-mail: renatabd001@mail.ru

**Бекетов Александр Олегович** — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

E-mail: beketov\_ao@mail.ru

**Борков Виктор Николаевич** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Омской академии МВД России

E-mail: borkovv@mail.ru

**Амарсанаа Вандан-Иш** — аспирант адъюнктуры Омской академии МВД России

E-mail: amarsanaa0923@yahoo.com

**Горев Александр Иванович** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

E-mail: gorev\_a@inbox.ru

**Горева Евгения Геннадьевна** — кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры управления и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

См. контактный реквизит соавтора,  
А. И. Горева

**Даш Тамир** — аспирант Омской академии МВД России

E-mail: dash\_tamir2001@yahoo.com

**Дементьев Сергей Александрович** — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и конфликтологии Южно-Российского гуманитарного института (г. Ростов-на-Дону)

E-mail: sadementiev2014@yandex.ru

**Ивушкина Ольга Викторовна** — адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

E-mail: GrigorievaO86@mail.ru

**Кожевина Марина Анатольевна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

**Козлов Сергей Валентинович** — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета

E-mail: koslovserg@yandex.ru

**Морозов Андрей Анатольевич** — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

E-mail: moroz\_may@mail.ru

**Нарыков Николай Владимирович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России

E-mail: nikkuban@mail.ru

**Репецкая Анна Леонидовна** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

E-mail: repetsk@mail.ru

**Спирidonов Анастас Павлович** — доктор юридических наук, доцент, прокурор Омской области, профессор кафедры уголовного права Омской академии МВД России

См. контактный реквизит соавтора,  
В. Н. Боркова

**Тамбовцев Андрей Иванович** — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

E-mail: bestcopat@mail.ru

**Шаталин Евгений Анатольевич** — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и таможенного дела Омского государственного технического университета

E-mail: eashatalin@yandex.ru

**Язов Александр Николаевич** — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

E-mail: an-yazov@yandex.ru

## **В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:**

### **Научное обеспечение противодействия правонарушениям**

- использование частнонаучных терминов в уголовном законодательстве
- назначение и подготовка судебного разбирательства в уголовном процессе
- сторона обвинения как субъект доказывания невиновности

### **Право и общество**

- противодействие хищениям социальных выплат
- споры о правах, связанные с изъятием земельных участков

### **Философский и методологический инструментарий**

- идентификация и самоидентификация личности в аксиологических теориях
- современные социокультурные трансформации ислама в Сибири и на Дальнем Востоке

### **а также**

- расширенная конфискация во Франции и Англии
- установление личности нарушителя специальными техническими средствами
- отзыв на диссертацию по уголовному процессу
- другие материалы

---

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):  
юридические науки, философские науки*

---

